

Журнал издается с июня 1998 г.

Периодичность — 6 раз в год

№2 (12)

Учредитель и издатель
Ю. Мандрика

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Ю. Басков (*г. Салехард*),
Т. Исламова,
Н. Коняев (*г. Ханты-Мансийск*),
Г. Куцев, Ю. Мандрика
(*главный редактор*),
А. Омельчук, С. Пархимович,
А. Петрушин, В. Рогачев,
С. Сарычев, С. Туров

Сдано в набор 10.01.2000.
Подписано в печать 04.04.2000.
Формат 60x84/16.
Гарнитура «SchoolBook». Офсетная
печать.
Бумага офсетная №1.
Уч.-изд. л 9,2.
Усл.-печ. 9,3.
Тираж 300. Заказ №1886.

Адрес редакции
(для переписки):
625003, г. Тюмень,
а/я 501.

Корректор М. Дистанова
Оператор ПЭВМ Н. Нохрина

Тел. (345-2) 25-12-84

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ГУП «Заурал-Пресс».
640627, г. Курган, ул.К. Маркса, 106.

Оглавление

ЛИТЕРАТУРНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

ПОЭЗИЯ

М. Плотников. Янгал-маа. Поэма 21

ПРОЗА

С. Бурова. Осень. Школа старения 44

КНИЖНЫЙ ПРОСПЕКТ

Ю. Мандрика. В ожидании нового «Санина» 80

КРАЕВЕДЕНИЕ

ДАТЫ НАШЕГО КАЛЕНДАРЯ

А. Петрушин. Старшина Оля из военной цензуры 3

ЗАМЕТКИ КРАЕВЕДА

В. Белобородов. Загадка псевдонима 8

ИЗ БЛОКНОТА ЖУРНАЛИСТА

Ю. Переплеткин. Многолюдная «Тундра» 11

ИЗ АРХИВА

В. Ефремов. Материалы для истории оружейного производства в Тобольской губернии XVIII столетия 82

ТЮМЕНЬ ЗАБЫТАЯ

С. Кубочкин. Старинные забавы 103

В. Ефремов. Кулачный бой в Тюмени 112

ТЕКСТ-РАРИТЕТ

Судьбы православия в Сибири за минувшее 300-летие 114

СООБЩЕНИЯ

В. Копылов. К истории поисков золота тюменского Урала 130

О. Еремеева. Первый директор музея Тобольского Севера 135

О. Кардаш. Легенды и духи Казыма 140

TRIVIA (мелочи)

Текутьев в газете «Вестник Западной Сибири» 156

Два письма «Лукичу» в одном конверте 159

Я И ВЕЛИКИЕ

Из серии «Почти анекдот» 160

Петрушин Александр Антонович. Родился в 1950 г. в д. Новотроицк Нижнетавдинского района Тюменской области. Окончил пединститут, высшие курсы КГБ и аспирантуру МБ РФ. Работал учителем в школе, служил в армии. С 1975 г. — в органах государственной безопасности. В настоящее время — заместитель начальника регионального управления ФСБ России по Тюменской области.

Как исследователь «белых пятен» истории края печатался в периодике Югры, Тюмени. Автор книги «Мы не знаем пощады...».

Член редколлегии журнала «Лукич».

Старшина Оля из военной цензуры

***Всю войну Оля читала чужие письма.
Такая у нее была секретная служба.***

«Осведомителя из меня не вышло»

Ее малая родина — деревня Забошная, что в Армизонском районе. Семеро детей. Оля — старшая. Отец работал счетоводом в колхозе. Потом перебрались в Бердюжье. Там она окончила 8 классов, а за девятый тогда платили деньги.

Поэтому решили: поедет Оля в Сталинабад к дяде — тот еще при коллективизации обосновался в Таджикистане.

Когда прощались, отец слезу уронил: не свидимся, мол, больше.

Сибирячку Олю приняли на шелкомотальную фабрику имени Крупской. А война началась — поставили хлебные карточки выдавать: своей чес-

тностью она многих местных поражала.

С другими комсомолками просилась на фронт. Даже курсы медсестер в Ташкенте прошла. Правда, перевязок не делала, больше раненую изображала. Ее на носилках носили как самую маленькую — за полтора метра ростик и как самую легкую — до сорока килограммов не дотягивала. Но в военкомате на Олю даже не посмотрели: иди считай свои карточки. Зато в НКВД заметили ее «положение» — выгодно для выяснения политических настроений на фабрике. И то: в хлебных очередях чего не наговорят. Обо всем и про всех. Включая Сталина.

Но учетчица хлебных карточек эти пересуды не запоми-

нала, а общие отчеты об обстановке в прядильных цехах не устраивали чекистов. Пытались ей втолковать, что к чему, да рукой махнули: не вышло из нее осведомителя.

Зато вышло три постановления Государственного Комитета Обороны о массовой мобилизации женщин. И стала Оля контролером второй категории отделения ВЦ № 141 40-й армии Воронежского фронта.

«Просмотрено военной цензурой»

Таким штемпелем помечено всякое почтовое отправление военной поры: письма, открытки, посылки. Только «похоронки» шли мимо ВЦ.

Военную цензуру создали 6 июля 1941 года «для гласного политического контроля за почтовой корреспонденцией». На фронте и в тылу. В каждой армии — всего их 124 — отделения ВЦ, а в нем по 20 контролеров (при управлении фронтов — отделы ВЦ).

— Ежедневная норма для контролера, — вспоминает Ольга Ефимовна, — 600 писем. Разложишь их: справа — «треугольники», слева — в конвертах. Прочитаешь, тиснешь штемпелем: «просмотрено военной цензурой № 16» — мой личный номер. Работали, как автоматы. Армия в наступлении — писем меньше, в обороне — почтовый поток гуще. На 8 Марта — самый обвал. Сутками спин не

разгибали, чтобы поздравления с фронта женщин в тылу обрадовали. Первую благодарность от Особого отдела НКВД армии я получила в 1943 году за работу перед женским праздником.

А вообще-то задача была: выявлять изменников, дезертиров, паникеров, болтунов. По их письмам составлялись меморандумы и передавались оперуполномоченному НКВД (позднее «Смерш»). Они были при каждом отделении ВЦ. В основном женщины, которые заодно и за контролерами наблюдали.

Если в письмах содержались сведения о дислокации наших частей, то эти строчки замазывались чернилами. Но «высший пилотаж» контролера ВЦ — обнаружение в почтовом потоке агентурного, шпионского отправления. За это сразу медаль давали или орден.

Выписка из приказа: «Ефимова Ольга служит в отделении ВЦ с августа 1942 года. Работу освоила. За выявление документа с признаками агентурной связи награждена медалью «За боевые заслуги». Достояна присвоения звания «старшина специальной службы».

«Знаю по письмам войну и любовь»

Контролеры ВЦ просматривали только «военные» письма. Обратную почту контролировали тыловые пункты ВЦ. О чем писали с фронта? Ольга Ефимовна улыбается:

— О любви. Правда, правда В каждом письме — «милая, родная, любимая». И если кто Сталина ругал или советскую власть, то все равно в последних строках: «люблю, жди, целую». В армейских письмах прощались все мирные обиды: «когда вернусь, то грубого слова не услышишь».

Мы некоторые письма для себя переписывали Самые ласковые и нежные. Или те, что в стихах Тогда вошла в «моду» заочная переписка. Я по почерку знала всех кавалеров почтовой любви. Переживала за них. Плакала даже, если такая переписка обрывалась: значит, убит или ранен. Зато сколько

радости, если придет на контроль знакомое письмо. Жив! Возвратился из госпиталя в родную часть.

Сама только домой письма писала. Маме. И с отцом переписывалась. По времени прохождения его писем и по другим характерным признакам «вычислила»: мы на одном фронте. Он воевал в соседней, 38-й, армии. И тоже чувствовал — дочь рядом. Мечтал: увидеться бы! А мне категорически было запрещено сообщать о месте и характере службы: контролеры ВЦ считались ценными «языками» для немецких поисковых разведывательных групп. Так и не встретились —

На снимке: уникальный документ — разовый пропуск на право перехода государственной границы СССР.

На следующей странице помещена оборотная сторона пропуска.

погиб отец 28 февраля 1943 года. Тогда часть армий Воронежского фронта после неудачного сражения за Харьков попала в окружение.

А контролеры отделения ВЦ № 141 едва не оказались в плену. При отступлении, похожем на бегство, их оставили в крайнем доме села. Спать в ту ночь они легли не раздеваясь.

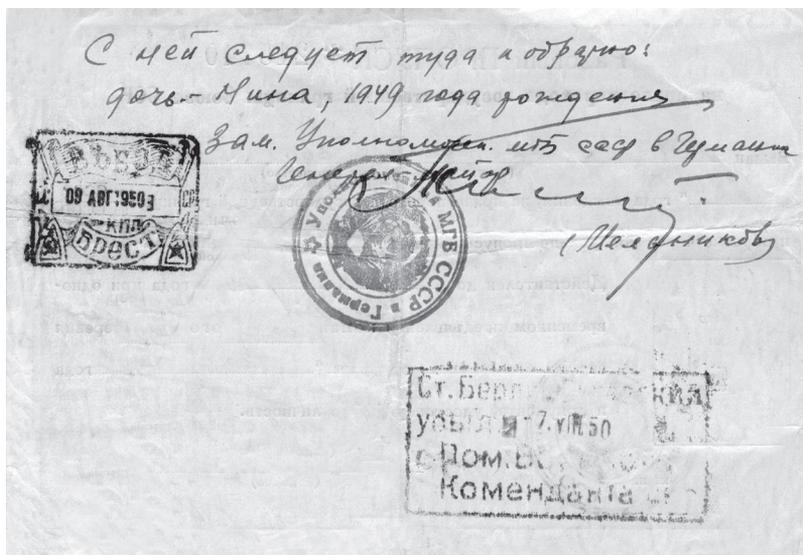
— Слышим, ворота скрипнули. В щели ставен видим: трое в маскировочных халатах скользнули во двор. Прижались мы к стенам: на всех одна винтовка и два пистолета. Сноха хозяйина дома прокралась к нам, шепчет: «Немцы! Спать устраиваются. Утром уйдут, а вы — тихо!». Не выдали нас (село раньше было под оккупацией). А на следующий день за нами

послали машину — выскочили из кольца.

Хозяйство в отделении ВЦ нехитрое: вместе с личными вещами в кузове полуторки помещалось. Контролерам называли место очередной дислокации, и — вперед. На большак «голосовать» или пешим маршем. На запад. Так дошли через Украину, Румынию, Венгрию, Австрию до Праги!

«Шпрехен зи доич?»

Постановлением СНК СССР от 10 ноября 1945 года военную цензуру упразднили. Везде, кроме оккупированных территорий. Склонность Оли к изучению немецкого языка оценили, присвоили ей звание младшего лейтенанта и зачислили на курсы военных пере-

водчиков в Потсдаме. Единственную с восьмилеткой, у других образование — не ниже среднего.

Из аттестации: «За время учебы показала хорошие способности. Выпускные экзамены выдержала в сентябре 1948 года на «отлично». Рекомендуются в качестве переводчика в».

Тогда же пришла к Оле любовь. Но не такая, как в чужих письмах. Горькая. Ее первый мужчина, боевой летчик, испугался, когда понял, что за долгую войну девушка знала о любви лишь из почтовых романов. Поэтому и выбрал простые и более понятные отношения с официанткой из офицерской столовой.

И на новом месте служба у молодой переводчицы не удалась. В ее обязанности входило сопровождать седого и грозного начальника оперсектора МГБ земли Бранденбург по публичным домам, основными клиентами которых были победители.

Женщин толкала на панель послевоенная нужда. На допросах они жаловались переводчице — нечем кормить детей.

— Проститутки плачут, и я в слезах. А начальство недовольно — больно жалостлива. От участия в допросах меня отстранили и перевели на контроль

военной корреспонденции.

Причиной женской жалости была новая жизнь, которую она носила в себе. В мае 1949 года родилась дочь Нина. Пока мать была на службе, за ребенком присматривала немка Катарина, чей сын находился в Сибири в плену.

После образования ГДР советские гарнизоны превратились в запретные зоны. Контакты с населением ограничивались. Дочь стала помехой в секретной работе за границей. Ольгу откомандировали в Тюменское управление МГБ, а в марте 1954 года уволили в запас.

К тому времени Нина умерла от дифтерии. Ольга работала в школьных библиотеках. Вышла замуж. У нее трое детей, внук — студент Уральского политехнического института, внучка пошла в первый класс.

Удостоверение участницы Великой Отечественной войны Ольга Ефимовна получила только в мае 1979 года. В военкомате не оказалось никаких сведений. КГБ забыл о ней. Сама никому не рассказывала о своей службе, считая ее секретной.

Знает ли единственная в Тюмени контролер ВЦ, сколько писем за всю войну просмотрено военной цензурой? Знает. Им говорили. Почти три миллиарда!

Белобородов Валерий Константинович родился 28 декабря 1936 г. в г. Сургуте. Окончил геолого-географический факультет Томского университета. С 1964 г. в Ханты-Мансийске. Работал корреспондентом окружного и областного радио, редактором урайской и нижневартовской газет.

Основатель и первый редактор ежемесячного историко-культурного журнала «Югра» (37 номеров), который положил начало возрождению краеведения в области. Редактировал «Библиотечку журнала «Югра» (11 книг). Один из авторов библиографического словаря «Ученые и краеведы Югры» (Тюмень: СофтДизайн, 1997). Редактор-составитель книг серии «Люди земли Югорской» («Тропа жизни: Учителя Знаменского», Г.М. Дмитриев-Садовников «Версты и строки» и др.). Живет в Ханты-Мансийске.

Загадка псевдонима*

Минуло два года с того дня, как в Тюмени, через 65 лет после первого издания, вновь появилась на свет поэма «Янгал-маа» — плод многолетнего труда М.П. Плотникова по собиранию и обработке мансийского фольклора**. И опять вслед

за автором предисловия к книге В.В. Огрызко приходится констатировать: до сих пор Плотников остается загадочной фигурой среди сибирских деятелей культуры. Вместо подробной и точной биографии мы имеем набор отрывочных све-

* В предыдущем номере журнала (Лукич. 2000. №1. С.8) уже говорилось о начале журнальной акции, которая именуется «Реституция невозвращенных ценностей». Цель ее — вернуть тюменскому читателю, хотя бы в копиях или публикациях, материалы местных музеев, которые были в свое время вывезены в центр, чаще в Москву, или затерялись во времени и пространстве.

Сегодняшняя подборка материалов — это попытка прояснить отдельные моменты жизни Михаила Плотникова. Какое он имел отношение к Тобольску, нам еще предстоит узнать.

Вместе с журналистскими материалами В. Белобородова и Ю. Переплеткина сегодня помещаем полученную более 20 лет назад от сына М. Плотникова Юрия поэму «Янгал-маа». Ибо она имеет совсем иную редакцию, нежели увидевшая свет в 1933-м и 1998 г.

** Князев В.В., Плотников М.П. Русь. — Тюмень: СофтДизайн. 1998. — 544 с. — (Невидимые времена. Т. 9).

дений, библиографии вовсе нет, вопросов куда больше, чем ответов.

Недавно появилось сомнение в том, что выявлены все псевдонимы, которыми Плотников подписывал свои газетные материалы. В известном «Словаре псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Мясанова, в четвертом его томе, указывается только на два плотниковских псевдонима: «М.П.» и «М. Хелли». Известен и третий — «Карено». А осенью прошлого года возникла еще одна догадка.

Перелистывая подшивку тобольской газеты «Советский Север», автор этих строк не мог

не обратить внимания на публикацию романа М. Сибирякова «Клад Кучума». Печатался он подряд, без пропусков, в 28 номерах два месяца — с 1 июля по 5 сентября.

Трудно сказать почему, но почти сразу подумалось, что «Сибиряков» — не подлинная фамилия автора, а псевдоним. Уж не Плотникова ли? На эту догадку навело то, что тремя месяцами раньше в этой же газете напечатан отрывок из «Янгал-маа», а уже в следующем номере опубликован отклик на поэму — статья «Эпос туземцев Севера», что позволяет думать о хороших отношениях между редакцией и автором. Еще более доброжелательно отнеслась ре-

Так выглядела суперобложка книги М. Плотникова «Янгал-маа», вышедшей в издательстве «Academia» в 1933 г.

дакция «Советского Севера» к М. Сибирякову: весьма редкая в газетной практике публикация романа ни разу в течение двух месяцев не была прервана; более того, тобольские газетчики сделали все возможное, чтобы привлечь к ней внимание читателей — в каждом номере текст сопровождают рисунки местного художника П.П. Чукомина. Вполне возможно, что автор «Клада Кучума» побывал в 1928 году в Тобольске.

Чуть позднее, перелистывая в Томске указатель газетных статей «Малые народности сибирского Севера на пути к социализму (1920—1930 гг.)», опять встретился с «М. Сибиряковым», на этот раз автором статей и корреспонденций в новосибирской газете «Советская Сибирь» из Туруханского края, печатавшихся в 1925-м и 1926 гг. Память тут же подсказала, что в 20-е годы сотрудником «Советской Сибири» был М.П. Плотников. В эти же годы его статьи о туземцах сибирского, в том числе и енисейского, Севера печатались и в журналах «Сибирские огни» и «Северная Азия». В статье «Послерусский вогульский эпос» (Сибирские огни. 1924. № 2) Плотников упоминает о своих личных наблюдениях на Оби, Сосьве и Енисее.

В феврале этого года удалось вернуться к газетной пуб-

ликация «Клад Кучума» и внимательнее познакомиться с текстом. В остросюжетном приключенческом романе повествуется о том, как род боярского сына Малушки Хмелева через несколько веков пронес тайну клада. Основатель рода заложил острог на р. Кава, притоке Оби, в местах, населенных остяками. Острог со временем превратился в город, здесь один из отпрысков состоятельной фамилии получил гимназическое образование, а затем и университетское в Германии. Когда автор подводит своих героев к началу двадцатого столетия, сюжетная пружина сжимается и мощным толчком бросает их в самые неожиданные ситуации. Действие переносится за границы не только Сибири, но и России — в Харбин, Лондон; в него вовлекаются новые лица, и вскоре наступает развязка.

В этот раз предположение о том, что М. Сибиряков и М.П. Плотников — одно лицо, получило новое подкрепление: вымышленное название реки Кава есть и в «Кладе Кучума», и в повести Плотникова «Городок на Каве», напечатанной в «Сибирских огнях» в 1938 году.

Затронутый в заметке вопрос еще не имеет окончательного решения, есть пока только внутреннее ощущение, что догадка верна.

Переплеткин Юрий Иванович. Родился в 1938 году в Ханты-Мансийске. Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Многие годы работал в газетах: собственным корреспондентом по Ханты-Мансийскому округу в «Тюменском комсомольце», зав. отделом нефти, газа и геологии в «Тюменской правде», собственным корреспондентом по Тюменской области в «Известиях». Выпустил несколько книг, принимал участие в создании целого ряда сборников повестей, рассказов, очерков. Главная тема его произведений — люди Тюменского Севера, их роль в преобразовании Сибири.

Сейчас Ю.И. Переплеткин работает в департаменте информации и региональных отношений администрации Тюменской области. Активно продолжает литературную и журналистскую деятельность.

Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Многолюдная «тундра»

Так бывает: случайный, ни к чему не обязывающий разговор становится вдруг отправным пунктом для большого и увлекательного поиска. Почти праздная беседа с Л.Г. Тайлашевым, в которой было упомянуто об авторе полузабытого мансийского эпоса «Янгал-маа» («Тундра») М. Плотникове, поначалу особого потрясения души у меня, честно говоря, не вызвала.

Мы с Леонидом Георгиевичем знакомы давно. В 60-х годах я был собственным корреспондентом по Ханты-Мансийскому округу областной газеты «Тюменский комсомолец», а он

— секретарем Кондинского райкома ВЛКСМ. Встречаться и обсуждать молодежные проблемы приходилось довольно часто. Позже у каждого из нас жизнь пошла по своей траектории: он был избран секретарем окружка КПСС, я же переехал в Тюмень, стал работать в другой газете, и мы довольно долго не виделись.

Прошли десятилетия. Многие северяне, выйдя на пенсию, перебрались в областной центр. Одни принялись нянчить внуков, другие посвятили себя дачным заботам; третьи, наиболее неугомные, продолжают ра-

ботать либо заниматься общественными делами. В их числе и Л.Г. Тайлашев: он работает помощником депутата областной Думы и одновременно возглавляет совет ханты-мансийского землячества «Югра» в Тюмени. Оно насчитывает около 200 человек, я тоже являюсь членом этого землячества. Так что у нас с Леонидом Георгиевичем опять появились общие интересы.

Вот почему и состоялась беседа, с упоминания о которой я начал этот рассказ. Мы говорили о делах землячества, о некоторых планах, в том числе на 2000 год, который является годом 70-летнего юбилея Ханты-Мансийского автономного округа. Предполагалось подготовить к празднику некоторые публикации, выпустить брошюры, книги воспоминаний о ветеранах округа, о знатных людях Тюменского Севера.

— А еще хорошо бы к юбилею издать эпос Михаила Плотникова «Янгал-маа», — почти мечтательно произнес Тайлашев. — В переводе это означает «тундра». Надо предложить губернатору округа Александру Васильевичу Филипенко — дело-то хорошее. Ведь народный эпос о мансийском богатыре Вазе увидел свет лишь в 1933 году и с тех пор ни разу не переиздавался. Ко мне приезжал сын автора, Юрий Михайлович Плотников, мы с ним долго обсуждали эту тему. Увы, было это очень давно, а вопрос с публикацией так и не решился

Я ответил Леониду Георгиевичу в том смысле, что, мол, да, надо подумать, обосновать предложение. Впрочем, для этого мне, как минимум, следовало самому прочитать произведение М. Плотникова и вообще поподробнее узнать про всю эту историю.

И вот передо мной довольно объемная книга, выпущенная издательством «Academia» в 1933 году. Но в ней — два поэтических произведения! Это «Янгал-маа» Михаила Плотникова и «Мадур Ваза — победитель» Сергея Клычкова. Жанр второго обозначен как вольная обработка поэмы «Янгал-маа». Чем была вызвана необходимость этой обработки? Слабость первоисточника? Или желанием С. Клычкова стать как бы соучастником того огромного и важного дела, которое осуществлял М. Плотников? Вот несколько абзацев из вступительного текста «От издательства»:

«В 1930 году в издательство поступила рукопись Мих. Плотникова, заключающая в себе стихотворную обработку вогульских сказаний, с приложением статьи, представляющей довольно элементарный анализ этих сказаний, главным образом с этнографической точки зрения, и краткий рассказ автора об условиях, в которых он собирал осколки эпических сказаний вогульского народа. Не трудно было убедиться, что в рукописи Плотникова мы имеем дело с работой большой исто-

рической и художественной значимости. В ней впервые выступило на сцену творчество одного из тех «малых» народов, которые, как казалось еще недавно, раз навсегда сметены со страниц истории заговорами политической и колонизаторской практикой русского царизма. Сама работа Плотникова над песнями и сказаниями вогулов невольно приводила на память работу, проделанную автором «Калевалы» над эпосом финнов и автором «Песни о Гайавате» над песнями и сказаниями индейцев Северной Америки

Дефекты поступившей в издательство рукописи (метрические недосмотры в поэме, эскизность и невыдержанность предпоследней поэме статьи) заставили издательство попытаться вступить в личную связь с автором. Попытки эти долгое время оставались безрезультатными.

Лишь с самом конце 1932 года М. Плотников дал о себе знать издательству. В это время приступили к верстке настоящей книги. Поэтому мы не могли предоставить возможность М. Плотникову внести в книгу сколько-нибудь значительные изменения.

В то время, когда издательство разыскало Плотникова, с его рукописью по просьбе издательства ознакомился поэт С.А. Клычков. Результатом явилась новая поэма «Мадур Ваза — победитель». С.А. Клычков воспользовался сюжетом и общей

композицией поэмы Плотникова и оставил в неприкосновенности ряд стихов и строф Плотникова. Однако его поэма, конечно, — самостоятельное произведение.

Ценность открытого Плотниковым эпоса вогулов настолько велика, что — можно не сомневаться — он и после Плотникова и Клычкова не раз еще привлечет внимание поэтов и художников».

Думается, долг и обязанность специалистов — сравнивать два произведения, сопоставлять их художественные достоинства, делать выводы относительно обоснованности «вольной обработки» С. Клычкова.

В книге опубликована также большая аналитическая статья М. Плотникова «Вогульский эпос», датированная 1924 годом, и «Напутствие» — своего рода авторское представление поэмы, признание читателю в том, как нелегко создавался эпос. Внизу дата: 25 июня 1927 года. Запомним ее: позднее у нас речь пойдет еще об одном «Напутствии».

Со дня выхода в свет книги издательства «Academia» прошло 67 лет. Прямо скажем, солидный срок. Однако было бы неверным однозначно утверждать, что за все это время на Тюменском Севере так никто ни разу и не вспомнил о произведении М. Плотникова. Отнюдь. В 1990 году в Омске была напечатана подготовленная издательством «Столица» скромная книжечка в мягком переплете объемом в

80 страниц. Ее автор — наша землячка, писательница из Нижневартовска М. Анисимкова. Книга называется «Янгал-маа» («Тундра»). А ниже обозначение жанра: «Вольная обработка в прозе мансийского поэтического эпоса». При взгляде на эти слова сразу вспоминается «вольный обработчик» С. Клычков, и в душу закрадывается сомнение: не слишком ли много вольностей по отношению к поэме М. Плотникова?

Тоненькая книжечка после прочтения вызвала у меня двойственное чувство. С одной стороны, возможно, шаг автора оправдан. Я много лет знаю М. Анисимкову, читал большинство ее произведений, считаю достойными уважения интерес и верность писательницы по отношению к фольклору народностей Севера. Наверное, она хотела хоть в какой-то форме сберечь, сохранить для читателей, прежде всего тюменских, то, что М. Плотниковым было создано в начале века. А с другой стороны, сжатое прозаическое изложение эпоса оставляет странное впечатление. Ну, как если бы кто-то «своими словами» пересказал сказку про Руслана и Людмилу. Сюжет, действия героев, последовательность событий сохраняются, а богатство образов, неповторимая игра слов, очарование поэзии — пропадают бесследно.

Досаду вызвала и вступительная статья А. Чернышова

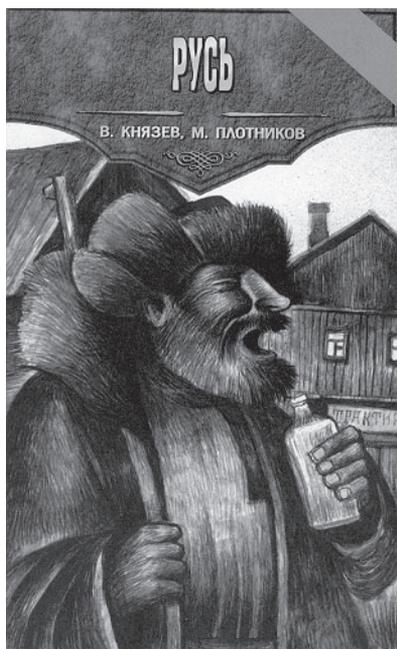
под странноватым названием «На пути к мансийскому Олимпу». В ней много небрежностей, к примеру, Михаила Павловича Плотникова автор статьи почему-то величает Михаилом Александровичем. И если М. Анисимкова пересказывает содержание эпоса, то А. Чернышов столь же обстоятельно пересказывает ее пересказ. И все же один абзац из статьи хочется здесь привести: людей, причастных к обсуждению «Тундры», оказывается, не так уж мало:

«Конечно же, ценность открытого Плотниковым эпоса манси, несомненно, велика и значительна. Но как бывает подчас, о вкладе фольклориста незаслуженно забыли, и о существовании его поэмы зало небольшое число специалистов. Позже появились исследования В.Н. Чернецова, И.И. Авдеева, Н.И. Новиковой, Е.А. Хелимского, Т.А. Бажан».

Между тем, мы с Л.Г. Тайлашевым продолжали думать, каким образом убедить администрацию Ханты-Мансийского округа выделить средства на издание мансийского эпоса. Наш главный довод оставался прежним: с 1933 года никто нигде не печатал «Янгал-маа»!

Подходил к концу 1999 год, до юбилея округа оставалось совсем немного. И тут мы сделали для себя буквально ошеломляющее открытие.

Оказалось, что известное в Тюмени издательство «СофтДи-

И в этот раз М. Плотникову снова не повезло. Книгу они делят вдвоем с В. Князевым.

зайн» еще в 1998 году полностью(!), со всеми вступлениями, со статьей «Вогульский эпос», опубликовало произведения М. Плотникова. «СофтДизайн», знаменитый умением возвращать из небытия уникальные вещи забытых или полузабытых авторов, подарил любителям истории и литературы замечательный десяти томник под символической рубрикой «Невидимые времена». И вот в девятом, прекрасно, кстати сказать, выполненном, томе — «Янгал-маа»!

Здесь же во вступительной статье В. Огрызко пишет: «Одна из самых загадочных фигур в истории литературной Сибири первой половины XX века — Михаил Плотников. С его именем неразрывно связаны многие проблемы мансийского фольклора и литературы. Он написал множество рассказов, повестей, исторических очерков. Но главной книгой его жизни стала поэма «Янгал-маа». Она вошла в сокровищницу мировой литературы.

Увы, к нашему позору, мы до сих пор о Плотникове почти ничего не знаем. Так, авторы библиографического словаря «Ученые и краеведы Югры» (Тюмень, 1997), издания в целом очень солидного и достойного всяческих похвал, В. Белобородов и Т. Пуртова честно признают, что о жизненном пути автора книги «Янгал-маа» располагают крайне скудными сведениями. Не случайно вместо года рождения писателя они поставили знак вопроса. Весьма приблизительно определена в справочнике и вторая, скорбная дата: сказано, что Плотников умер после 1933 года.

Пришло время собрать, изучить и заново издать все наследие Плотникова. Это имя должно быть золотыми буквами вписано в историю Севера».

Между прочим, В. Огрызко называет еще несколько фамилий этнографов, фольклористов, литературоведов, анализи-

ровавших и в основном критиковавших «Тундру». Это В. Чернецов, В. Тонков, А. Баландин, А. Бормин.

Узнав про акцию «СофтДизайна», Л.Г. Тайлашев расстроено сказал:

— Нас опередили

— Но ведь это всего лишь техническая перепечатка из старой книги, — ответил я. — Нового варианта поэмы еще никто не видел. Да и об авторе «Тундры» по-прежнему мало что известно. И теперь документы, полученные от Юрия Плотникова, приобретают особое значение. Их надо опубликовать!

— Правильно, — согласился Леонид Георгиевич.

Итак, в 1974 году сын Михаила Павловича Юрий Михайлович Плотников, будучи в журналистской поездке по Тюменскому Северу, приходит к секретарю Ханты-Мансийского окружкома партии Л.Г. Тайлашеву. Юрий много рассказывает об отце, о сложной судьбе «Янгал-маа», просит содействия в издании переработанного и дополненного отцом нового варианта мансийского эпоса. В частности, говорит Юрий, Михаил Павлович к тринадцати главам (песням) «Тундры» добавил еще одну, заключительную, четырнадцатую, которой в книге 1933 года нет вообще. Обновил он и «Напутствие» перед поэмой: теперь оно помечено уже не 1927-м, а 1946 годом

Плотников-младший и Тайлашев договариваются: сразу после возвращения домой в Красноярск Юрий Михайлович присылает в Ханты-Мансийск экземпляр переработанного эпоса и по возможности подробный рассказ об авторе, т.е. об отце.

Все обещанное пришло очень быстро. К сожалению, Л.Г. Тайлашеву не удалось добиться публикации поэмы: сделать тогда это было очень непросто. Но он сохранил и текст эпоса, и письма. За четверть века они нигде не были обнародованы.

Теперь это время пришло.

Прежде всего «Напутствие». Конечно же, оно отличается от варианта 1927 года. После Великой Отечественной войны автору, естественно, нельзя было не упомянуть о непобедимом знамени партии Ленина—Сталина. Впрочем, переходу к тексту:

«НАПУТСТВИЕ».

Двенадцать лет потребовалось мне для того, чтобы из отдельных разрозненных былин, сказок, сказаний и шаманских песен манси составить и написать «Янгал-маа».

Целые месяцы в дымных юртах, землянках и берестяных чумах, на берегах безымянных рек, в тайге, на границе карликовых лесов, где начинаются бескрайние просторы тундры, приходилось собирать по крупинкам у скупых и недоверчивых сказителей рассказы о богатыре Вазе, красавице Ючо, злом боге Мейке, огненной птице Таукси, о Торьме и многих других богах, героях и шайтанах «Янгал-маа».

Прошло много лет, но и поныне я не могу забыть сторбенную фигуру столетнего сказителя-манси Кутони, чум которого стоял в верховьях Горностаевой реки. Не могу забыть его слова: «Зачем скрывать стариковские рассказы? Напиши их маленькими словами, может быть, добрые люди помогут бедным манси в их тяжелой жизни».

Старый Кутоня покинул обжитой чум, стоявший недалеко от берега, где стволы высоких сосен отливают медью: около одной из них, в густом папоротнике поместилась забытая могила — под холмиком лежит Кутоня, а на сучке сосны висит навсегда умолкший бубен.

Уходя в дорогу предков, Кутоня не знал, что через несколько лет не только для манси, но и для всех северных народов Сибири наступят светлые дни. Манси дождались богатыря-освободителя, но он пришел не в образе музыканта с берегов таежной Ксенты, а в виде русского многомиллионного пролетариата под непобедимым знаменем партии Ленина—Сталина.

С любовью и признательностью я всегда вспоминаю Кутоню — моего учителя мансийского языка, таежника с Горностаевой реки, который помог мне открыть таинственный эпос — мансийское сказание «Янгал-маа» и воскресить образ мадура (богатыря) Вазы.

Исполняя волю Кутони, я отдаю на суд читателей его «стариковские рассказы».

21 ноября 1946 г.

Мих. Плотников».

Теперь короткая сопроводительная записка:

«Уважаемый Леонид Георгиевич!

Посылаю Вам обещанный в июле 1974 года материал о моем отце Мих. Плотникове, авторе поэмы «Янгал-маа». Прошу простить за некоторую задержку. Написал все, что знал и что могла сообщить наша мама. Время стирает из памяти многое у старых лю-

дей, а ей уже около 80 лет. Если нужны какие-либо дополнительные данные и материалы, сообщите — постараюсь восстановить, хотя это нелегко.

Мы с братом хотели бы знать, каковы перспективы на издание поэмы в Тюменском издательстве. Хорошо бы к 40-летию округа напечатать ее с Вашим участием и вступительным словом о поэме и авторе. Вашу публикацию «Новые зори Югры» прочитал с большим вниманием и удовольствием. Это не только новые зори, но уже и новые песни ханты и манси.

С товарищеским приветом

Ю. Плотников.

Р.С. Если можно, подтвердите получение материала.

28.08.1974 г.».

Наконец главный и, пожалуй, самый ценный материал, поскольку он дает богатую информацию о М.П. Плотникове, о котором, как писал В. Огрызко, мы «почти ничего не знаем»:

«Тюменская область, секретарю Ханты-Мансийского окружкома КПСС тов. Тайлашеву Л.Г.

О Михаиле Павловиче Плотникове, его жизни и творчестве писать нелегко. Поэт, писатель, зоотехник-оленьевод, журналист — таков Плотников, жизнь которого была кочевой. От Сахалина и Камчатки до Северного Урала пролегли пути и тропы, которые исходил и изъездил этот человек, а если добавить экспедиции по Монголии, к Диксону в 1920 году, участие в первых перелетах на Север с известными полярными летчиками — не многовато ли это для одного человека?

Чего искал он на земле? Какая сила толкала его каждый год во все новые экспедиции и походы? Я считаю: он искал клады. И находил их! Как, например, в сердцах, мечтах и думах потерявшегося на севере Западной Сибири небольшого народа — манси.

Двенадцать лет потребовалось этнографу и поэту, чтобы слить воедино, воссоздать героико-эпическую легенду этого народа.

По свидетельству автора, по крупицам, песню за песней, строфу за строфой собирал он материал, который лег в основу поэмы «Янгал-маа». После положительного отзыва М. Горького отец подготовил ее к печати, послал в издательство Академии наук СССР и в 1930 году уехал в дальнюю двухгодичную командировку на Енисейский Север.

Издательство потеряло автора, в это время некто Сергей Клычков, далекий от Севера человек, надеясь, что автора, возможно, нет в живых, осуществил «вольную» обработку поэмы. Не хочу судить о достоинствах и недостатках обработки, которая увидела свет в сборнике вместе с оригиналом в 1933 году. Именно оригинал остается первоисточником мысли и духа, результатом двенадцатилетнего труда. Перед нами эпос, подобный «Калевале», «Давиду Сасунскому», «Манасу Великодушному», но — эпос северных народов: ханты и манси. Герой этого произведения мадур (богатырь) Ваза, ради любви и счастья людей вступивший в противоборство со злыми и темными силами, совершает ряд подвигов. В думах и деяниях богатыря Вазы заложены мечты о счастье в то время забытого народа.

Прошли годы, и эта мечта воплотилась в реальность с помощью русских братьев и социалистической революции, которые принесли «новые зори Югры».

Об этом М. Плотников сумел повесть после очередной непродолжительной поездки на Север в середине сороковых годов. Так что последняя песня «Янгал-маа» (четырнадцатая) не вошла в первое и пока единственное издание поэмы и имеется только в рукописи.

Не буду подробно разбирать и анализировать поэму Михаила Павлови-

ча Плотникова, т.к. не обладаю достаточными этнографическими знаниями об особенностях уклада жизни вашего самобытного народа, фольклор которого свидетельствует о его большой одаренности. Однако знаю о сегодняшнем возрождении этого народа, о больших достижениях в хозяйственном и культурном строительстве не понаслышке — по Вашей, Леонид Георгиевич, деятельности и публикациям, по произведениям Ювана Шесталова, Миккуля Шульгина, других товарищей.

Дело оценки и издания поэмы по праву должно быть доверено представителям народа ханты и манси. Такова, очевидно, была бы воля автора и соавтора — старика Кутони с Горностаевой реки и многими, кто помог подарить людям мансийский эпос «Янгал-маа», показать героя Вазу. Наверное, нужно сделать так, чтобы в наше время о четырнадцати песнях «Тундры» знали не только историографы, а все, в том числе и молодые люди, чтобы они гордились эпосом своего народа, равного в великой братской семье нашей страны. Неплохо бы издать поэму «Янгал-маа» к 40-летию образования Ханты-Мансийского национального округа.

А теперь некоторые биографические данные о Михаиле Павловиче Плотникове. Он родился в ноябре 1892 года в старинном сибирском городе Кольвани на Оби в семье столяра-краснодеревщика. Здесь прошло его детство. Когда мальчику исполнилось десять лет, семья переехала в Новониколаевск, где Плотниковы приобрели дом и открыли мастерскую по ремонту мебели. В 1903 году Миша поступил в реальное училище, которое окончил с отличием в 1910 году. Одновременно он начал подрабатывать репортерским трудом.

После училища поступил на агрономическо-зоотехнические курсы (установить, как они точно назывались, в настоящее время трудно), которые

окончил в 1912 году. После получения профессии зоотехника выбрал профиль «северное оленеводство» и этнографию. С 1912 года неоднократно бывает на Севере — от Урала до Диксона.

К тому времени относится начало сбора фольклорного материала по вогульскому (манси) эпосу для будущей поэмы «Янгал-маа».

С 1912-го по 1925 год отец работал в Чите, в управлении Севера. Совершил ряд экспедиций в приполярные районы и в Монголию. При обработке материалов встречался с Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым, автором «Дерсу Узала». К тому времени М. Плотников уже опубликовал ряд серьезных научных работ по этнографии и оленеводству. Позже он снова приехал в Новосибирск. Работает там в газете «Советская Сибирь» и журнале «Сибирские огни» ответственным секретарем. Тогда в «Сибирских огнях» сотрудничали Александр Поспелов, Ефим Пермитин, Савва Кожевников, Николай Правдин, В. Ошаров, Лидия Сефуллина и другие.

В 1927—1929 годах работал в Кемерово в газете «Кузбасс». Написал роман «Клад Кучума», изданный в «Кузбассе». Затем в Тюмени, в «Тюменской правде». Продолжает работу по специальности, совершает поездки по Северу, готовит к публикации поэму «Янгал-маа». В 1929 году закончил работу над поэмой, послал на отзыв к М. Горькому. Поэма М. Горьким была оценена положительно и предложена к публикации Академии наук СССР.

Отец получил предложение для продолжения научной работы с выездом на Енисейский Север (Туруханский район, ст. Фарково) директором первого в Сибири опытного оленеводческого питомника. Ведет там научную работу, выпускает две книги по оленеводству.

В 1931 году наша семья выезжает в Красноярск, где жили родственники

матери, а затем отец получает назначение начальником управления Севера ДВК в Хабаровске. К этому времени стало известно о публикации поэмы «Янгал-маа» и о «вольной» обработке ее С. Клычковым, московским литератором, очевидно, одним из редакторов издательства, который надеялся, что автор безнадежно потерялся.

Затем мы жили в Хабаровске. Отец постоянно находился в разъездах и экспедициях: на Камчатке, Сахалине, Чукотке, на реках Зее, Буреи и т.д. В общем, насколько помню, а помню я смутно, дома он бывал наездами, причем не один, а с товарищами. Не зря наша мама говорила, что у нас «не дом, а перевалочный пункт».

В те годы отец написал ряд статей по этнографии, оленеводству, читал лекции в отделениях Института народов Севера в Благовещенске и Хабаровске (были тогда такие отделения). Одновременно шла работа над романом о первопроходцах Сибири «Городок на Каве», первая часть которого была напечатана в «Сибирских огнях» в 1936 году. Кроме того, будучи членом Союза писателей ДВК, М. Плотников вел большую работу как рецензент и член правления.

В 1937 году по ложному доносу был репрессирован и реабилитирован лишь в 1943 году. Все архивы и наиболее ценные материалы (переписка с М. Горьким, В. Шишковым, А. Толстым и др.) исчезли бесследно.

В 1943 году он вернулся к жене в Красноярск, когда мы с братом (я — Юрий, рождения 1925 года и Павел, рождения 1920 года) еще находились на службе в армии. Здоровье отца было сильно подорвано, но он продолжал работать до 1947 года в качестве начальника сектора Севера крайсельхозуправления. Ездил в экспедиции в северные районы Красноярского края и Новосибирской области, занимался литературным трудом. В то время он завершил четырнадцатую

(последнюю) песню «Янгал-маа», которая сегодня имеется лишь в рукописи. Писал также рассказы для местных изданий.

В 1946 году во время одной из поездок едва не погиб, получил сильное обморожение суставов.

В 1947 году вышел на пенсию; вместе с нашей матерью, учительницей, уехал и жил в поселке Ирша Рыбинского района Красноярского края, где скончался 5 марта 1953 года.

Скажу прямо: имя этого человека в настоящее время помнят немногие, оно почти забыто. Очевидно, часть вины ложится и на нас — его детей. Поэму «Янгал-маа» и другие произведения можно было давно переиздать, но все недосуг, некогда. Да и под силу ли такая задача нам двоим с братом?

Моя жизнь сложилась так. Служил в армии до 1948 года, затем по состоянию здоровья демобилизовался. В 1951 году окончил пединститут, стал членом КПСС. Работал много лет на Севере, в Туруханском районе, почти в тех местах, где мы жили в 30-е годы. Окончил факультет журналистики — больше для души. Изредка пишу, еще реже печатаюсь. Вот уже около четверти века работаю директором школы, в настоящее время спецшколы-интерната № 5 города Красноярска.

Старший брат, Павел Михайлович, — бывший танкист, а с 1944 года журналист, сейчас на пенсии, живет в селе Идринское Красноярского края.

Наша мать, жена М.П. Плотникова Людмила Петровна, всю жизнь проработала учительницей, сейчас на пенсии, живет в Красноярске по улице Лебедевой, 17, кв. 3.

Вот, пожалуй, и все, что можно сообщить о моем отце, авторе «Янгал-маа», и его близких.

С уважением —

Ю. Плотников.

Мой адрес: 660049, Красноярск-49, ул. Ленина, 91, кв. 43.

28 августа 1974 года».

Нет сомнения, что если последний вариант эпоса «Янгал-маа» («Тундра») будет все же где-то напечатан, исследователям творчества М. Плотникова предстоит большая и кропотливая работа. Почему дополнительная, последняя глава (песня) в новом варианте — четырнадцатая, тогда как в издании 1933 года их аж двадцать? В чем отличие «нового» и «старого» эпоса? Как соотносится модернизированный текст поэмы М. Плотникова с «вольной обработкой» С. Клычкова? И т.д.

Не менее любопытно и другое: живы ли сегодня родственники М. Плотникова, его сыновья? Если да, что еще интересного могут они сообщить о своем знаменитом отце? Как сложилась судьба Юрия Михайловича после 1974 года? Вопросы, вопросы

Необыкновенное произведение. Таинственный автор. Для пытливого ума — счастливая возможность исследовать, находить, радоваться и удивляться.

Янгал-маа

(Тундра)

Поэма

Песня первая

Кукса

В кружок тесный у чувала
Собрались вогулы слушать
Сказку Куксы — песню Куксы
О счастливом избавленьи
Позабитого народа.
А ему на гусе¹ вторил
Ваза — юноша прекрасный,
Музыкант забытых песен.
Долго думал ойка² Кукса,
На огонь глядя в чувале.
И потом он начал песню
Тихим голосом печальным:

«Это песня и загадка:
Кто откроет смысл великий,
Полный вещего значенья,
Кто исполнит слово в слово
Все слова загадки-песни,
Тот спасет народ забытый,
Тот укажет путь широкий,
Как река весной в разливе —
Пусть откроет каждый сердце,
Пусть откроет каждый душу
И прислушается к песне...
Все проходит, умирает

И родится в новом свете —
В царстве вечного Торыма³.

Кто не знает ойка Мейка⁴,
Кто не слышал, как он плачет,
По тайге скитаясь тайно,
И охотников уводит
От тропинок проторенных
В лес дремучий иль болото,
Где гагары гнезда свили,
Где горят огни в тумане, —
Там он губит их навеки...
Часто птицей он огромной
Прилетает к дому чумов⁵,
Посылает смерть и горе.
Чаще Мейка прилетает —
Больше падает оленей,
Меньше дремлют волки-шейши⁶.

В старину, что миновала,
Далеко в отрогах Кеу⁷,
На скале, над Пупы-яя⁸,
Было капище большое,
В этом капище обширном
Жил великий ойка Мейка.

¹ Гус — старинный музыкальный инструмент манси.

² Ойка — старик.

³ Торым, Торум, Нум, Мирр-Суснахумм — верховное божество мансийской мифологии, которому подвластна вся вселенная, творец мира.

⁴ Мейк — злое божество мансийской мифологии, насылающее болезни на оленей.

⁵ Чум — палатка из шкур или бересты конусообразной формы.

⁶ Шейш — волк.

⁷ Кеу — Уральские горы.

⁸ Пупы-яя — священная река.

В те года, что миновали,
В гордом сердце бога Мейка
Не горела жажда мщенья,
Он любил народ мансийский,
Был ко всем сердечно ласков,
Справедлив и прям душою.

Но шаман — предатель Гузы
Был подкуплен воеводой
За ружье и пару колец —
Он тихонько от народа
Вынул очи бога Мейка.
Ослепленный ойка Мейка
Не настиг шамана Гузы,
Спрятал Гузу в Царство Теней
Торым-Нума всемогущий...
Но отмстил нам Мейк жестоко,
Как семье, его родившей;
И забыть не может Мейка
Эту старую обиду.

В тучах черных на оленях
Он проносится, как ветер,
Громящая крепкой нартой...
«Гром гремит», —

тогда мы молвим.

Если молния прорежет
Тучу черную, как змейка, —
Это прыгают олени,
Подгоняемые Мейком,
И рога их золотые
Рассекают тело тучи...
«Это молния», — мы скажем.
Пусть герой не уstraшитсЯ,
Пусть он хитростью

иль силой

Овладеет оленями,
Запряжет их в нарту бога
И на тройке златорогих
Пусть направит к чуму ойки
Старика Отца Медведя»⁹.

Песня вторая

Тамга¹⁰

И когда склонилось солнце
За зубчатые вершины
Елей хмурых над увалом,
И кровавые осины
Над кровавою рекою
От лучей закатных солнца
Что-то тихо зашептали,
Ойка Кукса песнь продолжил
О Медведе — Шубном Старце,
О пере Священной Птицы,
Птицы Таукси Великой,
И ему на гусе вторил
Ваза, юноша прекрасный,
Музыкант забытых песен...

«В те года, что миновали, —
Так продолжил песню Кукса, —
Что не помнит даже Ортик¹¹,
Бог Обской губы и тундры,
В первый раз в тайге явился
Отец Шубный — ойка мудрый —
Рассудить людские споры
И зиму сменять на лето¹².

Проходил так год за годом,
И ни разу сердце ойки,
Старца Шубного — Медведя
Не склонилось к лжи-неправде,
И ни разу ойка-старец,

⁹ Медведь — Вуяньчх-отец, мойбер, Шубный Старец и по мансийской мифологии поколение «пор-си» произошло от медведя и русалки Мюсснэ, вследствие чего медведь является родственником манси.

¹⁰ Тамга — священный знак, талисман, родовый знак.

¹¹ Ортик — божество Обской губы.

¹² Намек на зимнюю спячку медведей.

Разбирая споры манси,
 Как неопытный охотник,
 Не терял следа лисицы,
 Видел зубы росомахи,
 Когти белого орлана,
 Под водой бобра жилище,
 Но ошибся Шубный Старец,
 Разбирая дело Ючо...

Кто не знал красотку Ючо?
 Много юношей прекрасных,
 Ловких, смелых, быстроногих
 Предлагали вишнэ¹³ Ючо
 Свой костер и место в чуме.
 Двадцать весен миновало,
 Но ни разу вишнэ Ючо
 Не сказала: «Слушай, парень,
 Запрягай своих оленей,
 Посади меня на нарту,
 Покажи, где чум поставил,
 Посмотрю, тепло ли в чуме,
 Не сварилась ли похлебка?».

И тогда, томимый страстью,
 Манси Лач с реки Оленьей
 Захотел ее похитить,
 Увезти к огню своему.
 Ночью темной он прокрался
 В чум, стоявший в семи кедрах,
 И, как рысь, напал безумец,
 Он схватил в охапку Ючо
 И на нарту ее бросил.
 Как змея, скользнула Ючо,
 Нож блеснул в руке проворной,
 И, блеснув, ударил в сердце...
 Лач упал на снег у нарты,
 Так он справил свою свадьбу...

Разнеслася весть повсюду,
 Все кричали: «Стыдно, стыдно,
 Чтобы женщина мужчину
 Безнаказанно убила».

И, связав ремнями, Ючо
 Отнесли к Отцу Медведю
 Для суда и наказания.
 «Смерти требуем!» — сказали,
 Как один, манси во гнев.
 Испугался Шубный Старец
 И хотел махнуть он лапой
 В знак согласия с народом...
 Хохот дикий прокатился
 По вершинам гор великих,
 На оленях золоторогих
 Мейка грозный вдруг явился.
 «Стой!» — он крикнул
 Старцу грозно...

Зашатались гор вершины,
 Заскрипели округ кедры,
 И ручьи умолкли разом,
 Все упали на колени...
 Все молчали, ждали слова,
 Ждали бед и наказаний
 От разгневанного бога.

Мейк в молчанье сел на нарту,
 Посадил с собою Ючо,
 Плюнул Старцу прямо в морду,
 Тем лишив его рассудка
 Разбирать дела людские,
 Укатил на север быстро,
 Крикнув голосом веселым:
 «Ючо будет мне женою».

Пусть герой не устрашится,
 На оленях золоторогих
 У истоков рек Оксыра
 Он отыщет юрту ойки —
 Старика Отца Медведя,
 Украдет тамгу Торыма —
 Знак свободного прохода
 В царство Мирры-Суснахумма.
 Это будет подвиг новый,
 Шаг второй к спасенью манси.

¹³ Вишнэ — девица.

Песня третья *Таукси*

Третья ночь сошла на землю,
Третью песню начал Кукса
Под удары барабана,
Под напев свирели нежной,
Тонко сделанной шунгуром¹⁴
Из кости берцовой птицы,
Птицы лебеда-Кватына¹⁵,
И ему на гусе вторил
Ваза, юноша прекрасный,
Музыкант забытых песен.

«Вы видали темной ночью:
С неба звездного, как камень,
Светом огненным играя,
Птица Таукси слетает,
И, глядя на это чудо,
Говорим в уме мы тихо:
«Кто-то умер ночью этой,
Кто ушел тропою предков
В путь далекий и последний?».

В те года, что миновали,
Когда русские казаки
На больших ладьях приплыли,
Утекло воды немало.
Дней прошло — не считаешь...
Вот тогда, где наша Асья¹⁶
Принимает, как подругу,
Реку Белых Горностаев¹⁷,
В кедраче, в немой низине
В юрте маленькой из бревен
Птица Таукси гнездилась.

Каждый год, когда две зори —
Две сестры сходились вместе,

В месяц Пестрой Куропатки¹⁸,
Люди шли проведать птицу,
Поклониться ей дарами,
Посмотреть, как две сестрицы
Пляшут, радуясь встрече,
И послушать тернинг-ёри¹⁹
О походах богатырских.

В этот год на Черном яре
Было пусто и безлюдно —
Не гремели барабаны,
Голосов не слышно было,
Только совы на деревьях
Громко щелкали гортанью.
И, склонившись ухом к птице,
Ойка старый, тугоухий
Слушал птицы приказанья.

«Слушай, — птица говорила, —
Не придет и ночь на землю,
Как придут сюда казаки.
Ты скажи, что, улета я
В Царство дальнее Торыма, —
Продолжала строго птица, —
Ночью темной, в ярком свете
Я в тайгу спускаться буду».
И, взмахнув крылами, птица
В ярком свете, словно пламя,
Понеслась навстречу зорям.

Пусть герой не утрашится,
На оленях златорогих
Он, подняв тамгу Торыма —
Знак свободного прохода —
В Царство Мирры-Суснахумма,

¹⁴ Шунгур (шангльтен) — музыкант.

¹⁵ Кватын — лебедь.

¹⁶ Асья — мансийское название Оби.

¹⁷ Река Белых Горностаев — Северная Сосьва (сось — горностаи, ва — река).

¹⁸ Месяц Пестрой Куропатки — июнь.

¹⁹ Тернинг-ёри — былина.

Где живут умерших души,
 Вихрем быстрым пронесется;
 А потом у камня жизни,
 Где таинственная птица
 Охраняет дверь большую —
 Вход широкий

 в Царство Смерти,
 На бегу рукой проворной
 Из хвоста священной птицы

Выврет он перо и дальше,
 Освещая им ущелье,
 В Царство светлое Торыма
 Въедет смело и спокойно.

Это будет подвиг смелый,
 Третий шаг к спасенью манси,
 Шаг последний для героя», —
 Так закончил песню Кукса.

Песня четвертая *Сон Вазы*

В облаках священной арьин²⁰ —
 Меди красной, легкоплавкой,
 Солнце к западу склонилось
 И последним поцелуем
 Осветило лес янтарный
 Золотистой легкой пылью.

На реке, где неподвижно
 Лес янтарный отражался,
 Краски алого заката
 Разлились цветами крови.
 И прошло одно мгновенье,
 Кровь остыла, потемнела,
 Лишь полоска красной меди
 Там, где спряталось солнце,
 Трепетала и горела.

Но погасла и полоска
 Красной меди легкоплавкой,
 Ночь и тьма покрыли землю,
 В небесах зажглись звезды,
 Совы редкими тенями
 В темноте осенней ночи,
 Как отвергнутые души,

Меж деревьями мелькали;
 Где-то выли тяжело волки,
 Где-то плавилась ускуль²¹.

Ваза встал и сонным взором
 Он взглянул на кур²² потухший
 И, поправив косы сзади,
 Снова сел он на скамейку
 И закрыл глаза в дремоте.

С звонким лаем ампа²³ Вазы —
 Лайка белая — Снежинка —
 Подбежала к двери юрты.

Ваза встал, чтоб встретить гостя.
 Дверь не скрипнула на петлях,
 Дверь неслышно отворилась,
 И, согнувшись, старый ойка
 За порог шагнул и молвил:
 «Пайсе, Ваза, пайсе, рума»²⁴.
 «Пайсе, ойка, пайсе, рума, —
 Так ответил старцу Ваза, —
 Будь хозяином, не гостем,
 В юрте бедной музыканта».

²⁰ Арьин — медь.

²¹ Ускуль — нельма.

²² Кур — очаг.

²³ Ампа — собака.

²⁴ Пайсе, Ваза, пайсе, рума — здравствуй, Ваза, здравствуй, друг.

Ваза взял за руки Ючо,
Взглядом долгим, благодарным
Посмотрел и крепко к сердцу
Он прижал ее, целуя.

И теперь две тени тихо
В мраке темной, черной ночи
Дальше двинулись неслышно...
Впереди рога сверкнули
Златорогого оленя
Из упряжки ойка Мейка.
Как струна, запела петля
В пальцах сильных музыканта,
Задрожал олень покорно,
Опустился на колени.

Три оленя заарканил
Музыкант забытых песен,
Привязал их крепко к кедру,
Разыскал в траве высокой
Нарту ойки и постромки,
И хорей тяжелый Мейка,
И сейчас же он проворно
Отвязал и впряг оленей
В нарту белую из кости.

«Ну, прощай», —
 промолвил Ваза.
«Будь хорош», — вздохнула Ючо.
В тишине прошла минута...
Вот хорей с земли поднялся,
Тихо скрипнули полозья,
Дружно дернули олени,

И прошла еще минута —
Вазы не было с упряжкой...
Только след полозьев узких
Уходил, где тьма висела
Черной трепетной завесой.

Далеко услышал Ваза,
Что за ним бежит погоня,
Ближе слышен дружный топот,
Все яснее голос Мейка
Долетает до мадура³⁰.
Вот он, вот он — за плечами,
Слышно, как хрустят суставы
В быстром беге у оленей;
Слышен хохот и насмешки,
И дыханье злого ойка.
«Стой, воришка!

 Стой, несчастный!
Подожди, манси, немного!
От меня — владыки Мейка —
Не угнать тебе оленей.
Стой, улитка», — бог смеялся.

Торопливою рукою
Ваза вынул из котомки
Стебельки травы сушеной
И, не глядя, бросил в Мейка,
А потом погнал оленей.
Вдруг исчезла нарта Вазы,
След полозьев и оленей,
И напрасно Мейк, ругаясь,
Протирал глаза руками —
Вазы не было уж видно.

Песня шестая *Шубный Старец*

Только солнце
 в мгле янтарной,
Мгле холодной, золотистой

Путь склонило свой к закату,
Ваза был у юрты старца
Отца Шубного Медведя.

³⁰ Мадур — герой, витязь, богатырь.

Песня седьмая *Ущелье Мертвых*

Путь неезженный, путь дальний
Вновь открылся перед Вазой
Лентой длинной, бесконечной
Между хмурых старых кедров,
По застывшим мертвым рекам...

В месяц первый —

Иёнгпе-котлег³²

Ваза бросил в воздух камень.
И тогда случилось чудо:
Камень мертвый, белый камень
Стал вдруг птицею-сорокой,
Наделенной даром речи,
Птицей — мудрою сорокой,
Но похожей капля в каплю
На своих сорок-сестричек.

И, взмахнув крылами, птица
На рога оленя села
(Коренным он шел в упряжке)
И держала речь такую:
«Храбрый манси, мадур Ваза,
Много лет в плену тяжелом,
Заколдованная Хаппо,
Злым саряти-ху — шаманом,
Я была лишь мертвый камень.
Дальше знаешь: ойка дряхлый
Дал меня тебе в подарок
И сказал: «Исчезнут чары,
Если путь ему укажешь —
Путь прямой к отцу Торыму,
Приведешь его к ущелью,
Где живут умерших души;
Там оставишь его нарту,
Полетишь, куда захочешь».

Проходили дни за днями,
Нескончаемо тянулся
Лес таинственный в Низине;
Снег рыхлел, яснее солнце
На восходе расцветало.
И однажды на закате
С осторожной речью к птице
Мадур Ваза обратился:

«Вот проходят дни за днями,
Нет конца дороги нашей,
Уж глухарь токует громко,
Кониек³³ рога бросает,
Шуба зайца вся в заплатах,
Где конец дороги нашей?».
«Скоро, — молвила сорока, —
подожди до полдня, Ваза».

И сбылись слова сороки —
Ровно в полдень нарта Вазы
Путь закончила далекий.
Утром вещая сорока,
Попрощавшись с музыкантом,
В облаках янтарных скрылась.

Ваза впряг оленей в нарту,
Поднял шест и крикнул громко:
«Ну, сынки, вперед! Скорее!» —
И влетел в ущелье Мертвых...
Как стрела-томар³⁴ певунья,
Как орлан, как ветер-хиус³⁵,
Ваза мчался на оленях...
Искрой трепетной, далекой
В черной тьме Ущелья Мертвых
Огонек блеснул и скрылся,

³² Иёнгпе-котлег — март, в буквальном переводе «месяц поворота».

³³ Кониек — самка северного оленя сбрасывает рога перед отелом, весной.

³⁴ Томар — стрела.

³⁵ Хиус — северный ветер.

А потом, через мгновенье,
Тьму прорезав острой стрелкой,
Заиграл на темных сводах,
На камнях, заросших мохом...
Ваза ближе — пламя ярче
Разгоралось странным светом,
Синим светом и зеленым;
Сарни-тут³⁶ — огонь небесный
Светит так в далекой тундре,
Стране коми и юранов³⁷.

И прошло одно мгновенье,
Стали видны очертанья

Птицы Таукси Великой
В лучах яркого сиянья.
«Ой-я! Ой-е!» — что есть мочи
Ваза крикнул на оленей
И, как вихорь, мимо птицы
Промелькнул
скользящей тенью...
Птица Таукси вспорхнула...
Было поздно: в руке Вазы,
Как зажженный яркий факел,
Жар-перо огнем сияло
За вратами
Царства Мертвых.

Песня восьмая Торым

За копытами оленей,
За спиной мадура Вазы
Царство Мертвых оставалось
Молчаливою равниной,
Полной тайны и загадок.

Там, на западе, где солнце
Неподвижное стояло
В облаках кроваво-красных,
В первый раз увидел Ваза
Город медный и обширный,
Огороженный стеною.

На железных крючьях-петлях
У столбов, обитых медью,
Где сходились половинки
Ворот, запертых, тяжелых,
Ваза слез, оставил нарту
И прикрыл глаза и щеки
Иермак-охзам³⁸ — плат мадура,
И, подняв над головою

Тамгу Торыма Владыки,
В медый город —
арьин-вах-вуж³⁹
Поспешил войти скорее.

На высоком медном троне
Под железным покрывалом,
Где горело солнце-котлег,
Пазан-заут — звезды ночи,
Йёнгпе⁴⁰ — месяц серебристый,
Бог сидел, сидел там Торым
И хлебал уху налимью.

«Я пришел», — промолвил Ваза
И упал он на колени.
«Пусть он встанет, —
молвил Торым, —
Пусть свое он скажет слово».
«Встань, вогул⁴¹! —
вскричали боги. —
Молви слово, беспokoйный».

³⁶ Сарни-тут — северное сияние.

³⁷ Юраны — ненцы.

³⁸ Иермак-охзам — богатырский шелковый платок.

³⁹ Арьин-вах-вуж — медно-железный город.

⁴⁰ Йёнгпе — месяц, луна.

⁴¹ Вогулы — старое название манси.

Ваза встал и громко начал:
 «Там, в тайге, по мутной Асья,
 По большим рекам и малым,
 По озерам и протокам
 Между соров⁴², на увалах,
 На восток, на запад, север
 Все живут твои народы.
 И зовут тебя Великий:
 Мы, манси, — Торым и Торум,
 Ханты так же называют,
 И оленные юрраны
 Именуют тебя Нумом...
 Слушай дальше, голос сердца —
 Мое грустное сказанье,
 Это плач твоих народов
 Не за радость сытой жизни,
 Не за власть и угнетенье,
 А за жизнь, покой и пищу,
 За свободу наших чумов,
 За сохранность стад оленьих...

О, хозяин мой Великий,
 Уходя ты в это царство,
 Нам оставил ты надежду».
 «Все ли молвил, сын мой Ваза?» —
 Торм спросил певца с участием.
 «Все, отец», — ответил мадур.
 «Мой ответ запомни, Ваза,
 Передай мое ты слово
 Всем народам в Янгал-маа⁴³:
 Манси, ханты и юрраны;
 Их отец, Великий Торым,
 Обещает в Царстве Мертвых
 Им великую награду».
 «Нет, отец, — воскликнул Ваза, —
 Мне ответ не нужен этот!
 Что им радость в Царстве Мертвых?

Что им поздняя награда?».
 Усмехнулся Нума-Торым
 И ответил в гнев Вазе:
 «Я великую награду
 Обещал моим народам,
 Но ее отверг ты, сайтер⁴⁴,
 И теперь наказ тяжелый,
 Полный новых испытаний,
 Я даю тебе, упрямец».

И, сказав слова такие,
 Торм махнул своей рукою
 Здесь стоявшим верным слугам,
 И они, сходя куда-то,
 Принесли ему кольчугу —
 Полотно блестящих колец,
 Мелких колец, как чешуйки,
 Меч тяжелый и содыпы⁴⁵.

«Вот тебе, — промолвил Торым, —
 Вот звенящая кольчуга,
 Недоступная раненью,
 Атта-кегье⁴⁶ — меч тяжелый —
 Я даю тебе впридачу
 Вместе с содыпом из арбин.
 Вот тебе мои подарки».
 Ваза принял атта-кегье,
 Содып крепкий, красной меди
 Он надел потом кольчугу —
 Чешую из мелких колец.
 После долгого молчанья
 Продолжал наказ свой Торым:
 «Ты дорогою короткой
 На пути своем ты встретишь
 Зверя страшного Иура⁴⁷.
 Ты убей его сейчас же,
 Когти твердые, как камень,

⁴² Сор — низкий берег реки, обычно затопляемый весенней водой.

⁴³ Янгал-маа — тундра, буквальный перевод: «холодная земля».

⁴⁴ Сайтер — глупец, дурень.

⁴⁵ Содып — ножны.

⁴⁶ Атта-кегье — богатырский меч.

⁴⁷ Иур — морское (водяное) чудовище.

Сохрани в мешке дорожном;
 А потом у гор великих
 Под землю, в Петлим-емдер⁴⁸,
 Ты убей Мухора-Веса⁴⁹;
 А потом, тут близко будет,
 Поверни своих оленей
 В царство подлого злодея
 Мейка — вора и бродяги.
 Ты убей его и вырви
 Сердце черное с гортанью,
 И возьми себе в награду,

Что найдешь в его ты юрте.
 После этого наступят
 Годы счастья и покоя:
 Лес и тундра дадут мясо,
 Рыбу — реки и озера,
 Белый мох покроет тундры,
 И стада оленей жирных
 На горах, в тайге, низинах
 Без числа пастись будут.
 Ну, теперь спеши обратно.
 Будь здоров!» — закончил Торым.

Песня девятая *Иур*

На низу — в Обском заливе,
 В белом крае Юрран-полек⁵⁰,
 Где и в летний день горячий
 Льды лежат, не растопляясь
 От лучей скользящих солнца,
 Где и в солнечные ночи
 Между синих незабудок
 Желтых лютиков и маков
 Снег лежит почти все лето,
 Есть за дальней там рекою,
 В море льдистом и холодном
 Рыба — зверь Иур зубастый:
 В незапамятное время
 Приплыла из стран далеких
 И осталась жить навеки.

Часто люди на Ямале
 Видят с берега Иура,
 Как он плавает по морю,
 Бьет хвостом по синим льдинам,
 Струи вод пуская кверху;
 От его ударов грозных
 Льды ломаются, как щепы,

Волны с белыми гребнями
 Бьют о берег низкой тундры.
 И не день, не два бушует
 В море льдистом непогода.
 Волны с белыми гребнями
 По неделе кряду ходят...
 Люди слушают, гадают,
 На огонь глядят веселый,
 Но невесело на сердце
 В эти дни у них бывает.

У огня сидели двое:
 Старый Ярны Окатетто
 И юрран Хамиби Худи.
 После долгого молчанья
 Старый Ярны Окатетто
 Вдруг сказал Хамиби Худи,
 Юрран-хуму их оленных:
 «Эта буря-непогода
 Долго-долго не утихнет».
 Промолчал Хамиби Худи,
 Посмотрел на Хальмер-саде⁵¹
 И сказал он Окатетто:

⁴⁸ Петлим-емдер — подземное царство.

⁴⁹ Мухор-Вес — мамонт.

⁵⁰ Юрран-полек — страна ненцев.

⁵¹ Хальмер-саде — Сопка мертвецов, т.е. кладбище.

«Кто-то едет по пригорку
Вон, у каменных сядаяв»⁵².
Не успел поднять он руку,
Показать на Хальмер-саде,
Ваза был уже у чумов,
И народ бежал навстречу
Посмотреть на златорогих
Удивительных оленей,
На пришельца в медной парке⁵³,
На содып и атта-кегье.

Ваза встал, звеня кольчугой,
И сказал народу громко:
«Ваш язык мне непонятен
И земля мне не знакома,
Вас зовут у нас в паулах
Юрран-хум —

народ оленный».

Помолчав, продолжил Ваза
Речь свою мудрейшим словом:
«Все народы — дети Торма,
Все народы — дети Нума,
Все мы смертны под луною,
Все мы — гости в этом мире;
Наши души — только ветер,
Наше тело — только глина».
«Нам твое неизвестно имя, —
Отвечал Хамиби Худи, —
Но об имени не спросим,
Заходи в наш чум, хозяин,
Сядь с огню, тебя накормят,
Спать уложат на постели⁵⁴,
Распрягут твоих оленей,
А когда угодно будет,
Сам ты скажешь свое имя,
Из какой страны приехал,
По какому, скажешь, делу».
«Хорошо, — ответил Ваза, —
Буду гостем я недолгим
В ваших чумах над рекою».

И когда наелся Ваза,
Отдохнул на мягких шкурах,
Молвил слово он юрранам:
«Я — манси с далекой Ксенты,
Музыкант забытых песен,
При рождении шаманом
Был я назван Вазой-уткой,
К вам на низ, на устье Асья,
Я приехал от Торыма,
По его на то наказу
Умертвить морского зверя,
Зверя черного Иура.
Я прошу вас дать мне лодку,
Лодку крепкую и весла».

«Нет у нас, людей оленных, —
Отвечал Хамиби Худи, —
Лодки крепкой для мадура,
Наши лодки для рыбалки
Годны в тихую погоду,
Наши весла слишком тонки...
Есть одна, я знаю, лодка,
Вон на том лежит увале,
Но она нам не по силам,
Не стащить на берег моря,
Если даже всем народом
Запрягли бы всех оленей».

«Может быть, мои олени, —
Так сказал мадур народу, —
Эту лодку стащат с сопки».
Как сказал мадур юрранам,
Так исполнено и было...
Чайкой быстрою крылатой
Полетела лодка в море.
Косы Вазы развевались,
И в руках весло мелькало.
Зверь давно заметил лодку,
Он нырнул и плыл навстречу
Под водой в глуби бездонной.

⁵² Сядай — идол.

⁵³ Парка — верхняя меховая одежда, в данном случае — кольчуга.

⁵⁴ Постель — невыделанная зимняя шкура оленя.

Поравнявшись в лодкой Вазы,
Снова вынырнул проворно,
Ухватил весло зубами
Расщепал его в лучинку.
Но мадур не растерялся,
Он вскочил ему на спину,
В жирный бок морского зверя
Вместе с крепкою веревкой
Острогу воткнул глубоко
И мечом стальным Торыма
Разрубил пузырь зеленый.
Вздрыгнул Иур,

хвостом ударил

Натянул струной веревку,
Но напрасно это было —
Атта-кегье, меч тяжелый,

Разрубил костистый череп,
Глаза зверя потускнели.

Черной, толстою колодой
Кверху брюхом Иур тащился
За тупой кормою лодки,
И когда уткнулась лодка
Острым носом в низкий берег,
Ваза вытащил Иура,
И потом на жирных лапах
Отрубил мячом тяжелым
Когти острые Иура.

«Гей! Эгей!» — удивлялись.
«Кто поверит?» — говорили
В стране дальней Юрран-пелек,
В стране каменных сядав.

Песня десятая

Мухор

Крутоярьем, где рябины
Над обрывом шелестели,
Где черемуха с калиной
В воду мутную смотрелись,
Ваза с лайкою Снежинкой
Чуть заметною тропюю
Пробирался к Мухор-Весу.
Красный яр, высокий берег
Каждый год в большую воду
Осыпался с страшным громом
На ступенчатый приплесок.

Ваза шел, звенели содып,
Звонко лаяла Снежинка,
Чуть заметная тропинка,
Как змея, меж медных сосен
Вниз спустилась по обрыву
И в логу в траве зеленой
Вдруг исчезла, затерялась
В густых зарослях березки.
«Яма близко», — думал Ваза,
Поднимая медный содып
Выше пояса из плиток.

Ампа лаять перестала,
Ваза вынул атта-кегье —
Богатырский меч тяжелый,
Затянул потуже пояс,
Подвязал колчан с стрелами
И позвал свою собаку:
«Ну, теперь настало время,
Верный друг ты мой, Снежинка,
Нам спуститься

в Петлим-емдер», —

Там промолвил мудрый Ваза,
Направляясь к проходу
В Царство Ночи под землю.

Повалив сосну большую
Поперек норы Мухора
И забив два клина в землю,
Он набрал корней и лыка
И крутить веревку начал
В пятьдесят шагов длиною,
Толщиною в восемь пальцев.
На другой день ровно в полдень
Завязал конец веревки

И, надев свою кольчугу,
Все другое снаряжение,
Опустился в Петлим-емдер —
В Царство Ночи под землю.

Чем спускался глубже Ваза
По веревке крепкострунной,
Тем теплее становилось;
Скрылся свет, пахнуло дымом,
Стены каменные сжались,
Наступая на мадура.
Как паук, скользил все ниже,
Глубже в землю мадур Ваза,
Вдруг почувствовал опору —
Камень гладкий под ногами.

Отдохнув на дне колодца,
Ваза встал, поправил ножны
И пошел подземным ходом
В Петлим-емдер — Царство Ночи,
А ему навстречу грузно
Шел тяжелым громким шагом
Крепкорогий страшный Мухор...
И сошлись зверь подземный
С человеком крепкой силы,
И вступили в бой кровавый,
В бой последний для кого-то.

Наклонив три острых рога,
Мухор ринулся на Вазу,
Но мадур, как сог⁵⁵,
как танкыр⁵⁶,
Между толстых ног проворно
Проскользнул, и в зад Мухора
Он ударил атта-кегье.
Зверь взревел от страшной боли,
Он хотел бы повернуться
В узком каменном проходе,
Вновь напасть тремя рогами...
Но под силу ли Мухору
Повернуть плечами маа⁵⁷,
Гору каменную сдвинуть?

И увидел страшный Мухор
Свою гибель, смерть почувял
От руки мадура Вазы.
И когда тяжелый кегье
Разрубил вдруг сухожилья
На ногах большого зверя,
Он упал в проходе узком.
Тут мадур, согласно клятве,
Данной им Отцу Торыму,
Прыгнул на спину Мухору,
И мечом он в три удара
Отрубил три рога зверя.

Песня одиннадцатая

Сяньгум⁵⁸

Каждый день с печалью в сердце,
В сердце с робкою надеждой
Выходила нээ Ючо,
Выходила на дорогу.
Каждый день она, вставая,
Говорила громко солнцу:
«Кетлег-солнце, где мой Ваза?»
Каждый вечер повторяла,

Спать ложась,
с тревогой в сердце:
«Йёнгпе-месяц, где мой мадур?».
Ночью темной пробудившись,
Говорила дальним звездам:
«Пазан-заут — звезды ночи,
Где жених мой ненаглядный,
Скоро ль будет мадур Ваза,

⁵⁵ Сог — налим.

⁵⁶ Танкыр — мышь.

⁵⁷ Маа — земля.

⁵⁸ Сяньгум — бабушка, старуха.

Скоро ль я его увижу
И услышу громкий голос?».

Сколько дней — не знает Ючо —
Провела она, тоскуя,
Ожидая мадур Вазу.

И однажды в месяц третий,
В месяц падающих листьев
Ючо вышла на тропинку,
Повстречала шаманиху
В старой парке, рваной парке
С бубном, посохом и в шапке.

«Здравствуй, бабушка! Откуда?» —
Тут спросила удивленно
Ючо сяньюгум-шаманиху.

«Здравствуй, дочка,
здравствуй, Ючо, —
Отвечала ей старуха,

Ртом беззубым шепелявя:
— Я иду тебя проведать».
И, звеня шаманским бубном,
Продолжала речь старуха:
«Молодых глаза слезливы —
Значит грусть запала в сердце;
Кто ушел, сказав — вернется,
Тот исполнит это к сроку;
Кто сказал — его дождется —
Потеряет только время...
Я, старуха-шаманиха,
Прожила, не знаю сколько,
Много лет — не сосчитаешь,

Но всех старше ты рожденных,
Всех рожденных по-земному,
Только здесь, в долине Мейка,
Вода Жизни не иссякла,
Здесь ты старости не знала».

«Ах, оставь меня, старуха,
Не пугай меня ты смертью! —
Тут вскочила в страхе Ючо. —
Если ты незрячим оком
Видишь в будущем дороги,
Ты скажи мне, шаманиха,
Скоро ль Ваза возвратится?».
«Он вернется

в Царство Мейка, —
Отвечала шаманиха, —
Но... его ты не увидишь,
Ты умрешь, когда услышишь
Его голос в этом царстве».

«Уходи, старуха злая,
Я твоим не верю сказкам,
Уходи скорей отсюда!» —
Закричала в страхе Ючо.
Засмеялась шаманиха
И, махнув звенящим бубном,
Вдруг исчезла из глаз Ючо,
Как сквозь землю провалилась.
С этих пор тяжелый камень
Лег на сердце мээ Ючо,
С этих пор слова старухи
Из ума не выходили...

Песня двенадцатая *Гибель Мейка*

Старый филин-пересемешник
Ойка емы⁵⁹ крикнул с кедра:
«Мадур Ваза возвратился!
Он приехал! Пайсе, Ваза!
Отдохни с дороги дальней
В юрте Мейка на постелях».

⁵⁹ Емы — филин.

В страшном гневе Мейк коварный
Весь налился черной кровью,
Он схватил рукой проворной
Со стены колчан с стрелами,
Взял тяжелый атта-кегье,
Меч зазубренный злодея,

И, спеша, навстречу вышел
С громким кличем: «Огекайя!».

Мадур Ваза, улыбаясь,
Твердой медленной походкой
Подошел к злодею Мейку,
Весь сияя, словно месяц,
Чешуей своей кольчуги,
Полотном из медных колец
И, подняв свой атта-кегье,
Острый меч, Торымом данный,
Крикнул Мейку: «Защищайся,
Старый вор, лесной бродяга,
Поедатель стад оленьих».

Как два грома, прогремели
Грозных двух мечей удары,
Бой начался, бой последний
Между мадуrom и Мейком.
Много раз бойцы сходились
В этой страшной, грозной битве
Близко-близко, грудью к груди,
Много раз и расходились,
Отряхая пот кровавый —
Воду, смешанную с кровью.

Почва твердая, как камень,
Как трясына на болоте,
Колебалась под ногами.
Старый филин-смехотворец,
На высоком кедре сидя,
Трижды падал от трясенья,
Трижды снова поднимался,
Выбирая сук потолще,
Сук покрепче для сиденья.

Ровно в полдень, оступившись,
В первый раз споткнулся Мейка,
В первый раз беду почувял.
И тогда, как рысь, он прыгнул,
Прыгнул прямо на вершину

Кедра старого над юртой,
Натянул свой лук упругий
И послал стрелу-певунью
Прямо в сердце музыканта.

Стукнул томар⁶⁰ о кольчугу,
Чешую из мелких колец,
Отскочил и пал на землю
Без вреда для музыканта.
Рассердился мадур Ваза,
Весь налился красной кровью
И метнул ножом в злодея,
Затем бросил в него содып.
«Подожди, довольно драться, —
Закричал тут

Мейка громко, —
Можно миром драку кончить.
Бабу надо, кхонна, нарту —
Все бери и убирайся,
Не тревожь мою ты старость».
«Нет, — сказал на это мадур, —
Миром драки мы не кончим,
Не бросай слова на ветер,
Не ищи, хитрец, лазейку».

Но не слушал больше Ваза,
Он схватил свой лук упругий,
Томар-леп с железной вилкой,
Натянул его проворно
И, нацелясь, прямо в сердце,
Сердце черное злодея,
Он послал стрелу-певунью.
Крикнул громко ойка Мейка,
Рухнул он с вершины кедра,
Как глухарь, ломая сучья,
Мертвый пал к ногам мадура;
Из груди железной ойки
Вместе с черною гортанью
Ваза вынул его сердце,
Закопал его под кедром.

⁶⁰ Томар — стрела, томар-леп — боевая стрела с железным наконечником в виде вилки.

Глава тринадцатая

Смерть Ючо

«Ючо! Ючо! — крикнул мадур. —
Отзовись, моя невеста!».
Но никто не отозвался...
Было тихо в большой юрте.
И рукой дрожащей мадур
Поднял тихо сап⁶¹ суконовый...
Чуть дыша, блее снега,
Как подраненная белка,
Косы черные раскинув,
Перед ним лежала Ючо,
Перед ним была невеста.
«Ючо, — молвил снова
Мадур тише и печальней, —
Отзовись, скажи мне слово,
Пробудись, моя невеста!».

День клонился уж к закату,
Ночь вошла уж в юрту Мейка,
Косы черные раскинув,
Как подстреленная белка,
Перед мадуrom лежала
Его бледная невеста.
«Торый, Тохт, мое вам слово
К вам идет из этой юрты,
Вы должны его услышать,
Вы должны его исполнить, —
Начал мадур заклинанье. —
Я прошу, скорее дайте
Хатта-инк — живую воду,
Я прошу скорее бросить
Хатта-нерьем —
прут живящий,
Моя Ючо умирает!».

Торый, Тохт не отозвались,
Торый, Тохт не отвечали
На слова мадура Вазы.
И тогда, пылая гневом,

Громким голосом звенящим
Крикнул Ваза иступленно:
«Я — мадур из рода манси,
Музыкант, игрок на гусе,
Так давно сменивший хотанг⁶²
На тяжелый атта-кегье.
Я — мадур из рода манси,
С берегов тенистых Ксенты,
Умертвивший Иура-зверя
В стране дальней Юрран-пелек,
В Петлим-емдер — Мухор-Веса,
Сердце вырвавший у Мейка,
Об одном молю: о, Нума!
Об одном прошу: о, Торым!
Оживи мою подругу,
Жизнь верни моей невесте!».

И ответил грозно Нума,
Так сказал мадуру Торым:
«Ты, недавний победитель
Злого бога ойки Мейка,
Плачешь горькими слезами,
Просишь, сам чего не зная,
Кто разрушил чары Мейка,
Кто убил твою невесту?
Ты все сделал, длиннорукий,
Ты убил злодея Мейка,
Ты убил свою невесту,
Умертвил своей рукою.
Так зачем теперь ты плачешь,
Вышних отдых нарушаешь!».

Не сдержался мадур Ваза
И, дрожа, он гневно крикнул:
«Старый пес, лисица неба!».
И когда вновь на колени
Опустился перед Ючо,
Он глазам своим не верил:

⁶¹ Сап — полог.

⁶² Хотанг — то же, что и гус.

Песня четырнадцатая Аргиш⁶⁴ Ленина

«Старый ойка, ты не слышишь, —
Крикнул в ухо деду внучек, —
Вон смотри, где крутоярье,
Где нашли с тобой мы кости
Мухор-огнет⁶⁵ крепче камня;
Вон под самым Красным яром
Кто-то машет рукавицей
И кричит: «Скорее лодку!».
«Лодку? Лодку. Ну, лгунишка,
Там дороги нет и птице», —
Так ответил ойка внуку.

«Ой, не вру я, старый ойка,
Ясно вижу: там их двое,
Вон он машет рукавицей,
Жена села на приплесок,
С нею рядом собачонка.
Не вернулся ль это Ваза
Со своей невестой Ючо,
С ампа беленькой Снежинкой?».
«Ну, смотри, — ответил ойка, —
Если врешь, то будешь битым,
Спустим лодку и поедем».

В этот вечер, сидя в чуме,
Дед сказал печально внуку:
«Жизнь твоя —
лишь только утро,
А моя склонилась к ночи,
Скоро мне в дорогу предков,
Пожил ладно я на свете.
Если встретишь ты мадура,
Поклонись ему от деда».

Годы шли, как в море волны,
Дни за днями проходили,
Давно умер старый ойка,
Внучек сделался сам дедом.
И однажды он услышал
В месяц Свадьбы Глухаринной:
На Руси царя не стало.
И в тот год в паулы манси
Не приехал поп за ругой⁶⁶,
Купец жирный — за долгами,
Рыжий писарь с серьгой в ухе
Не писал небак⁶⁷-бумагу,
Не считал пушную подать,
Ясаком⁶⁸ не занимался.

Дед услышал слово ЛЕНИН,
Слово новое для манси,
И узнал, что ЛЕНИН — олып⁶⁹...
Жил великою заботой
О народах близких, дальних,
И принес он счастье им.
И когда шаман последний
Поломал звенящий бубен —
Пензер⁷⁰, сделанный из кожи,
Кожу дикого оленя,
Старик даже испугался.
И еще узнал слова он:
«Партия» и «коллектив» —
тогда он понял:
Нет иной прямой дороги,
Нет пути прямей и шире
Для труда и светлой жизни.
И сказал старик старухе:

⁶⁴ Аргиш Ленина — путем Ленина, аргишить — передвигаться, ехать на оленях.

⁶⁵ Мухор-огнет — мамонтовая кость (клык).

⁶⁶ Руга — плата за требы духовным лицам.

⁶⁷ Небак — бумага.

⁶⁸ Ясак — подать.

⁶⁹ Олып — богатырь.

⁷⁰ Пензер — шаманский бубен.

«Ну, старуха, собирайся,
Аргишить настало время
Большой светлой дорогой!».

На глазах, как в тернинг-ери,
Каждый день родилось чудо,
Тут как можно не поверить,
Как тут можно сомневаться?
Как не взяться за лопату,
За хорей, за плуг, за весла,
За ружье, за лыжи, нарту,
Не забросить невод в реку,
Не спускаться в Петлим-емдер
За рудой и черным углем,
Если все мы в коллективе?
Но куда девался Ваза?
Заходил старик и в школу
И услышал краем уха,
Как внучата в книге белой —
Лавинтане манси книга⁷¹ —
Громко, ясно прочитали:
«Партия и Ленин — братья».

Был старик в Ханты-Мансийске
На большом колхозном слете,
И по радио он слушал
Слово партии к народам,
Бой курантов, гимн Союза...
И понял старик всем сердцем,
Что вернулся

в Янгал-маа

Мадур Ваза, олып Итьте⁷²
Не в звенящей медной парке,
И зовут его не Ваза,
Его имя мадур Ленин,
Слово — партия его.
И однажды, взявши хотанг,
Старый ойка в клубе светлом
Спел былинку — тернинг-ери
На старинный лад шунгуров
О большой семье народов,
Всех народов Янгал-маа,
О колхозной светлой жизни,
О Москве — столице мира,
Где лежит великий Ленин.

Пояснительный словарь

Ампа — собака
Аргиш — дорога
Арын — медь
Арын-вах-вуж — медно-же-
лезный город
Асья — мансийское название
р. Оби
Вишнэ — девица
Вогулы — старое название
манси
Вуяньчх — медведь
Гус — старинный мансий-
ский музыкальный инструмент

Емы — филин
Йёнгле — месяц, луна,
Йёнгле-котлег — месяц март
Иур — морское (водяное) чу-
довище
Итьте — богатырь ненецко-
го эпоса
Йермак-охзам — богатырс-
кий шелковый платок
Кватын — лебедь
Кеу — Уральские горы
Кониек — самка северного
олени

⁷¹ Лавинтане манси книга — «Книга для чтения на мансийском языке» — учебник.

⁷² Итьте — богатырь ненецкого эпоса.

Котлег — солнце
 Кур — очаг
 Кхонна — олень
 Лавинтани манси книга —
 «Книга для чтения на мансий-
 ском языке» — учебник
 Маа — земля
 Мадур — герой, витязь, бо-
 гатырь
 Мейк — злое божество ман-
 сийской мифологии, насылаю-
 щее болезни на оленей
 Мирр-Суснахумм — см. То-
 рым
 Мухор-Вес — мамонт
 Мухор-огнет — мамонтовая
 кость (клык)
 Небак — бумага
 Нума — см. Торым
 Нээ — женщина
 Ойка — старик
 Олып — богатырь
 Ортик — божество Обской
 губы
 Пазан-заут — звезда
 Пайсе, ойка, пайсе, рума —
 здравствуй, старик, здравствуй,
 друг
 Парка — верхняя меховая
 одежда; медная парка — коль-
 чуга
 Пастель — невыделанная
 зимняя шкура оленя
 Паул — селение
 Пензер — шаманский бара-
 бан
 Петлим-емдер — подземное
 царство
 Пупы-я — священная река

Руга — плата за требы ду-
 ховным лицам
 Сайтер — дурак, глупец
 Сап — полог
 Сари-тут — северное сияние
 Сог — налим
 Содып — ножны
 Сор — низкий берег реки,
 обычно затопляемый весенней
 водой
 Сядай — идол
 Сяньгум — бабушка, стару-
 ха
 Тамга — священный знак,
 талисман, родовой знак
 Танкыр — мышь
 Тернинг-ери — былина
 Томар — стрела
 Томар-леп — боевая стрела
 с железным наконечником в
 виде вилки
 Искуль — нельма
 Хальмер-седе — сопка мерт-
 вцов, т.е. кладбище
 Хиус — северный ветер
 Хорей — шест для управле-
 ния оленями
 Хотанг — см. гус
 Хум, хом — человек
 Чум — палатка из кожи или
 бересты конусообразной формы
 Шейш — волк
 Шангур — музыкант
 Юрран-пелек — страна ненцев
 Юрран — ненцы
 Янгал-маа — тундра, бук-
 вальный перевод: холодная
 земля
 Ясак — подать.*

* При подготовке поэмы к изданию существующее в рукописи различие в написании одних и тех же слов устранено. В данной публикации употреблен вариант слова, который встречается в книге «Янгал-маа» (М., -Л.: Academia, 1933).

Серафима Николаевна Булова (30 мая 1947 г., г. Тюмень), русская (для тех, кому это что-то говорит), беспартийная (по политическим соображениям), образование получила: начальное — в начальной школе № 12, среднее — в средней школе № 15, высшее — в Тюменском государственном университете, где и оставлена (по неосмотрительности администрации) работать в качестве преподавателя истории русской литературы XX века; кандидат филологических наук, доцент.

Большая часть публикаций связана с ее работой в вузе.

Повесть «Осень. Школа старения» — третий опыт сотрудничества автора с издательством Мандрики.

Осень. Школа старения

Осень

Всему нужно учиться, чтобы прожить свой мир в отпущенное тебе время по-человечески. И чтобы научиться по-человечески любить, терять, обретать, болеть, стареть, нужно сначала понять, что все эти вещи существуют и до человека, и без человека, и лишь потом, если нам очень повезет чему-нибудь научиться у братьев наших меньших, мы можем попробовать выделить в нашем опыте собственно человеческое.

И это неправда, что не у кого учиться. Учителей в этом деле уйма. Учеников мало. Потому что мы спесивы, высокомерны и страшно ограничены.

* * *

Когда по утрам я выношу из подъезда на руках Гошу, семнадцатилетнего, костлявого (как и в пору своей молодости), слепого и глухого кобеля, любой, кто видит эту сцену со стороны, убежден, что собаку давно пора усыплять, что ее жизнь — сплошное мучение. Ведь даже простое и насущное — отправление физиологических потребностей — дается ему с величайшим трудом: стоя на всех четырех дрожащих и при этом все время закашивающих, как в разваливающемся табурете, лапах, Гоша направляет струю куда-то назад, попадая то на одну свою лапу, то на другую. Но чаще он, опустив голову и хвост, сосредоточива-

ется только на том, чтобы не потерять равновесие. Где уж тут думать о направлении струи, если иной раз случается, что шлюзы открываются сами еще до того, как тебя поставят на землю.

Еще драматичней выглядит со стороны сцена отправления трудной нужды. Задние лапы становятся под углом к поверхности земли — согнуть их было бы много труднее, потому что нельзя устоять, если перемещать центр тяжести, испытывая боль в суставах, а еще труднее было бы потом разгибать затекшие и привыкшие к новому положению лапы. Гоша, тужась, часто заваливается назад и завалился бы совсем на спину, если бы не натянутый хозяйкой вперед поводок, ведь прямые передние лапы давно уже не служат противовесом — так тонки и легки они.

Первое, что делает Гоша на улице, это, конечно, нужда. Это главное дело, требующее крайней сосредоточенности и колоссальных усилий. Потом мы медленно, с остановками, означающими самое разное: внезапную амнезию, необходимость передохнуть, все, что угодно, — идем на прогулку. Мы идем по расчищенным тропинкам, обходя кусты, кустики и просто ветки. Когда листики растущих по обочинам трав касаются Гошиной морды, он останавливается и может стоять неподвиж-

но, раскачиваясь на косящих ногах, бесконечно долго. Слепой, он думает, что впереди стена. Однажды я видела, как соседский пес Шарик, такой же, как мой Гоша, старый и слепой, но более крупный, стоял, уткнувшись мордой в дверной косяк нашего подъезда, и выл. В полуметре от его морды была щель дверного проема, но он не мог ее найти и думал, что навеки заблудился. Была зима. Порядочный пес, он попросился выйти, чтобы справить нужду, и как расстроился и испугался, не найдя потом дорогу домой там, где она должна была находиться!

Я тяну за поводок Гошу в сторону от обочинной травы, и мы продолжаем медленное шествие по тем местам, где еще каких-нибудь восемь лет назад я, до крайности раздраженная и взмыленная, бегала в поисках своего совершенно неуправляемого, хитрого пса. Как я ненавидела его временами! Я ненавидела его за то, что он всегда добивался своего. Вероятно, у него был более сильный, чем у меня, характер. А может быть, у него и ума было поболее, чем у меня. Не знаю. Но временами я была совершенно измучена тем, что в знак протеста против ограничения его прогулок (а как было не ограничивать его самостоятельность в сезон собачьих свадеб, когда он заявлялся домой неизвестно в каком часу с крова-

вой мордой и с кровавым брюхом, но гордый и довольный собой, а иногда и жалкий, побитый своими более сильными соперниками) он сутками ничего не ел и только, постанывая и поскуливая, слонялся по квартире. Как ему удавалось это внезапное превращение в центр звука, центр движения, центр страдания! Я была беспомощна перед этими омерзительными превращениями. Я не могла сосредоточиться ни на бессмертных истинах великих писателей России, ни на гастрономических идеях. И музыка — любая! — не могла заглушить его негромкого, уверенного в своей правоте, неспешного постанывания. «Все! — наконец не выдерживала я. — Пошел вон!». Как дошедшая до последней крайности жена выставляет мужа за дверь, так и я выставляла Гошу. А он, добившись своего, воспринимал происходящее с чувством глубочайшего удовлетворения и, прискакивая как-то озабоченно и весело, отправлялся по делам. Даже мой ему пинок под зад не убавлял его самодовольства и моего ощущения собственной неполноценности. Он всегда умел настоять на своем и не скрывал своего превосходства предо мною. Наши отношения напоминали мне отношения вконец обнищавшего аристократа, убежденного в том, что кто-то обязан его обеспечивать необходимым, и про-

стой честной труженицы, которая тянет на себе захребетника, помыкающего ею, хотя и осознает, что замечательно могла бы обойтись и без этой обузы, да «обуза» без нее сгинет в одночасье.

Гоша и в своей юности, самой нежной и ранней, был не только лукав и мил, но и брезглив, привередлив, спесив. Когда мы с ним выходили после дождя на улицу, он театрально останавливался перед каждой лужей и, подобрав под себя тонкие длинные пушисто-белые лапки, умудрялся преодолеть это омерзительное препятствие на цыпочках, то отставляя, словно мизинчик, лапку, то глубоко и нежно прижимая ее к себе. Таким же был он и с людьми. Я помню, как соседка с третьего этажа, любившая всех на свете котов, псов, бурундучков и тому подобную живность, иной раз заглядывала и к нам, прихватив гостинца для Гоши — кусочек колбаски в кармане дорогого длиннополого халата. Этот поганец Гоша, умильно склонив набок головочку, как бы стесняясь своей нежности, подгробал к госте, деликатнейшим образом обнажив маленькие чистые зубки, словно целуя, принимал гостинчик, а затем, уже явно делая над собой усилие, позволял ей себя погладить. Не более одного раза! Далее он удалялся на полусогнутых, стараясь освобо-

дить себя поскорее от общества недостойных. И ведь самое обидное, что он не был человеконенавистником. Он был обыкновенным аристократом, хорошо знавшим, с кем следует водиться, с кем — нет, кто ему ровня, кто — нет. И это-то и определяло его отношения с миром: не «кто кормит — тот и мил», а кто ровня — тот и мил. И бывали случаи, когда он затевал флирт на улице, унюхав запах хороших духов, почувствовав интеллигентного, хорошо одетого человека, чаще женщину, молодую и привлекательную. Он даже среди куриц умел увидеть красавицу и выделить ее из остальных. И в этой приверженности к женскому не было ни похоти, ни расчета. Было умиление и романтический восторг. Гоша пристраивался к ногам прохожего, а когда тот замечал около себя неожиданного спутника, то Гоша вел себя так, как будто говорил: «Я был бы совершенно счастлив, если бы вы согласились разделить со мною жизнь! Достойных так мало... Я почти потерял надежду на встречу с вами»... Можете себе представить, что в этот момент должна была испытывать я? Позволять себе такое при жи-

вом-то хозяине, подобравшем тебя щенком паршивым!

У Гоши был свой круг, и я в него не входила. Кроме двух жен — Лады и Белки (обе мне не нравились, потому что были толстые и немолодые), у Гоши были многочисленные подружки: Ласочка, Молдаванка, Пересы... Это только те, кого я узнала, когда разыскивала не в меру загулявшего своего сожителя. Из людей он любил нежно и верно соседку с первого этажа. Она была ему так же преданна. Даже попросила меня их сфотографировать, сказав при этом: «Гоша — мой лучший друг». На фотографии Гоша нежно принакает к ее колену головой.

Гоша любил двух моих приятельниц, одна из которых звала его «Гоша — рыжий черт», хотя он совсем не был рыжим. Только в молодости в самое

жаркое лето на одном бедре его под солнцем выгоравшее пятно слегка рыжело. Потом этот оттенок исчезал. Бесследно. Как в конце концов бесследно исчезла и любовь к Гоше приятельницы. Другая любит его и сейчас, когда Гоша уже не узнает ее. Были, вероятно, и другие любимые, а вот друзей мужского пола было совсем наперечет. Был такой Андрей Иванов. Почему вдруг с первого раза, только увидев друг друга, они прилипали, принимали и припадали друг к другу и так сидели, пока Андрей не уходил, — для меня загадка. Есть еще один мужчина, с которым мы регулярно раскланиваемся, словно старые добрые знакомые. Кто он, как его зовут, я не знаю. Он же обо мне знает только то, что я — Гошина хозяйка. Знает он Гошу. А Гоша знает его. Они познакомились очень давно, когда Гоша был совершенно юным, а этот некто — молодым, спортивного типа мужчиной, совершавшим регулярные пробежки. Тогда-то, по всей вероятности, Гоша и встретил этого своего знакомого и одобрил его аристократическую заботливость о состоянии тела и души. Я сама видела, как Гоша, которого я вела на поводке, едва заметив идущего нам навстречу пана спортсмена, внезапно менялся. Все его существо излучало крайнюю степень умиления. Его туловище начинало извиваться червяком, а головоч-

ка любовно тряслась. Он сомнамбулически двигался в сторону человека, которого я первый раз в своей жизни видела. «Обознался», — сказала я одновременно псу и незнакомцу. И услышала: «Нет, не обознался. Мы с Гошей приятели». И как только Гоша сумел при знакомстве представиться?

Из собак у Гоши был только один друг. Только один! Мишка. Маленький, похожий на белку, фантастически юркий, легкий, веселый пес, пулей летавший по двору и, как кот, взбирающийся на деревья. Они недолго гонялись друг за другом. Кто-то прищемил Мишку в подъезде. И он исчез. Вероятнее всего, сгинул, не перешагнув беспечального щенячьего возраста. А у Гоши с тех пор никогда больше не было друзей среди собак. А из мужчин — спортсмен и Андрей Иванов. Да еще сосед Петр Дмитриевич, царство ему небесное, с которым Гоша ходил за пивом. И все.

Только годами усердного и бескорыстного служения Гоше добилась я его расположения, и то далеко не полного. И все-таки это плюгавое — соплей зашибешь — существо дважды очень по-мужски защитило меня в трудную минуту. Первый раз перед лицом во много раз превосходящих сил противника Гоша встал между ним и мной, весь дрожа от ненависти к врагу и готовности на любую

жертву ради моего спасения. И это меня действительно спасло, потому что противник сник, побежденный психологически.

Это только на первый взгляд кажется тому, кто мало знает, что такое жизнь, что побеждают мускулы, интеллект, ножи, вилки, кастеты и пистолеты с пушками. На самом деле побеждает готовность скорее умереть, чем отступить. Лев Толстой это очень хорошо показал в романе «Война и мир». А Гоша доказал мне, что такое бывает не только в книжках.

А потом был еще один случай, страшный, но хорошо закончившийся. Дело было 27 декабря. (На всю жизнь запомню!). Среди ночи меня разбудил шум на лестничной площадке. Кто-то ломился в мою абсолютно ненадежную и не рассчитанную на подобные эксперименты дверь. Я была одна, если не считать Гоши. Помощи ждать неоткуда. Я очень испугалась. Полуодетая, я изо всех сил в прихожей держала свою дверь и кричала, что вызову милицию (интересно, как!), что буду стрелять через дверь (интересно, из чего!). Я знала, что помощи от соседей мне не следует ждать. Соседи мои — люди хорошие, но они уже очень немолоды, и все, что они могли бы сделать для меня, — это костыми лечь рядом. А кому это нужно и какой в этом смысл?! Они помогли бы мне, но потом. А мне сейчас было

страшно! И мне сейчас была нужна чья-нибудь помощь. И я закричала, что есть силы: «Я сейчас открою дверь и спущу на вас собаку!». И тут Гоша залаял басом. И так мы с ним три часа, прижавшись друг к другу, орали и лаяли. А потом в шесть часов заговорило радио, и стало уже не так страшно. «Катитесь к черту!» — сказала я всем, кто нас разбудил, и пошла спать. Да, дети, это очень важно, когда есть кому встать рядом с тобой плечом к плечу перед лицом опасности. Горе одному! Один — не воин. Каждый дюжий ему господин и даже пьяные, если их двое.

А сейчас Гоше семнадцать. И он не живет, а доживает. Это раньше он подходил к своей чашке с брезгливым удивлением: дескать, «что это моя тут недотепа мне подсунула, не надумала ли отравить ненароком, с нее станется! Фу, гадость! Нет, попоцусь сегодня. Здоровее буду». Стыдно признаться в наше нелегкое время, как, измученная привередливостью гнусного сожителя своего, я покупала ему (не себе! Сама я ела кашу) утку и запекала ее в утятнице. А он потом с той же брезгливой осторожностью подходил к своей чашке и устало, неторопливо, снисходя принюхивался и без всякого удовольствия и тени благодарности лениво жевал приготовленное. Сейчас он ест жадно. Ест все — вкусное и невкус-

ное. И если давать ему столько, сколько он смог бы съесть, то его тоненькие балетные ножки просто подмоились бы под тяжестью съеденного.

Я веду Гошу к дому, где когда-то жили Молдаванка и Пересы, где сейчас живет сынок или внучок одной из них, а самих подружек уже да-а-вно нет на свете. Мне хочется, чтобы Гоша узнал это место. Но он, видимо, все-таки не узнает, хотя и начинает принюхиваться. Или мне это кажется, а он просто устал, остановился и ниже обычного опустил голову.

Длинная сегодня получилась прогулка. И хорошо, что не жарко. Жару Гоша переносит тяжелее, чем морозы, хотя на морозе страшно мерзнут обнаженные части его старенького, совсем старенького тела и болят уши. Но сегодня не жарко и не холодно, и мы делаем еще один небольшой круг.

У самого нашего дома Гоша резко останавливается и начинает нюхать землю. Слепой и глухой, он еще различает запахи. Не все. Он, например, не всегда улавливает по запаху мясо. Недавно, когда он очень заболел — у него обострилась суставная боль, я, уходя на работу, оставила около его постели в чашке кусочек свежей говядины, чтобы поддержать страдающего, больного пса. Кусок так и остался к моему возвращению нетронутым. Гоша не узнал или не почувствовал

запах мяса. А ведь, как все собаки, он больше любой другой пищи любит сырое мясо. Что он и доказал с готовностью, когда я поднесла ему кусочек под самый нос.

Наблюдая за Гошей, я понимаю, что его заинтересовало. Это были следы пребывания в нашем дворе чужой собаки. Медленно, миллиметр за миллиметром, Гоша продвигается к эпицентру небольшой, уже впитавшейся в землю лужицы.

Другой пес, Чарли, в подобных случаях с остервенением разбрасывает лапами землю, хранящую запах чужого. После этого расписывается гордо и несуетливо: «здесь живу я».

Гошины лапы плохо служат ему. Чтобы они, дрожащие, не разъезжались, Гоша иногда складывает их в фигуру, напоминающую букву икс. С ногами, так причудливо сложенными, он медленно продвигается к цели. Нет, ему не разгрести этого пятна, ноги слишком ненадежны, и Гоша, весь сконцентрировавшийся на запахе чужого, осквернившего родной двор, выгрызает в самом центре пятна и приседает, пуская струю где-то рядом. Похоже, мы еще поживем на этом свете. Главное — держаться вместе!

10.09.99.

Три сушечки

...И можете себе представить, Маяковский это тоже понимал,

я имею в виду — держаться вместе. Поэтому он и написал «Хорошее отношение к лошадям», и в какое бы вы думали время? В 1918 году! Кому тогда было дело до лошадей? Ну еще шла бы речь о том, чтобы привезти на лошадях в Москву что-нибудь по-настоящему существенное, а то просто старая лошадь, поскользнувшаяся и не справившаяся с разъезжающимися ногами. Нет, не памятки вождям и революциям главное у Маяковского, а глубокая, постоянная любовь-жалость к зверью. Он и себя самого, когда был влюблен и нежен, чувствовал щенком, ласковым и наивным.

И это неправда, что животные бывают умными и глупыми. Умными мы называем тех, кто легко и, главное, охотно поддается дрессировке. Но и так называемые глупые не просто не понимают нас. Они понимают. Они не хотят подчиняться и делают вид, что не понимают или забывают наши команды. Приглядитесь-ка иной раз.

Моего Гошу я ничему не могла научить не потому, что он не понимал меня. Он и не скрывал от меня, что понимает все команды. Просто не хотел подчиняться мне. И все.

В подобной ситуации иной хозяин берет в руки плетку, палку и начинает ломать собаке характер, подчиняя ее себе с помощью боли, страха. Я,

грешный человек, тоже пыталась подавить волю Георгия, только у меня из этого ничего не получилось. Он стал презирать меня еще сильнее.

Не то чтобы не было другого пути для человека, взявшего себе собаку, не подчиняющуюся дрессуре. Есть, есть другой путь, но мы не хотим перешагивать через свою спесь.

Ну не признает меня Гоша ровней себе. Ну смирился с этим! Согласись с его превосходством, и он станет тебе товарищем, выполняющим твои просьбы. И сделай так, чтобы он захотел подчиниться тебе, если ты — умный человек! В этом весь секрет управления людьми и животными. Но мы ленивы и самодовольны, и когда судьба посылает нам собаку, которая видит в нас достойного уважения и любви хозяина, мы начинаем думать, что мы и в самом деле такие замечательные и **всякая** собака должна нам подчиняться и уважать нас.

Гоша без малейших усилий мог сбивать меня с толку, превращать в обиженную девочку, истеричную тетку, да во все что угодно, когда ему хотелось сбить с меня спесь. Я помню, как однажды, поссорившись с ним, я вела себя настолько не солидно, не по возрасту своему, не по положению, что стыдно и рассказывать.

Я тогда писала свою диссертацию и очень, надо признаться, любила это занятие. Работа

двигалась неплохо, и меня тянуло к столу, где я ощущала себя умной, везучей, до предела передовой. И вот однажды, встав пораньше, я, предвкушая и оттягивая сладкий момент погружения в мир, где нет мер, вымыла полы в квартире (день был нерабочий, и все мое время принадлежало мне), сунула Гоше в чашку, чтобы перекусил немного, пока я сниму первые утренние плоды моего вдохновения, три маленькие сушки. Гоша, замечу, любил печенье, булочки, сырны палочки и... сушки. Признаюсь, иной раз я этим злоупотребляла. Впрочем, иной раз, поздно вернувшись домой, я и сама ужинала с ним одним хлебом. Мы сидели рядом, я отламывала от буханки, и мы мирно жевали. Что делать, если ничего больше не было в доме. «Ты уж извини, но ничего нет», — говорила я Гоше, и он с пониманием относился к ситуации. Но на этот раз, видя мои приготовления, пес решил, что я стала слишком уж манкировать своими обязанностями по отношению к нему, что пора положить этому предел и мягко напомнить мне, что нечего нос задираать, пора и под ноги глянуть.

Когда с мытьем было закончено, когда три сушечки, мною выделенные в качестве скромного Гошиного завтрака, легли в его чашку, я вымыла руки и отправилась в свою комнату. Но каково же было мое изум-

ление, когда, пересекая гостиную, я обнаружила на свежесвымытом полу аккуратно выложенные три сушечки. Моя нога застыла в воздухе, едва не опустившись на них. Я в тот момент вообще не поняла, откуда здесь могли обнаружиться сушечки. И поэтому не рассердилась, не разозлилась, я только в состоянии крайнего изумления собрала их с пола и отнесла к чашке. Думаю, что если бы в тот момент выяснилось, что в собачьей чашке лежат еще три сушечки, то это меня поразило бы не больше того, что я обнаружила в действительности. Постояв в недоумении над пустой чашкой, я готова была поверить, что вместо того, чтобы положить эти проклятые сушки куда следует, я сама по рассеянности оставила их на полу...

Покончив с чашкой, я направилась к письменному столу. Но только села, как вспомнила, что не сварила себе кофе. Я люблю работать, когда рядом на столе стоит большая чашка с кофе. Направившись на кухню, я обнаружила на чисто вымытом полу в гостиной аккуратно выложенные три сушечки!

На этот раз моя реакция была мгновенной и определенной. «Сволочь! — заорала я, спускаясь с небес на землю. — Не хочешь жрать — не надо! Но зачем же гадить! Паразит проклятый!». Я собираю сушечки, кла-

ду их в чашку, мою руки, чувствуя, как начинает ослабевать во мне творческий настрой.

Пока я варю кофе, творческое вожделение вновь овладевает мною, а вместе с ним возвращается и некоторое благодущие...

На старом месте в гостиной, когда я направляюсь к себе с чашкой, меня снова дожидаются три аккуратно выложенные сушки. Это конец. Я даже не кричу больше. «Чтобы ты сдох, идолище поганое», — произношу я про себя тихо и торжественно. Сушечки вместе с собачьей чашкой водружаются на книжный шкаф. Теперь ничто не помешает мне больше!

Когда мне работается, я забываю не только о перерыве на обед — обо всем, и прихожу в себя только тогда, когда душа моя, отлетав где-то положенное ей, устало опускается у меня за спиной. Вдруг выясняется, что голова и руки стали какими-то чужими, а тишина тоскливой, к тому же уже темно и поздно. Тут я вспоминаю, что давно не подавал признаков жизни мой пес. Дома ли он вообще? Если да, то его давно пора выпускать. Если нет, за ним пора отправляться и искать.

Какое-то внутреннее чувство подсказывает мне, что пес дома и, затаившись, наблюдает за мной. Поэтому я, делая вид, что занимаюсь своими делами, незаметно обвожу глазами комнату и, не найдя в ней ничего,

что указывало бы на его присутствие, иду на кухню, заглядывая по ходу в темные углы. Пса нигде нет.

Делая вид, что мне нужно в ванную, прохожу через коридор, бегло взглянув в прихожую. Нет его нигде! Неужели я выгнала его на улицу и, заработавшись, совершенно забыла о нем?! Не помню! Но решить эту проблему самым простым способом — позвать гада — не позволяет смутное ощущение, что гад где-то рядом. Выходя из ванной, направляюсь в комнату и по странному внезапному побуждению оглядываюсь... Застигнутый, пес замирает в неестественной позе: он, оказывается, давно наблюдал за моими маневрами и за моей спиной бесшумно перемещался. «Ты все равно позовешь меня! Ты первая подойдешь! А там уж посмотрим, чья возьмет!» — легко прочитывалось в его морде и крадущейся фигуре.

И чья, спрашивается, взяла?..

12.09.99

О существовании

Когда люди научатся хорошо относиться к собакам, они и к людям станут относиться по-человечески. Причем совсем неважно, породистая собака или нет. Не все со мной согласятся. Я знаю, что некоторые хозяева породистых собак, общаясь между собой, не включают в

свой круг хозяев дворняжек, считая их людьми несерьезными, несолидными, одним словом, беспородными. Совсем как мой Гоша, судят они о других. Но я придерживаюсь иной точки зрения. Собаки, независимо от того, располагают они родословной или нет, несут свою службу. Породистые делают это по-своему, так называемые беспартийные — по-своему.

«О существенном». Большая это проблема! Если спросить писателя, в чем его сущность, он скажет, что он — писатель. Это что? Если спросить собаку о сущности, то она тоже скажет — собака? Отнюдь! Даже владельцы породистых собак, которые воспринимают жизнь, как я уже сказала, одностороннее, с этим не согласятся, тем более мы, хозяйева дворняжек, воспринимающие мир широко и без предрассудков.

Во-первых, существуют не просто собаки, хотя я и настаивала на том, что любые собаки несут свою службу. Что из этого? В армии тоже несут службу, прости меня, Господи! Мы же не делаем из этого выводов о сущности тех, кто там служит. Давайте уж будем справедливыми со всеми.

Итак, во-первых, собаки бывают с родословными и без. На этом всегда насмерть стояли владельцы породистых собак, и мы признаем очевидности.

А во-вторых идет самое главное. Даже собаки одной поро-

ды различаются воспитанием, характером, судьбой, хозяевами, талантом... Поэтому имя одной собаки произносят с уважением, а другой — с нежностью. За этими интонациями — понимание сущности собаки хозяином.

Вот поэтому, если сказать о Льве Толстом, что он писатель, это значит ничего о нем не сказать. Писателей у нас много, а Лев Толстой один. И Чехов один. И Пушкин...

14.09.99.

Возвращение к жизни

Две недели Гоша болел. Неприятны физиологические подробности жизни старой больной собаки. Старость вообще в девяносто девяти случаях из ста не красива (случай последний оставляю себе). Гошина старость не исключение. Он худ. Редкая пушистая шерстка скагывается, облепляя выпирающие косточки на голове и на спине... Хуже всего дело обстоит с хвостом. Он стал совершенным подобием крысиного: тоненький, мышино-го цвета, с редкими волосками по всей его длине. Гоша уже давно изрядно подслеповат. Мне так легче считать, хотя на самом-то деле он, возможно, уже давно совсем ничего не видит. Но сам он с этим не считается и очень часто по инерции, разогнавшись, наткнется мордой на ножки стульев, стола, бортик своей корзины... Больше всего достается

при этом Гошиному лбу и глазам. Поэтому его глаза постоянно слезятся, и шерсть вокруг них скатывается особенно часто и неопратно.

В течение этих двух недель я не раз приходила к мысли, что жизнь моей собаки превратилась для нее в сплошное мучение, что мой спесивый пес давно перестал ощущать унижительность своего существования и испытывает только физические страдания, ожидая от меня поступка, на который я по малодушию своему не могу решиться. И я решилась.

Самое страшное для меня было решиться. Решив усыпить больную старую собаку, я как-то сразу перестала реагировать и на грязь, и на тяжелые неприятные запахи, сопровождающие течение его болезни. Я начала ждать от него сигнала. Когда он откажется есть, это будет означать, что он не хочет больше жить. Готовясь к этому моменту, я накупила говядины, чтобы побаловать его напоследок, и наблюдала.

Аппетит — это последнее, что привязывало пса к жизни. И кто бы мог подумать, что эта связь окажется столь прочной!

Когда при моем очередном появлении Гоша на качающихся лапах, то и дело заваливаясь на сторону, вышел к своей чашке и остановился над ней, качаясь и гнусаво поскуливая в ожидании очередной порции мяса, я поняла, что пора пере-

ходить от полностью домашнего режима жизни, когда все-все делается собакой дома, к частично домашнему. И я потащила пса на первую после его болезни прогулку.

Школа выживания

Жить становилось все труднее. В зеркало я уже давно старалась не вглядываться вечно усталыми, какими-то мутновато-красноватыми глазами под неотвратимо тяжелеющими веками. Такова я дома. На людях, вероятно, усталость прикрывается либо «тяжелой думой» на челе, либо «ах и хороша же нынче погодка!».

Вся беда в том, что и в самой глубине души я давно чувствую себя где-то рядом с собой, и соседство это к веселью не располагает. Временами опускаются руки, когда я осознаю, во что превращается моя душа. Черт с ней, с внешностью, но моя душа, в которой было когда-то столько любви к человечеству и столько удивления перед жизнью, неотделимого от веры в нее, мелела и высыхала, стремительно убывая.

Я говорила себе, что во всем виновата усталость и безденежье, все невероятно усугублявшее. Может быть, это была правда, а может, и нет, так как все то же самое было и у других, но они находили повод для радости и деятельного интереса к жизни.

Сбереженные когда-то на путешествие доллары таяли, превращаясь автоматически в диаметрально противоположную по целевому назначению сумму «на черный день». Сначала масштабы этого дня колебались в границах 300—400 долларов. Потом масштабы начали сокращаться пропорционально таявшей сумме. Последний год я продержалась на цифре 100. Это таяние и мучительное балансирование на границе неумения жить по средствам и неимения средств утомляли и удручали...

Когда последняя сотня была разменена, я сказала себе: «Все, черные дни отменяются!». И мне стало легко. Я перестала цепляться за берега обеспеченного, разумного, цивилизованного существования и предалась беспечности птиц небесных.

Но все это произойдет лишь потом, когда наступит зима. Осенью я сопротивлялась из последних сил, и, может быть, именно это сопротивление, бесполезное, как выяснилось, отнимая силы, приближало меня к отчаянью. Тогда-то я и открыла для себя мудрую дальновидность нашей администрации, включившей в набор продуктов, предназначенных в качестве рождественского подарка сотрудникам, водку. Не любившая прежде этот напиток, пристрастие к которому казалось мне, по крайней мере у женщин, признаком вульгар-

ности, я высоко оценила его фармакологические качества в минуты крайнего отчаяния.

Это было одним из двух первых по своему значению уроков школы выживания. Другой урок состоял в том, что я открыла для себя и медицинские свойства слова. Выяснилось, что боль, названная по имени, отдает часть своей энергии языку.

Итак, в тяжелые дни, когда в томительном ожидании своего последнего часа еще млела в тумбочке оставленная «на черный день» сотня долларов, я начала потихоньку прикладываться по возвращении домой с работы к бутылке и к пишущей машинке, чтобы удержаться со своей собакой на плаву. И вот что из всего этого получилось.

Хиговины

* * *

Когда называешь вещи своими именами, вещи легчают.

* * *

Великую миссию ненормативной лексики особенно ценишь, когда подводишь черту после завершенного рабочего дня.

* * *

Не забывай напоминать себе о необходимости переворачивать календарную страницу, а то так и будешь сидеть на куче дерьма в бесконечно длищемся дне.

* * *

Банальность — экзамен на интеллектуальную самостоятельность. Не в том дело, что умный человек не может быть банальным. Нет. Он не боится быть банальным, ведь истины иной раз бывают весьма банальными, но при этом они остаются истинами.

* * *

Не путать самоусовершенствование с самоутверждением — несовместимые вещи.

* * *

Несчастный богатый, оценивший то, чего не купишь. Счастливый бедный, осознавший цену непродавшегося.

* * *

Лучший собутыльник — умеющий молчать.

* * *

Для мертвого сердца законы сердца — несущественное.

* * *

История не помогает избежать ошибок, но меняет характер их.

* * *

Боль — один из признаков жизни.

* * *

Тайны есть только у живого сердца.

* * *

Что такое творчество? Это вера. «Веры во мне не было», — говорит актер-неудачник и пья-

ница в пьесе Горького «На дне». Автор-художник знал по личному опыту, что творчество питается верой. Поэтому художник не умеет лгать и притворяться. Как обманешь себя? Как обманешь себя, притворяясь верующим? Других, но, вероятно, не всех, обмануть можно. Можно этим путем многого достичь: привилегий, власти, даже чьих-то искренних симпатий. Одного нельзя — творческого откровения. Его нет без душевной чистоты. А ее нет без веры.

* * *

Разрушить казарму — еще не значит освободить тех, кто в ней томился. Казарме противостоит не свобода, но свободное проявление всего, что в неволе накопило убогое воображение раба, что аккумулировалось в его уродливых желаниях. Поэтому мы сегодня самые свободные, и как же мало в этом свободы!

* * *

Известный афоризм, гласящий о повторяемости исторических событий (первый раз в виде трагедии, второй — фарса), несомненно, справедлив и не относится к категории исторических законов, вероятно, лишь по одной причине — нам неизвестна природа повторяемости. Мы не в состоянии дать универсальное (т. е. убедительное для большинства) объяснение повторяемости. А

без этого ни одно положение не имеет шансов пробиться в компанию законов и обречено на прозябание в сомнительной среде случаящегося.

Собачья семья

Повесть

Видно, где-то писатель умер: поперло из меня, как из борзописца, словоизвержение какое-то. Просто какой-то собачий Пришвин, прости меня, Господи! Теперь вот эта собачья семья привязалась.

Возвращаемся мы с Гошей с его первой после двухнедельной болезни прогулки. Идем не сразу домой. Я внимательно наблюдаю, не очень ли устал мой пес. Похоже — нет. Значит, можно прогуляться до соседнего двора, где обитает очень беспокойная компания.

Ну, во-первых, в самом дальнем от нас подъезде живет Марсик. Это маленькое перистое существо с остроконечными ушками. Не больше кошки, но на прямых высоких ножках. Еще пару лет тому назад он был очарователен. Совсем как Гоша, но, как мне кажется, без Гошиного артистизма. Скорее кокетливый и эгоистичный, чем фантазеристый и артистичный. Теперь он округлился и, как выразился бы Шура Балаганов, забурел. В его походке чувствуется какая-то деловая озабоченность, как у нового русского.

В ближайшем от нас подъезде обитает доблестный Атос. Это еще не так давно черный с серебряными просветами, а ныне скорее седой, чем черный, спаниель. В прошлом Гоша страшно не любил его, что однажды даже спровоцировало обиженное замечание хозяина Атоса. Теперь, когда оба пса очень постарели, они перестали замечать друг друга. Как мимо пустого места проходят они, столкнувшись друг с другом нос к носу.

И, наконец, самое заметное явление соседнего двора — собачья семья. Их четверо: Найда, Шарик, Дружок и Бимка. Бывают иногда и друзья семьи. Был Шеф. Большой, сильный, бурого цвета... Он все порывался оттрепать Чарли, нашего с Гошей приемыша. Семья относилась к Шефу с сочувствием, чего нельзя было сказать об их отношении к Чарли, веселому, неуклюжему домашнему псу. Они вообще домашних гоняли. И Шеф, который мог спокойно загрызть любого из Найдиных мужей, искал случая сцепиться именно с Чарли. Иной раз, увидев его, Шеф напрягался для решительного прыжка... И вдруг замечал меня. Он замирал на секунду, потом его фигура как-то плавно и медленно расслаблялась. Голова скрывалась за деревом, и лишь один глаз, одно ухо продолжали следить за моим поведением. Было очень смешно и странно: боль-

шое серьезное дерево обрастало с одной стороны серьезным собачьим ухом и глазом, а с другой — серьезным собачьим задом и хвостом. Я не выдерживала паузы и объявляла, что я думаю о намерениях Шефа и его поведении. Выслушав меня, он, загадочно-серьезный, неспешно удалялся мелкой рысцой, изредка останавливаясь, скаля зубы и порывивая на пытающегося прпровождать его Чарли.

Уже скоро год, как Шефа убили где-то в гаражах, где он квартировал.

Найда

Найда была дочерью Найды. Она родилась зимой в вырытой ее матерью норе под беседкой в детском саду. Когда толстые и энергичные Найдины щенки, благополучно пережив заморозки, совпавшие с моментом появления их на свет, выползли из норы, преодолели изгородь и, удивляя и останавливая прохожих, начали осваивать окрестности, ее не особенно баловали своим вниманием. Братья новорожденной Найды были заметно более резвыми, общительными, что способствовало не только тому, что судьба их повернула к лучшему. Кого-то подобрали для последующей службы, кого-то отловили бродяги для разнообразия рациона. Трусливость и осторожность помогли Найде выжить. Впрочем, быть может, я не справед-

лива. Найда была умнее других. Не зря же она в конце концов сумела устроить жизнь свою, вопреки активному недоброжелательству по отношению к ней.

Найда — некрасивая собака. У нее короткие лапы, длинное тело, узкая мордочка. Одним словом, что хорошо для таксы, совсем нехорошо для дворняжки. Мало привлекателен и ее нрав. Она не замечает своих недоброжелателей днем. Но ночью она вполне может спровоцировать своих мужей и поклонников на то, чтобы облаять кого-то из припозднившихся соседей. Есть, конечно, у нее свои симпатии среди людей. Но ее привязанности откровенно прагматичны, а в ее ласке много заискивающего. Перестанешь ее кормить, она тебя перестанет замечать.

Да, мельчают собаки! Я вспоминаю Байкала...

Байкал

Жил очень давно в наших домах великий пес. У него не было хозяина. Думаю, что желающие прибрать его к рукам были, да не было среди них достойного, по понятиям Байкала.

Ну что? Внешность? Да? А потом, как он жил?..

Байкал был темно-серого цвета с коричневатыми и черными пятнами. Средних размеров. Высокий. Нос его был слегка вздернут и притуплен. Особенно замечательными были

глаза. Они похожи на глаза боксера. Тоже темные, круглые и большие. Но в глазах Байкала никогда не стояли слезы, никогда не было мольбы, упрека, любви к человеку. Это были совершенно замечательные человеческие глаза. Байкал знал людей, ничего не просил у них, очень сдержанно выражал благодарность... Впрочем, это была и не благодарность, а тень вежливости, не более. Наконец, он ничего и никого не боялся. Вот поэтому, когда я ловила на своем лице взгляд Байкала, я внутренне подбиралась, стараясь показать себя с лучшей стороны.

Байкал был первым псом, который дал мне понять, как мало во мне характера и подлинной, несловной породы. Он же и подсказал, в каком направлении следует мне работать над собой, чтобы воспитать самоуважение.

Он не принадлежал никому из людей.

Он жил несколько лет то в одном, то в другом подъезде, равно сдержанно принимая от людей то, что те догадаются ему дать: еды, питья, старую кофту или курточку для подстилки.

Общаясь он более близко лишь с собаками, которые относились к нему с понятным всем уважением, как к учителю.

Я не знаю, по каким причинам исчез из нашей жизни Байкал. Мне хочется думать, что

не собачники тому виной. Что он, по своему обыкновению, ушел странствовать. Ведь мир так широк! А у меня осталась его фотография. Я тогда как раз впервые заболела этим увлечением. И мне повезло подловить Байкала рядом с моим псом Кешей. На этой фотографии Кеша не замечает, что я его фотографирую. Для него в этот момент лучшее в мире концентрируется где-то около Байкала. Кстати, я никогда не ревновала Кешу к Байкалу, понимая, что Байкал худому не научит, и вполне разделяя Кешины симпатии.

Так вот, Кешка меня не видит, а Байкал каким-то краешком глаза следит за мной, не поворачивая головы. Он видит и позволяет мне его фотографировать. И мне от этого делается приятно.

Где ты теперь, Байкал?

И кто только придумал для тебя это хорошее имя, которое ты принял и достойно носил?

Опять Найда

Байкал — забытая легенда нашего двора...

Найда — живая легенда.

Когда она осталась одна — братьев разобрали разного типа доброты, мать по неизвестным причинам куда-то сгинула, — люди думали, что и этот некрасивый щенок проживет недолго. Ан ошиблись!

Ей не было еще и года, не успела обновиться щенячья шерсть, когда Найда забеременела от Дружка, маленького, черненького, пышношкуристого кобелька, которого прикармливала тихая, сердечная женщина, жившая в соседнем доме на первом этаже вместе с таким же, как она, тихим мужем. Эта маленькая семья людей и получила прибавление в виде Найды-малолетка и ее с Дружком потомства.

Найда быстро нашла все слабые стороны Дружковых благодетелей и очень скоро начала восприниматься ими как самостоятельная личность. Она, например, умела проявлять крайнюю степень любовного непослушания, повышающую симпатии. Отправится хозяйка на рынок, а это не близко и связано с пересечением автотрассы, и не одной, — Найда энергично, воодушевленно пристраивается рядом. Хозяйка начинает ее прогонять, Найда реагирует, как старая нянька, которая лучше, чем ее подопечный, знает, что и когда делать. Она сначала снисходительно и ласково виляет хвостом, дескать, ну брось дурака валять, на рынок — так на рынок. Потом в ее поведении появляется какое-то огорченное удивление: не ждала я от тебя такого легкомыслия. Наконец Найда поступает, как великий педагог: она делает вид, что уступает хозяйке. С

большой неохотой, пересиливая себя, с показным перешагиванием через самое святое, Найда поворачивает назад и делает несколько трудных шагов, вселяющих в душу хозяйки спокойствие. Дальше хозяйка совершает свой путь в полной уверенности, что за ее спиной не происходит ничего необычного. Она всецело предается своим проблемам. А Найда в это время, не спуская глаз с хозяйкиного затылка, готовая в любой момент увильнуть за угол или за дерево, не исключая при этом и возможности повторения душераздирающей сцены с перешагиванием через святое, если не удастся вовремя спрятаться, благополучно семенит следом. О, она хорошо знает, как удивится и обрадуется, увидев ее рядом с собой на рынке, кормилица! А сама кормилица, умильно называя Найду умницей, обязательно потом расскажет этот случай соседям.

Найда не вытеснила из сердца кормилицы Дружка. Она просто сумела расширить масштабы этого сердца. Поэтому позднее, когда Дружок исчез (то ли собачники его прибрали, то ли большие собаки — не известно), заботясь о том, чтобы сердце пустовало и томилось недолго, Найда завела себе нового мужа, обеспечив кормилицу, таким образом, еще одним нахлебником. Потом к ним в разное время присоединилась

еще пара кобелей с другими социальными ролями.

Вообще-то, конечно, Найда — обыкновенная шлюха. За это ее ненавидят владельцы сук, особенно породистых. Найда умеет отравить им жизнь, спровоцировать потасовку, когда бесчисленные мужья ее, заслышав душевраздирающий вопль подруги, со всех концов округи стремглав летят к ней на помощь. А когда у нее течка, на улицу вообще опасно показываться с собаками. Стаи одержимых фантастической похотью кобелей всех мастей и габаритов — от волкодавских до с наперсток — томятся, роятся, сомнамбулически перемещаются со зверскими и загадочными мордами не только вокруг ее подъезда, но и вокруг мусорных баков, на детской площадке, в сквере... Добавьте к этому неизбежные в пору собачьих шабашей вопли, когда кажется, что живого разрывают на части! О, сколько собак пропало в эту пору, разорванных в клочья своими друзьями-соперниками! О, сколько я пережила в подобные дни, страшась за судьбу своего жизнелюбивого и гордого Гоши!

Но самое мерзкое не это! Моя ненависть к Найде возникла именно тогда, когда, услышав однажды дикий вопль, вообразив своего пса в когтях и пасти волкодавов, я, полуодетая, кубарем скатившаяся с четвертого этажа на помощь, обнаружила, что испугавший меня вопль был воплем восторга и крайнего удовольствия.

Сколько раз я мысленно призывала собачников, чтобы очистили наш двор от этой развратной дряни! И вот однажды по весне, возвратившись с работы, слышу от соседей: «Сегодня Гошу одного не пускайте гулять. И вообще, последите за ним эти дни. Собачники ездят. Найду забрали». «Отгуляла», — устало подумала я и сыто пожалела о не отжившей своего собачьего века Найде.

Дня три-четыре вспоминали в нашем дворе Найду и жалели овдовевшего Шарика. А через две недели Найда появилась. И все обрадовались. И, главное дело, я тоже обрадовалась. Согласитесь, это приятно, когда, в сущности, совершенно бесправное и беспомощное существо одерживает победу над организованным противником, пытающимся отнять у тебя жизнь — единственное твое наследство и достояние!

Ни местные враги и завистники, ни заморозки, ни болезни, от которых подыхали многие из Найдиных поклонников, ни даже собачники не смогли одолеть Найду. Сегодня она уже немолодая. И прежних оргий давно не слышать.

Найда сегодня — благочестивая матрона, окруженная членами своей семьи.

Теперь о членах

Самая замечательная личность в собачьей семье — уже

упоминавшийся мною Шарик. Это его, когда собачники загребли Найду, мы лицемерно-ханжески упрекали: что же ты, мол, Шарик, недоглядел, не уберег супругу! Шарик на это только морду отворачивал с неудовольствием да моргал косящими глазами.

Чем-то Шарик напоминает Байкала, только изрядно побитого жизнью, каким я никогда того не видела.

У Шарика высокие лапы. Правда, сейчас, когда он уже состарился, это не очень заметно. В молодости он был, вероятно, очень пушистым и красивым — шарообразным. У него довольно светлая шерсть, густая и не короткая, пышный хвост, правда, очень редко стоящий трубой. Большая голова с замечательными глазами. Они, как у Байкала, широко расставленные, открытые, темные, круглые. Но выражение глаз совершенно другое. И дело даже не только в том, что с первого взгляда любой замечает раскосость, расцентровость глаз. В них почти всегда не то страх, не то готовность к встрече с недоброжелательностью, со злой силой. Вот так он встречает твой взгляд. А потом, когда ты говоришь ему вслух или про себя: «Привет, чего напрягся!» — взгляд тускнеет, веки слегка опускаются и напряженность ослабевает. Но не проходит.

Кормилица как-то сказала мне, что раскосость у Шарика

от удара железной трубой по голове — добрый человек приласкал. Не знаю, откуда ей это известно. Мне-то кажется, что Шарик появился у нас уже таким, и хотя это было довольно давно, он и тогда казался много старше Найды. Сегодня, будучи уже очень старым, он ласково выкусывает блох у Найды и следит за порядком в семье. Он бывает невероятно нежен и ласков, но только с теми, кому доверяет и кого любит, а таких немного. С остальными он сдержан, слегка напряжен и по-своему покорен.

Трехцветный, невысокий, длинный, с большими упругими ушами, с узкой мордой — наш враг Дружок-2. Он прибил к семье еще молодым в качестве друга семьи. Вероятно, его привлекала перспектива подкормиться около общего котла. Шарик проявил широту души и приютил сироту с одним, однако, условием, чтобы тот не посягал на права супруга Найды, всецело принадлежавшие Шарикку. Так и порешили. Времени с тех пор миновало немерено, а Шарик так и остался супругом. И хотя он давно уже потерял способность к детопроизводству, отношения Дружка и Найды не продвинулись вперед ни на йоту. Он так и живет при чужой семье, как друг обоих супругов, охраняющий их покой от посягательств посторонних.

Больше всего на свете ненавидит Дружок-2 Чарлика. Ве-

роятно, он понимает, что у Чарлика и Найды давно возник взаимный интерес, который мог бы и привести к роману. Причем, судя по всему, Шарик не стал бы препятствовать сильному и глубокому чувству своей супруги... Вот что бесит Дружка невероятно! Вот что заставляет его люто ненавидеть моего Чарли. Если бы не Дружок...

Они все время на грани драки, Дружок и Чарли. Чарли, чувствуя полную правоту свою, давно бы оттрепал Дружка, раз и навсегда отучив того совать свой паршивый нос в чужие дела. Да вот беда: Дружок, застигнутый врасплох, всегда со злым пламенем в глазах стремглав летит под крыло к Шарикю. Здесь Чарли — порядок есть порядок, да и один в поле не воин! — обычно ретируется.

О, как ненавидит его Дружок! За это свое бегство он ненавидит его еще яростней. И вот как он пытается ему отомстить. Заметив безмятежно прогуливающегося Чарли, Дружок своим лаем, означающим: «братаны, чужой, в ружье», поднимает всю компанию на азартную погоню и дает ей направление строго на своего заклятого.

Несколько неприятных минут Чарли все-таки получает. Кто знает, чем бы погоня закончилась, не окажись мы с Гошей рядом. Чарли спасается

около нас, как Дружок около Шарика.

Увидев меня, Шарик, а он всегда возглавляет погоню, хоть и не всегда догадывается о стратегических намерениях своего приемыша, замедляет бег, а потом на его морде появляются признаки понимания ситуации: «Обознались. Случается. Простите, если можете».

Нет, они давно бы разозрались, не будь рядом Шарика и нас с Гошей.

Бывалый, Трус и Балбес — известные комедийные герои. Наш Шарик напоминает по своей социальной роли Бывалого. Если сделать Труса злым и коварным, получится наш Дружок-2. А наш Бим, или просто Белый, — вылитый Балбес.

За стеной — грохот ремонта. Господи! Как я завидую соседям! Как бы я хотела жить в чистой, отремонтированной или хотя бы прибранной квартире!

Вместо этого сижу в комнате с неубранной постелью, не евшая с утра, хотя уже первый час. Только что покормила своих собак. Мне бы приборкой заняться. Ну не приборкой так наукой. Который год собираюсь писать об андеграунде. Остывает материал. Ну лекции пописала бы. А то о собаках. Села за машинку, чтобы разогреться на собаках для более серьезного занятия,

да так и не могу закончить. То о Гоше. То о Чарлике. То Найда поперла из меня. Кому это интересно? Найда так же далека от Каштанки, как я от Чехова.

Бимка

Без Бимки семья была бы неполной.

Бимка появился в нашем дворе года три тому назад. Он был щенком. Что-то около четырех месяцев было ему тогда.

Стояла жуткая летняя жара, сушь, зной и прочие синонимы. Он просил питья, еды и крыши. Щенок белый, на длинных тонких лапах, грязный. У него были от рождения разные глаза. Один голубовато-сероватого цвета, как у сиамского кота. Другой — цвета мутно-светлого пива. Красноватые влажные веки оставляли впечатление нездоровья. И я сделала все, чтобы собаки мои не познакомились с Бимкой. Более того, заперев своих собак дома, я попыталась прогнать пришельца. Он укрылся от меня под легковым автомобилем. Потом он, видимо, все-таки понял, что в нашем подъезде ему не найти сердечного человека.

Шарик позволял Бимке кормиться около семьи и не разрешал Дружку переходить грань дозволенной строгости. Дружок периодически гонял Бимку и грозно рычал на него. Но не более того.

Сейчас Бимка — большой белый, с бультерьерскими чертами на морде и загадочным взором, сильный и по-своему грозный кобель. Но каким бы беспощадным ни казался Белый в период собачьих свадеб, он необычайно простодушен и приветлив во все остальное время. Он совсем не помнит зла, причинявшегося ему Дружком и мною. Самые сердечные отношения у него с Шариком, который относится к Белому как к сыну. Сегодня утром я сама видела, как Шарик выкусывал из холки Белого, когда тот под-ремывал, блох.

Школа выживания

Сложен и тонок узор души человеческой, труднодостижимыми связями соединяется настоящее наше с прошлым и будущим. Если в прошлом мы не можем изменить ничего, то будущее зависит от нас, но как мало мы осознаем эту зависимость. И вот что поняла я. Когда мы думаем про кого-то или что-то хорошее, мы душой тянемся к хорошему, улучшая себя... Когда мы кого-то осуждаем, говорим о ком-то нехорошее, мы и душой невольно выдвигаемся в сторону плохого. Вот поэтому-то с нами и происходит то, что осуждали мы в других. Может быть, нужно не осуждать, а жалеть других за совершенное ими, если не можем иначе. Но мы не замечаем

самого главного. Стараясь отгородиться от греха, мы отгораживаемся от грешника, называя его грешником, относясь к нему неприязненно. Но мы не отгораживаемся от греха, а притягиваемся к греху, не замечая этого, желая всей душой противоположного... Так, сами того не ведая, мы вышиваем в душе своей не тот узор, который хотели. Может быть, поэтому и нужен нам духовный наставник, который, глядя со стороны, лучше видит, что у нас вышло, не пора ли выпарывать вышитое нами. Ведь и ты сама знаешь, что умна ты с другими, что советы твои хороши и быстры, исполнимы и непутанны для других... В личных же затруднениях ты долго блуждаешь, пока не найдешь то, что другому бы без промедления выдала по первой просьбе его.

* * *

Сегодня, возвращаясь с обедни, думала о том, почему мне так недостает мужества, чтобы исповедаться. Вспомнила, как часто рассказывала абитуриентам и студентам о негероичности Лермонтова, Грибоедова, Тургенева, Гоголя, Некрасова... «Главное, — говорила я, — не просто духовные вершины, на которые поднимались выдающиеся личности, а та дистанция, которую они преодолевали, поднимаясь вверх». К себе я не могу подходить так. Не могу открыть на исповеди

свои «подвалы». Так и живу: для учеников одна мудрость, для личного пользования — другая. Интересно, потребность писать возникает на максимум или минимуме дистанции между двумя моими лицами?

Священник говорил: когда Бог не удовлетворяет твоей просьбы, Он, быть может, тем сильнее тебе помогает, только ты еще не понимаешь этого. Дай Он тебе то, что ты просишь, ты так и останешься несовершенной, завистливой, жадной, спесивой и... удовлетворенной.

Все рушится

По телевидению повторяют монолог заместителя директора ФСБ РФ. Он рассказывает, как в Рязани проводили учения, имитирующие закладку в жилой дом взрывного устройства. Вся страна — полигон, сплошная школа выживания. Сначала «упражнялись» в Москве. Затем один из домов взорвался. Дурдом! Заместитель директора с интонациями амбициозного отличника, всего в своей жизни добившегося исключительно с помощью колоссального усердия, произносит: «Нам вменяется... — и тут же разъясняет: — Это значит, мы обязаны!». Спасибо, родимый!

Так идет наша жизнь, и, похоже, здравый смысл сохраняется еще только среди гош, найд, шариков, чарликов, атосов...

Атоса больше нет. Его нет в нашем дворе и на земле. Может быть, где-то он и есть, только мы об этом не знаем.

Мне соседи рассказали, что хозяин Атоса, заплотив за укол, оказался без средств, чтобы от души помянуть пса. Возвратившись из ветеринарки, он занял на бутылку у хозяев Фанты, акулообразной овчарки, живущей в нашем подъезде, великой собаки, и там же у них не удержался и заплакал.

Хозяйка Фанты, та самая женщина, с которой моего Гошу связывают нежные глубокие чувства, та самая женщина, которая просила меня ее сфотографировать с Гошей, видимо, понимая, насколько для меня тема усыпленного Атоса болезненна, и щадя мои чувства, не сразу рассказала о случившемся...

Ни один хороший хозяин, а хозяин Атоса был Атосу хорошим хозяином, не захочет поступить со своей собакой плохо.

Все, Атос. Теперь ты будешь жить на земле только в памяти своего хозяина.

Прости нас!

Боксер Рей

Впервые я его увидела, когда он был еще подростком-милягой...

* * *

Утро. Туман. Вчерашний дождь вымочил все, что лежало, стояло, висело, двигалось. Сегодня дождь уже не идет, не

капает, он завоевал нас вчера и присутствует во всем, как оккупант.

Под окном на детской площадке, подобно толпам кур, пасутся несливающимися стаями голуби и вороны, сизари и уголечки...

Гоша сегодня не гулял.

У меня болят суставы пальцев рук и ног. У Гоши, вероятно, тоже косточки ноют. Всю нашу работу он сделал на газеты в ванной комнате, испытывая не унижение, а только боль, причиняемую физическими усилиями.

Я решила его усыпить.

После утренних процедур Гоша вместе со своей каретой-корзиной водворяется в гостиную. Он мог бы спать и в ванной. Какая разница, где спать. Но любит он, когда вокруг него течет, не беспокоя, но лаская, жизнь. Он спит мирно, вполне доверяя мне решать его судьбу. И я снова не знаю, есть ли на доньшке его жизни что-то еще. Мне бы не хотелось лишать его последних капель радости, если они ему суждены. Я думаю, что последние капли должны быть, если есть еще капли радости, самыми желанными. И мне не хотелось бы лишать Гошу последней радости, даже если она будет совсем простой, как лакомый кусок мяса или сладостный сон о молодости и любви, или воспоминание о материнском молоке и материнской ласке.

Гоша спит...

28.09.99.

* * *

Итак, «...я увидела Рея...»?

Да, я увидела Рея еще в то время, когда он был совершенным щенком.

Хозяин Рея, молодой человек лет восемнадцати, слегка замкнутый, какими вырастают мальчишки, воспитываемые в любви и заботливой строгости мамой и бабушкой, выгуливал своего щенка на заасфальтированной под площадку крыши гаражей. Раньше на месте этих гаражей была огромная канава, в которой с весны до поздней осени плавала какая-то живность. Потом воду выкачали. На дне построили гаражи, крыша которых сравнялась с краями канавы. Так и появилась у нас эта площадка, на которой по весне дети играют в мяч, а во все остальное время хозяева собак встречаются на свои собачьи посиделки.

Рей первым обратил на меня внимание. Я знаю, как обычно хозяева породистых собак относятся к нам, дворняжкам, поэтому держусь обычно в стороне. Рей завилал радостно не только обрубком хвоста, но всем своим юным туловищем. Ну как тут было не отреагировать! «Какой ты красавец, мальчишка!» — заворковала я, заискивающе поглядывая на молодого и гордого его хозяина.

Хозяин Рея размяк и удостоил меня вниманием. Так я узнала имя и возраст боксера Рея. Мне даже позволили прикос-

нуться к бархатным ласковым морщинкам на его лбу. «Душенька!» — умилилась я, а хозяин сокрушенно вздыхал. Он мечтал, как большинство мальчишек его возраста, о грозной собаке, о бойце, наводящем ужас на многочисленных врагов своего хозяина. «Не огорчайтесь, — успокаивала я юношу, — пройдет время, и ваш пес научится, когда потребует-ся, вести себя агрессивно. А сейчас-то зачем? Он достаточно умный, чтобы понять, что ни вам, ни ему ничто не угрожает...». Была весна, сладостно переходившая в лето. Было прелестнейшее утро. Мы стояли на площадке, и я краем глаза заметила во время нашего разговора еще одну фигуру. Это был бичевского типа мужчина, явно с перепоя, после неизвестно где проведенной ночи, включенный, мятый... Он пересекал нашу площадку, и Рей заметил его раньше своего хозяина. А заметив, радостно направился в сторону бича, делающего ему приветственный взаимный жест. Вот именно в этот момент хозяин Рея и разглядел происходящее. Реакция была мгновенной. Хозяин не допустил взаимного приветствия своим брезгливо-грозным «фу-у-у!».

Остановился Рей. Смущенно опустилась не доросшая до полноценного привета рука бича. Но в тот момент, как потерявший бдительность хозяин Рея

продолжил свои сетования по поводу слишком добродушного нрава своей собаки, Рей, в несколько махов догнавший уходящего прохожего, приветливо и утешающе лизнул уныло опущенную руку его. «Смотрите, — закричала я, не удержавшись, — он все-таки поздоровался и извинился за вашу грубость!».

Ну конечно, мне не следовало этого говорить мальчишке! Он сразу впал в амбиции, надулся и разозлился на Рея. «Чтобы мой пес извинялся перед каким-то бичом! Ко мне!».

«У вас интеллигентнейшая собака. А вы хотите, чтобы она стала тупым и злым хамом...». Я, конечно, не произнесла всего этого, чтобы не усложнять и не драматизировать ситуацию.

Не прошло и года, как Рей изменился. Он превратился в суетливого, агрессивного, вечно рвущегося с поводка, когда его выгуливали женщины, кобеля. Слушался он, судя по всему, только своего хозяина. Но и рядом с хозяином Рей держался пугающе напряженно.

Потом его хозяин женился на молоденькой девочке, которая пару раз выводила Рея на длинном поводке.

Потом я больше не видела Рея.

А хозяин его начал гулять со своей молодой женой и с маленькой детской колясочкой. Потом я видела его гордо несущим на руках годовалого малыша.

Потом. Потом. Потом... Я долго не встречала хозяина Рея и не узнала бы его. Он шел навстречу мне, а я с ужасом следила за поведением маленького белого ушастого существа на поводке — бультерьерши. Хозяин Рея вновь вернулся в наши края. Что-то не сложилось у него в личной жизни. Но долго он не оставался один. Бультерьершу звали Досей.

Школа выживания

Боль, для которой найдено имя, отдает свою силу или хотя бы часть ее слову, имени. Может быть, это и имел в виду Ф. Тютчев, когда писал «мысль изреченная есть ложь»? «Изреченное» присвоило себе часть того, что было «мыслью», состоянием, предметом, движением...

Но ведь бывает и наоборот, когда «изрекаемое» приводит в движение таинственный механизм, колесо судьбы. Мы знаем лишь о великих, чьи судьбы сложились «по слову», определенному судьбу. Вероятно, поэтому мы и думаем, что такое происходит редко и лишь с великими. Обычная наша ошибка: уподобляем мир тому, что принадлежит общеизвестному.

Мой папа был самым обыкновенным человеком. Но перед своей так называемой скоростной смертью он привел в порядок свои записи, по-

ложил на видное место на письменном столе книжку с адресами своих друзей (которую вечно терял и шумно разыскивал по всей квартире накануне праздников), облегчив тем самым, хотя бы и частично, мою работу по траурному оповещению знакомых. А кроме того, за год до смерти он отыскивал всех своих друзей юности, которых так безжалостно разбрасывала по стране судьба, война, беда. Отыскивал, чтобы послать на всякий случай им привет напоследок.

Скажете — предчувствие... Это с какой стороны смотреть.

Хорошее слово «предчувствие», ничего не объясняющее, как и «стечение обстоятельств», «случай». Наши предки были много осторожнее нас и в этом смысле гораздо мудрее, когда устанавливали запреты на слова, способные предопределять судьбу. Нам есть чему поучиться у них. И коли мы еще существуем и мир наш еще жив, может быть, попробуем, коли дано нам слово, хотя бы не рушить им. Не вопить о катастрофах и дырах в озоновом слое, а латать эти дыры добрыми побуждениями своими. А когда уж очень плохо — перекладывать горечь на бумагу, переплавляя, если получится, тяжелое в легкое. И пусть лежит — чему лежать, и пусть летит — чему летать!

Может быть, самые светлые книги и рождаются от боли и муки. По крайней мере в России XX века это именно так. Никто из прикивавших к чистым родникам «Мастера и Маргариты», «Доктора Живаго», «Розы Мира», «Зияющих высот», «Архипелага...», «Пирамиды» не пожелал бы себе обстоятельств, в которых эти светлые книги, книги веры, складывались.

Названная по имени боль становится слабее, а радость?

В радостные мгновения жизни люди не ищут слов, чтобы назвать радость или ее источник: утреннее море, восход солнца, свет в глазах родного человека, лес, вздохнувший при моем появлении: «Ну наконец-то!». Всему этому будет найдено имя потом, когда это станет воспоминанием.

Октябрь 99-го г.

Календула

Сегодня было прекрасное утро. Солнечное. Ясное. Теплое. Сухое. Не тихое и не ветреное. После вчерашнего небывало теплого дня нам не страшны грядущие морозы! (По радио сообщили, что такой теплый октябрьский день был зарегистрирован лишь в октябре 1944 года. Не слабо! Меня тогда и на свете еще не было. Да... а температура этого дня +21°).

Не дотерпев до утренней прогулки, Гоша выполнил всю фи-

зиологическую часть ее программы дома. Но, почувствовав, что мы с Чарли собираемся гулять, начал скулить, уткнулся в прихожей носом в косяк входной двери и успокоился и замолчал, только когда я надела ему ошейник. Физиология, конечно, вещь серьезная, но нельзя же все сводить только к ней. Утренняя прогулка включает в себя и культурную программу: обнюхивание мест прежнего обитания давно почивших супруг, изучение запахов так называемых первопроходцев... Да мало ли чего еще может встретиться и пережиться на утренней прогулке. Очень старый, но еще живой пес должен гулять, чтобы размять кости, подышать утренним воздухом, проникнуться бодрящими импульсами начинающегося дня.

Наконец, просто нагулять аппетита и энергии для переваривания завтрака.

На Волоколамской, около дома, где жили когда-то Молдаванка и Пересы (мать и дочь, нежно любившие Гошу в пору его мужской активности), неожиданно для себя обнаруживаю целые заросли календулы на обочине дороги. Вероятно, прежде их не удавалось заметить из-за того, что в пасмурные дни цветы не раскрывались, и поэтому вся веселая гряда, выросшая здесь после того, как кто-то из хозяев почистил свой огород от разрос-

шихся не в меру цветов, оставалась незаметной и неотличимой от растущего вдоль обочины бурьяна. Сейчас эти цветы распустились и яркими желтыми и оранжевыми лучами своих лепестков осветили не только обочину, но и душу. Мы задерживаемся здесь. Я набираю в карман семена отцветших ноготков, чтобы набросать их в палисаднике нашего не очень веселого двора. Может быть, цветы плохо приживаются у нас из-за того, что мы сеем семена незакаленных растений, прихотливых, избалованных... Им не хватает у нас солнца и веры в себя. А эти должны прижиться. У них хватит опыта сопротивления обстоятельствам.

Мы идем дальше. У нас еще много дел на сегодня. Нам нужно будет после завтрака серьезно заняться глазами. Хорошо их промыть. Потом вытащить прицепившиеся колючки и обстричь скатавшуюся в комок шерсть на правом боку. О трудном и славном Гошином пути хотят снять фильм. Нам необходимо выглядеть. Ну и — вообще! — нужно держаться, ведь жизнь — это терпеливое противостояние смерти.

Школа выживания

Самое трудное в нашем занятии — разумном старении — это границы. Границы — это наша «десятка», это Бер-

мудский треугольник нашего сознания. Но если, не сдаваясь страху, назвать вещи своими именами, то ваше мужество вознаградится. Хотя разве мы думаем об этом, когда нам предстоит совершить переход из одной стадии старости в другую? Нам трудно, и, чтобы не смотреть правде в глаза, мы стараемся глядеть поверх ее головы. Так легче, ибо это создает иллюзию сбереженных ресурсов, утаенного от судьбы запаса сил. Сказать, что тебе сто лет или даже сто пятьдесят, много легче, чем назвать свой настоящий возраст. Одним словом, когда убегаешь от правды, искажая ее в большую сторону, всегда есть надежда, что тебя примут за отчаянного смельчака.

Но я-то хотела не обличать, а делиться опытом. Поэтому скажу самое главное. Сколько раз мне казалось, что начавшаяся боль не только не кончится, но будет все неотвратимей и изматывающе возрастать! И что? И ничего! Живу. К боли привыкаю. А кроме того, где-то в середине каждой новой стадии старения неизбежно установится тихое равновесие с собой, с судьбой, примирение с утраченным и сохранным. И в эти тихие дни жизнь снова покажется нам светлой и не вовсе безразличной к нам («вовсе безразличной» — это я опять поверх правды устремилась!).

Но вот что нужно помнить: как раз тогда, когда нам больше всего покажется, что мы уже овладели ситуацией и готовы поделиться опытом преодоления своих возрастных проблем с другими, как раз тогда очередная болезнь набрасывается на нас. То пропадает голос, то падает ниже всяких норм температура.

Всякий раз перед этим я переживаю огромное беспочвенство. Мне кажется, что я запутываюсь в делах, что-то забываю и упускаю. Я несколько дней подряд рисую какие-то графики и схемы, расписывающие мои дела на несколько месяцев вперед. И когда все расписано, происходит это.

Это начинается ночью чувством невероятной тоски. А потом приходят суматошные, пугающие и грустные сны. Снятся люди, которых уже нет, и сердце щемит от любви к ним, невысказанной, неотданной. Снятся преследования, жестокие расправы и тяжелые профессиональные споры без озарений и слушающих. И в перерывах между этими снами ты говоришь себе: «Все! Я попалась. Это болезнь». И молишься. И утро не разгоняет твоих страхов, лишь делает более очевидной необходимость примирения со свершившимся. И ты перестаешь пробовать голос и переходишь на шепот или говоришь себе: «Все! Сдаюсь!», и что-то сразу меня-

ется в мире. И как-то по-новому делается легко и пусто. «Гори все огнем! Я болею».

Желание славы

Любаше Лимоновой, умнице, красавице, замечательному человеку, с пожеланием здоровья, любви и благополучия посвящается эта правдивая история.

Автор.

Неприятно, стыдно и тяжело вспоминать наши с Гошей первые дни болезни.

Все началось с того, что красавица ветеринарша, живущая по соседству, предложила нам с Гошей поучаствовать в телепередаче, которую ведет ее добрая знакомая. Я была польщена. Нам с Гошей ни в жизнь бы не попасть на эту передачу, если бы не душевная щедрость Любаши, красавицы ветеринарши, и дремучий возраст моего «простолодина». Сама Любаша в этой передаче уже познакомила зрителей с обожженным крокодилем, такой Булькой, выкормившей своим молоком не одного среднеазиатского волкодава (мы, кстати, тоже с ней знакомы и самого высокого мнения о ее моральных качествах), и двумя отечественными суками породы ротвейлер, съездившими в Польшу за женихами. Одним словом, этот аристократический салон мы могли потрясти только своим возрастом, а затем уж и своим интеллектом. Только в таком порядке и никак иначе.

Мы стали готовиться. Я сказала всем, кому могла, что вот-вот мы с Гошей снимемся в фильме. Кроме того, я сочинила некоторое количество сценариев нашего диалога в эфире, отшлифовав для разных случаев дюжину ярких и запоминающихся афоризмов. Наконец, я даже смогла убедить красавицу ветеринаршу, что Гоша мой на полтора года старше своих лет. Что еще?!

И вот, когда все уже было оговорено и подготовлено, я вдруг заболела. И не как-нибудь!

С насморком или без ноги я бы смогла отлично выдержать съемку. Даже без глаза, без уха и с переломанным носом! Но я потеряла голос. Скажете — случайность? Не знаю. Слишком все сошлось: телевизионщики прибыли, а я — с выпученными глазами и дюжиной афоризмов — обезголосела.

Но это было еще не все. Вылечившись, я стала снова готовиться к съемке. Оповестила знакомых, которые тут же изумленно спросили: «Как, опять?!». Их тоже снимали с их среднеазиатским Шоном, правда, в другой программе и не как хозяев Шона, а как близких родственников отмечающего свой юбилей писателя. Но это же совсем другое дело!!! Там их с Шоном снимали, можно сказать, на халяву, безбилетно — из-за юбиляра. А здесь полноправно, как должителя и его уважаемую хозяйку.

Одним словом, мы с Гошей опять приготовились. Я для этого его всю неделю одной сырой говядиной раскармливала, доводя его внешний вид до «олимпийских» образцов. А накануне съёмки я вымыла его и Чарли, чтобы в этом вопросе не ударить лицом, необычайно дорогим собачьим шампунем, купленным Бог знает когда по случаю фантастического мотовства, которое случается со мной в день полочки после длительного безденежья.

Первые признаки неблагополучия должны были меня насторожить уже накануне. Верхняя губа моя в самой чувствительной угловой части вздулась и вывернулась от высыпавшего свежего герпеса. Вместе с этим опухла и как-то обвисла правая щека, деформируя мою интеллектуальную вывеску. Но это не все и не самое главное. У меня от волнения и ожидания пропал сон, покраснели глаза, болела голова, меня бросало в жар и тошнило. Но и это еще не самое главное!

Они не приехали к нам с Гошей и почуявшим славу, присмирившим Чарликом!

Этого удара, как я сейчас понимаю, мы с Гошей и не смогли перенести. У него на обоих полушариях попки образовались отеки, которые мучительно больно и некрасиво воспалились. Гоша заболел. И, как всегда, это превратилось для меня в испытание характера и

моих гуманистических принципов. Но и это еще не все. Мое отношение к ситуации осложнялось тем, что я тоже была в состоянии тяжелейшего стресса и каких-то еще процессов, развивавшихся неотвратимо, подавлявших мой дух, волю и прирожденный оптимизм.

Я сорвалась. Моя больная щека каким-то неведомым образом сделала меня совершенно незащищенной от зла, внешнего и внутреннего. Что-то надломилось во мне. Я решила усыпить Гошу, но в тайниках сознания надеялась, что он умрет сам. Великая усталость навалилась на меня, и я опять потеряла голос. Надо сказать, это для меня самое страшное. Мой голос — это моя работа. А для человека, не имеющего мужа-пьяницы и детей-хулиганов, это еще и жизнь, так как основным оправданием жизни становится работа. Накануне потери голоса в состоянии тихой истерии я пришла к красавице-ветеринарше, чтобы отменить назначенную в третий раз съёмку.

Ах, Любаша, знала ли она, как я ждала ее медицинского приговора Гоше, развязывающего меня, освобождающего от моральных обязательств перед ним! Я была сломлена и, описывая симптомы его болезни, может быть, впервые желала услышать: надо усыплять.

Она хмуρο курила. Она по моим описаниям ставила диаг-

ноз и определяла направление лечения... И когда я, совершенно деморализовавшись и пав в ее глазах окончательно, надавила на нее, что, дескать, вы, как специалист, можете определить, пора ли усыпить старика, она, не глядя мне в глаза, сказала: «Это вы должны решать сами. А я могу поставить укол хоть сейчас».

Между прочим, все здесь рассказанное — абсолютная правда. Никаких искажений или преувеличений автор себе не позволил. Идеальной достоверности противоречит лишь незначительное сокращение фактов, допущенное автором в интересах сугубо эстетических: для сохранения сюжетной динамики и повествовательной мелодики. Так, например, в истории не нашел отражения очень выразительный эпизод диалога автора с Любашей, когда, почувствовав мучительные душевные борения Гошиной хозяйки, Любаша, сжалившись над ней, произносит: «Но если усыплять, то, конечно, сейчас лучше всего. Пока земля не окончательно промерзла, можно хотя бы похоронить его по-человечески».

С этого момента мысли мои беспорядочным аллюром устремились в новом направлении. Где взять заступ? Кого просить вырыть за бутылку или две могилу? Наконец, не лучше ли во избежание жуткой ситуации, когда пришлось бы до весны

хранить на балконе труп собаки, то и дело пугаясь оттепелей, начать не с усыпления, а с рытья могилы для еще живого пса? Я представила себе одинокие поминки, когда, заглушая голос нечистой совести своей, потерянная и больная, я буду пить водку на кухне, малодушно прикрывая траурным обрядом обнаружившуюся в этот момент простую и ясную истину, что я убила свою старую собаку, чтобы облегчить себе жизнь.

В одном еврейском анекдоте измученный своими бытовыми проблемами герой просит у священника совета. Тот ему рекомендует поселить в тесном доме корову, козу, тещу и племянников из Гомеля. Когда жизнь делается у героя совершенно невыносимой, он получает совет: вернуть поочередно всех приглашенных на старые места, и вскоре убеждается в исключительной мудрости священника. Так и я: дойдя в мыслях своих до одиноких поминок, почувствовала слабое веяние надежды при мысли, что, в конце-то концов, даже самые хорошие похороны не стоят укороченной ради них тоненькой ниточки жизни. «Будь что будет», — в который уже раз сказала я себе, перебросив в далекое и поэтому даже в некотором роде светлое будущее все заботы, связанные с похоронами и поминками.

Прощаясь с Любой, я лицемерно произношу: «Мне еще

надо подумать. Я не готова еще...»

* * *

Два дня мы с Гошей отсыпалась. Я лечу горло и нервы. Он — свои отеки. И спим.

Как Любаша и предполагала, малые дозы аспирина успокоили Гошу. Он спит и потихоньку восстанавливает силы. А я вспоминаю ее диагноз: воспаление суставов провоцирует отек мышечной ткани... Мне-то кажется, что мое большое горло так же отекло, как Гошина попка. Мы с ним — как сообщающиеся сосуды. Мое нелепое возбуждение подогрело и его невротическую реакцию. А все отчего? Сиюю птицу славы хотелось изловить по-легкому.

23.11.99 г.

Последняя

«Это очень старенькая собачка», — говорю я, кладя завернутого в простынку Гошу на смотровой стол ветеринара. «Я вижу», — отвечает совершенно молоденький парнишка. Склонившись над лежащим на боку псом, он долго пытается что-то разглядеть в Гошином глазу и наконец произносит: «Он что, слепой у вас?». «Да, — отвечаю я и успешно добавляю: — И глуховат несколько, вернее даже, совсем глухой».

Сколько раз, неся Гошу в большой хозяйственной сумке по длинной Харьковской улице

в ветеринарку, я мысленно готовила себя к тому, что обратный путь мне, быть может, предстоит совершать в одиночестве... Без Гоши. О разнообразных чумках, перенесенных им, я даже не хочу и говорить. Это — семечки. А вот его отравление, из которого мы выбирались несколько недель, не прошло незамеченным даже для моих коллег на кафедре, студентов и абитуриентов. Я тогда, борясь с интоксикацией, должна была постоянно вливать ему с помощью соски отвары и питательные растворы, а он с той же периодичностью их выплевывал. Поэтому я ходила на работу с большой сумкой, где, кроме собаки, страшной, как собачий труп, вытаявший по весне, и бутылок с отварами, были еще и тряпки и тряпочки для подтирок. Сначала я пыталась оставлять собаку вместе со всеми пожитками у себя под столом на кафедре, но когда однажды он завопил, пугая своим воем и видом коллег, я стала брать его на занятия. Нервы у моих учеников оказались более крепкими, и они лишь изумленно таращились, когда из-под моего стола являлся, чтобы размять конечности, шатающийся, с выпученными глазами на слепшей морде призрак собаки.

А потом была жуткая травма, полученная Гошей в один из его рискованных загулов!

Дело было в конце марта. Страна выбирала Ельцина и

Сахарова, Черниченко и Аверинцева с В. Ивановым в депутаты. Тюмень в состоянии крайней демократической истерии связывала последние надежды на возрождение свое с Павловым и Васильевым, а у Гоши была любовь. И обстоятельства ей не благоприятствовали. Как раз к моменту голосования я должна была уехать со студентами на преддипломную практику в Москву. Гошу взяла к себе моя приятельница, жившая в поселке Тарманы. Это было очень далеко от того места, где обитала Гошина подруга.

Конечно, если бы не выборная кампания, приятельница моя была бы поосторожнее и повнимательнее с хитрым, себе на уме псом. Она его недооценила. Он сбежал домой... и я до сих пор не могу себе представить, как он добрался до нашего дома, преодолевая не просто расстояние, разбуженную ранней весной Туру и опасные даже для человека автомобильные трассы (только из нашего подъезда за последние годы на этих самых двух трассах погибли двое: Гошин друг и мой сосед Петр Дмитрич и Алеша, совсем молодой человек, красивый и славный)... Одним словом, Гоша дошел до дома, но, вероятно, машина его все-таки сбила. Его долго лечили, а правое бедро собаки навсегда сохранило следы страшного ушиба, который не

зарастал не только шерстью, но и мышечными тканями. И когда стало ясно, что жить будем, мы с садистским удовольствием пугали прохожих жутким видом наших ран.

А потом был инфаркт, перенесенный им в марте 1995 года, когда пес внезапно исчез на несколько недель! Вот тогда решили, что старик ушел помирать.

Он вернулся домой, когда я его уже перестала искать и ждать. Худой и то ли слепой, то ли безумный, он, как мне рассказывали потом соседи, несколько раз проходил мимо нашего дома и подъезда, вероятно, не узнавая ни дома, ни подъезда. Кто-то открыл ему дверь парадной, где я, не поверившая в то, что он «прибежал» (после более двух-то недель отсутствия), его и встретила.

Я тогда все пыталась разглядеть в нем своего пса, но оставила бесполезные попытки до лучших времен. Врач в ветеринарке, взявшийся лечить Гошу, объяснил мне, что собака, скорее всего, если судить по его виду и состоянию, пролежала это время с инфарктом, не употребляя ни пищи, ни воды. И выжила, на удивление всем, кто ее знал.

А потом мы лечили его суставные недуги.

А потом — это уже шло с большим перебором — мой старей, все, казалось, испытанный

пес чуть не погиб в пасти гнусной и злой овчарки-кобеля.

Это было в конце лета три года назад. Вечером в сумерки мы: я, Гоша и Чарлик — пошли прогуляться. Гоша по обыкновению бежал без поводка впереди, по-хозяйски пометая свою территорию. В сумерках я не заметила бросившейся к нему овчарки. Я услышала вопль. Большая овчарка, схватив Гошу поперек туловища, трепала его, как иногда треплют такие псы старую мягкую игрушку, — зло и озорно, подбрасывая вверх и подхватывая вновь. Я не помню, как Гоша оказался в моих руках. Он был в крови. Он не переставая кричал. А я все пыталась, обнимая его руками и телом, успокоить и крик, и боль, и страх. Я не слышала возмущавшихся хозяевами овчарки соседей, я не видела бегавшей вокруг нас кругами овчарки и лишь позднее узнала о героическом поведении в этот момент нашего Чарли, который бесстрашно прикрывал нас с Гошей, пока овчарку не поймали ее хозяева и не увели.

Гоша выжил и на этот раз, хотя, учитывая его возраст и опасный для жизни характер полученных им травм, на это трудно было рассчитывать. Он выжил, но больше я его без поводка не выводила, опасаясь, что при очередной нежелательной встрече и стычке просто не успею подоспеть вовремя. Ну

вот, сначала этот поводок сдерживал Гошин темперамент, потом он стал для него чем-то вроде трости для старика: и опорой, и глазами, и, главное, гарантией возвращения домой.

Сколько раз в кабинете ветврача угрюмо ожидала я бесстрастно звучащего приговора... И ни разу! Ни разу за все эти годы не услышала его! Было другое: опущенный взор и бесцветно звучащий вопрос: «Лечить будете?»...

Воспитанная во мне, как и в большинстве советских людей, постоянная готовность ко встрече с хамством каждый раз подстегивала меня изнутри, не позволяя расслабиться и забыть, что если с людьми у нас не церемонятся, то чего ожидать, когда речь идет о беспородном, плюгавом, старом кобеле! О, нет! Длинная моя Харьковская улица! Я никогда не возвращалась одна, и я всегда возвращалась с надеждой на жизнь и с верой в людей. Так произошло и в этот последний раз. А через сутки Гоши не стало.

И только когда его маленькое истрадавшееся тельце было похоронено, я поняла, как сильно люблю его и кем стал он для меня за эти семнадцать лет, он, для стольких стариков и старух нашего района бывший примером жизнестояния! «Жив этот, маленький-то! Бегаёт, коптит!» — говорили они о нем, а думали и о себе.

...«Знали бы вы, какой это героический пес был!» — говорю я мальчику-ветеринару, посулившему моему умирающему псу сутки жизни, а может быть, и неделю, но, возможно, и месяц или даже год! «Почему был?» — одергивает меня мальчик-ветеринар. «Ну, — суетливо оправдываюсь я. — В молодости был...». «Он есть! — произносит мальчик, поднимая вверх указательный палец. — Он героически борется за жизнь».

А через сутки Гоши не стало. Так кончилась последняя осень моего Гоши. И сейчас, когда я пишу эти строки, я не могу не признать, что последняя осень эта оказалась не очень длинной, но тяжелой и мучительной. Я так и не успела вспомнить про всех замечательных собак и котов, и людей, которые заслуживают памяти и доброго слова. Может быть, когда-нибудь я снова за-

хочу сесть за машинку, чтобы написать о Великой Фанте, о Загадочной Веге, о Пальме, Юлке, о кончине Шарика, не пережившего последний Найдин загул, о кризисе собачей семьи, удачно завершившемся очередной сплоченностью рядов вокруг заневестившейся Найды. Я когда-нибудь напишу о коте Иннокентии, которого уважал и опекал в течение четырех лет весь наш подъезд и жильцы соседних домов, о хитроумном, как Одиссей, Кузе, о Джоне, Бульке, Одноухом, Куцем, о Нике, о красавице Лоре мужской породы «боксер»... Может быть... Когда-нибудь... А здесь Гошина смерть — последняя точка. Я с самого начала это знала. И мне остается лишь написать последнюю фразу, которая пришла мне на ум, когда все кончилось. «Горек осадок на дне твоих бокалов, жизнь!».

26.11.99—26.03.2000

Книжный проспект

Черкашин П.Р. Анастасия: Рассказы. — Тюмень, Тюменский издательский дом, 1999. — 174 с.

«Тянет Родина» (С. 21); «готовят в котелке немудрящую похлебку» (С. 23); «тело Толи первым взбуравливает, взрывает брызгами спокойную гладь речки» (С. 23); «мимо братьев равнодушно, полностью в своих думах прошли первые четверо лошадей» (С. 24). Это только из одного небольшого кусочка, как говорится в аннотации, «художественной прозы» Павла Черкашина.

И когда на очередной странице встречаешь уже знакомую фразу «взрывая ровную гладь фонтаном сверкающих брызг» (С. 28), уже не ставишь перед собой вопрос: «Куда из книжки девались вторые четверо лошадей»? Понимаешь, что в так называемых рассказах мало что есть от этого жанра. Как вряд ли можно считать языковой находкой «жуков-древоточцев», «закоптелую трубу» и т.д.

Здесь можно было бы поставить точку. К чему брать на себя роль литературного полицейского. Разве мало сейчас

графоманов, которым хочется видеть себя напечатанными? И лучше за казенные деньги. Да и издательство, в котором работает автор этих строк, брошюрует массу текстов, которым лучше бы сгореть в печи на даче у нашей машинистки Натальи. Казалось, вот и весь разговор.

Если бы не одно но

Сборник П. Черкашина продают не упакованным в целлофан. Хотя, наверное, следовало бы:

«Сашка взял Манькину руку... и стремительно приложил к своему «крепышу».

— Ишь ты, стручок какой! Даже не думала! ...Значит, пирожка моего хочешь?» (С. 68).

«— Ты не гляди, что грязная да оборванная, она в сто раз чище всех наших городских потаскушек, с которыми без резинки не перепихнешься. У нее ведь никого, кроме мужа, не было

— Я ее трахну! Как миленькую! В обе дырочки!» (С. 81).

«— Гляди сюда! Сейчас всажу по рукоятку.

— У меня шляпа не хуже твоей» (С. 84).

«Моя неожиданная врачевательница полностью откинула

одеяло и склонилась над моей обессиленно опустившейся плотью. Легонько подула на нее и мягко поцеловала» (С.120).

Вряд ли можно вести разговор о смелости автора. Настоящий писатель знает, что всяческий интим — это дело двоих. И даже приключение шестнадцатилетнего мальчика (см. цитату со С.120) вряд ли можно назвать опытом первой любви. То, насколько часто герои то и дело меряются своими физическими достоинствами, скорее говорит о закомплексованности автора, а отнюдь не о тенденции, которую прорисовал Евг. Евтушенко в «Ритмах Рима»:

«Восемнадцатый век. — Буду ждать хоть вечность!

Девятнадцатый век. — Буду ждать хоть сто лет!

Двадцатый век. — Что ты все крутишь да вертишь? Вот уже два дня хожу, а результата все нет!».

При чтении такой прозы, обзываемой художественной, вспоминается Арцыбашев, который считался самым крупным порнографическим писателем начала XX века. В «Санине» некто мужского пола

попробовал несколько раз на протяжении романа коснуться женской коленки. И читатель готов был встать на защиту нравственности. А уж ярлык «порнография» приклеился к Арцыбашеву на веки вечные.

Конечно, многие могут возразить. Мол, прекрасный пример, который хорошо иллюстрирует, как меняется со временем значение слова.

Да, история с Арцыбашевым сегодня выглядит неубедительно. Сейчас строчки, на которые «тяжелые капли брызнули» (С. 120), посвящают Родине и землякам (С. 3), с благодарностью некоему Сергею Евгеньевичу Корепанову (С. 173), помогающему деньгами в пропаганде порнухи.

Тоскую по «Санину». Тексту, в котором даже нечаянное касание в лифте лица противоположного пола выглядело бы если не сексуальным домогательством, то во всяком случае элементом порнографии.

В любом значении этого слова. Ибо было такое время, когда о скверном тексте говорили просто: «Порнуха». И все понимали — плохо.

Владимир Алексеевич Ефремов родился 8 декабря 1947 г. в Тюмени. Окончил истфак госуниверситета. Работал в школе, органах милиции. Печатался в журналах «Уральский следопыт», «Сельская молодежь», Ежегоднике Тюменского областного краеведческого музея, газетах «Вечерний Омск», «Тюменская правда», «Советское Зауралье» (Заводоуковск) и др. Интересы — краеведение, в частности, XVIII век. Известен как автор блистательных книг «Ямские колокольчики Тюмени и Шадринска» и «Тобольское серебряное дело в XVII–XIX веках» (Ювелирное искусство в Тобольске. — М.: Галарт, 1997. С. 10–41.)

Большая часть документов публикуется впервые. Автор на протяжении 1980—1986 гг. прочел десятки тысяч документов, которые в то время были не обработаны и хранились в архиве Тюмени россыпью. К 400-летию города большая часть предлагаемых документов была систематизирована и зафондирована. На основе собранных документов автором была написана статья «Тюменские литейных дел мастера Колокольниковы», опубликованная в Ежегоднике Тюменского областного краеведческого музея 1995 года.

Материалы для истории оружейного производства в Тобольской губернии XVIII столетия

Отписка тюменского воеводы О.Я. Тухачевского тобольским воеводе и стольнику М.Я. и А.М. Черкасским об отправке оружейного мастера М. Пиленка в Тобольск

9 июня 1701 г.

Господам князю Михайло Яковлевичу князю Петру Михайловичу Осип Тухачевской челом бьет. В нынешнем 1701 году мая в 27 день по указу великого государя и по вашей господа отписке, велено оружейного дела мастеру Микишке Пиленку с товарищи под них и под жен их дав суда с припас и подвод на чем им мочно поднятца отпустить в Тобольск. И по указу великого государя и по той вашей господа отписке вышеписанному оружейного дела мастеру Микишке Пиленкову с товарищи, под них и под жен их, дано судно с припас, да осми человек гребцов,

да кормщик. И отпущены они с Тюмени в Тоболеск июня в 9 день нынешняго 1701 года.

Такова ж белая отписка послана оружейного дела с мастером Микишкою Пиленком июня в 9 день нынешняго ж 1701 года. Микишка Пиленок такову отписку принял по его велению площадной подбечей Петрушка Калачин росписался.
ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3556 б. Л. 1.

**Отписка тобольского воеводы М.Я. Черкасского
тюменскому воеводе О.Я. Тухачевскому
о возврате бежавшего пушечного мастера А. Колокольникова
в Каменский завод**

Ноябрь 1701 г.

Господину Осипу Яковлевичу Михайло Черкасской челом бьет. В нынешнем 1701 году ноября в 10 день писал ты ко мне в Тоболеск и прислал с тюменским ямщиком с Васкою Шаховым отписку с Верхотурья от стольника и воеводы Кузмы Козлова, и та отписка в Тоболску в приказной полате у него Васки принята и он Васка ис Тоболска на Тюмень отпущен вышеписанного ж числа. Да в нынешнем же 1701 году писал ко мне в Тоболеск с Каменских железных заводов прикащик Иван Астраханцев, пушечного де дела мастер Андреян Колокольников уехал з заводов своим самовольством, и тебе б ево Андреяна велеть сыскав выслать Тобольского уезда на Каменские железные заводы того ж часу безсрочно немолчав нималого времени, а что он зделал так уехал своим самовольством, и о том ему указ будет впреж. А с Васкою Шаховым послана отписка на Верхотурье, и тебе б ево приняв послать в Туринск немолчав, а в Туринске к воеводе писать чтоб он тое отписку на Верхотурье послал также без молчания.

1701 г. ноября в 18 день подал
ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3556 б. Л. 2.

**Челобитье Ивана Астраханцева тюменскому воеводе
О.Я. Тухачевскому о сыске бежавшего из Каменской слободы
тюменского сына боярского Андреяна Колокольникова**

1701 г.

Великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя России самодержца стольнику и воеводе Осипу Яковлевичу Иван Астраханцев челом бьет. В нынешнем 1701 году прислан был в Каменскую слободу для дела

пушешных и мозжарных болванов тюменской сын боярской Андреян Колокольников, и из Каменской слободы своим самовольством незделав пушешных и мозжарных болванов и невзлив пушеку бежал. И ноября в 20 день приехал из Тобольска в Каменскую слободу тобольской пятисотной Борис Егор а с ними укозная память, велено о взятии пушки, и к тем пушкам ядра и мозжары вылить безмолчания, а болваны делать пушешные и мозжарные Андреяну Колокольникову, и для сыску ево Андреяна Колокольникова посланы из Каменской слободы молотовой работник Савка Гаралимов, и о высылке Андреяна Колокольникова в Каменскую слободу для дела болванов и литья пушек, и ядер, и мозжар, учинить по указу великого государя.
Ф. 47. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

**Из платежной книги налогов
кузнечного дела г. Тюмени**

1701 г.

Пеших казаков на атамане Иване Михайлове с кузницы оброку пять алтын, да на нем же Иване с детьми по переписной книге Ивана Качанова, с промыслов вновь оброку четыре рубли, двадцать восемь алтын, две деньги, что он Иван с детьми льет колокола и продает, и старые разбитые переливает, и с того емлет себе наем, и делает на продажу медную всякую мелочь и оловеную всякую посуду.
Ф. 47. Оп. 1. Д. 2606а. Л. 9 об.

**Отписка тобольского воеводы М.Я. Черкасского
тюменскому воеводе О.Я. Тухачевскому
о посылке пушечного мастера Е. Колокольникова
в Каменский завод**

9 января 1702 г.

Господину Осипу Яковлевичу Михайло Черкасской челом бьет. В нынешнем 1702 году по указу великого государя велено на Тобольских железных заводах у пушечного дела быть в мочь у Андреяна Колокольникова в работе брату ево которой пушечному мастерству умеет, или иному кому кто тому делу искусен. И тебе б на Тюмени брата ево Андреянова, или иного кто тому делу умеет, велеть сыскать и выслать дав подводу на Тобольские железные заводы немолчав нималого времени, и которого числа и кто именем выслан будет, о том ко мне писать.

По указу великого государя от Тюмени Тобольского уезда по Пышминским и по Исецким слободам до Каменских железных

заводов и назад до Тюмени по ямам ямщикам, а где ямов нет всем людям безомены ктонибудь, давали пушечного дела мастеру тюменскому сыну боярскому Елизару Колокольникову подводу с санми и с проводником везде незадержав ничасу. Послан он Елизар с Тюмени на вышеписанные Каменские железные заводы по тобольской отписке ближнего боярина и воеводы князя Михайла Яковлевича Черкасского к пушечному делу в помогу к брату ево Елизарову, к Андреяну Колокольникову. Наскоре к сей подорожной великого государя печать земли Сибирские города Тюмени, стольник и воевода Осип Яковлевич Тухачевской, приложил лета от рождества господа бога Христа 1702 января в 9 день.

ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 35566. Л. 3—4.

**Подорожная, выданная тюменским воеводой
О.Я. Тухачевским тобольскому конному казаку
Д. Селиванову, для доставки
тюменских пушечного дела мастеров
А. и Е. Колокольниковых в Каменский завод**

23 июня 1702 г.

По указу великого государя, от Тюмени до Тобольского уезда по острогам и слободам до Каменских железных заводов по ямам ямщиков, а где ямов нет всем людям безомены чей хтонибудь, чтоб давали тобольскому конному казаку Данилу Селиванову подводу верхи с седлом и с проводником везде незадержав ни часу. Послан он Данило ис Тобольска по Указу великого государя и по отписке боярина и воеводы князя Михайла Яковлевича Черкасского с тюменскими детьми боярскими пушечного дела с мастерами с Анреянном, да с Елизаром Колокольниковыми на Каменские железные заводы. К сей подорожной великого государя печать земли Сибирские города Тюмени, стольник и воевода Осип Яковлевич Тухачевской, приложил лета 1702 июня в 23 день.

Ф. 47. Оп. 1. Д. 3556. Л. 6.

**Подорожная, выданная тюменским воеводой
О.Я. Тухачевским тюменским пушечного дела мастерам
Андреяну, Елизару и Саве Колокольниковым, для проезда
в Каменский завод и обратно в Тюмень.**

23 июня 1702 г.

По указу великого государя, от Тюмени до Тобольского уезда по острогам и слободам до Каменских железных заводов и назад

до Тюмени по ямам ямщиков, а где ямов нет вели людям безомены чей хто нибудь, чтоб давали тюменским детям боярским пушечного дела мастерам Андреяну да Елизару, да брату их неверстанному Саве Колокольниковым, под них и под пушечные образцы, шесть подвод верхи с седлы и с проводники везде незадерживая ничасу. Посланы они с Тюмени по указу великого государя, и по тобольской отписке ближнего боярина и воеводы князя Михайла Яковлевича Черкасского, на Каменские железные заводы для дела пушечных болванов. Наскоро к сей подорожной великого государя печать земли Сибирские города Тюмени, стольник и воевода Осип Яковлевич Тухачевской, приложил лета 1702 июня 23 дня.

ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3556. Л. 6 об.

**Подорожная от Тюмени до Каменского завода,
выданная Е.И. Колокольникову**

29 июля 1703 г.

По указу великого государя от Тюмени по Пышминским и по Исецким слободам до Каменских железных заводов по ямам ямщикам, а где ямов нет всем людям безомены чей кто нибудь, чтоб давали тюменскому сыну боярскому Елизару Иванову сыну Колокольникову под него и под жену ево, и под снох, под Андреянову да под Савину жен и детей Колокольниковых десять подвод с телеги и с проводники. Посланы они с Тюмени на вышписанные Каменские железные заводы по указу великого государя и по тобольской отписке ближних боярина и воеводы князя Михайла Яковлевича, да стольника Алексея Михайловича Черкасских. Наскоро к сей подорожной великого государя печать земли Сибирские города Тюмени, стольник и воевода Осип Яковлевич Тухачевской, приложил лета 1703 июля в 29 день.

ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3555а. Л. 5.

**Поручная запись тюменского сына боярского В.Т. Некрасова
и пятидесятника пеших казаков В.И. Колокольникова,
данная за Д.С. Колокольникову**

29 июля 1703 года

1703 год июля в 29 день тюменские сын боярский Василей Тимофеев сын Некрасов, пеших казаков пятидесятник Василей Иванов сын Колокольников поручились мы на Тюмени в приказной избе тюменского сына боярского Андреяна Иванова сына Колокольникова по жене ево Дарье Семенове дочери в том, что велено по тобольской отписке ее Дарью выслать к мужу ея

Андреяну на Каменские железные заводы, а ныне она Дарья волею божью скорбит и как она Дарья оздоровеет, стать ей Дарье за нашу порукою на Каменские железные заводы к мужу своему Андреяну, а буде она Дарья за нашу порукою к мужу своему нестанет и на нас поручтиках великого государя пеня, а пени, что великий государь укажет, в том мы поручтики сию на себя и поручную запись дали. А поручную запись писал крепостных дел подъячей Лука Козмин.

ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3555а. Л. 6—6 об.

**Отписка тюменского воеводы О.Я. Тукачевского
приказчику Троицкого городка о посылке на Каменские
заводы жен и детей пушечных мастеров
Е.И. и А.И. Колокольниковых**

29 июля 1703 г.

Лета 1703 июля в 29 день по указу великого государя в Троицкий городок прикащику Христофору Яковлевичу. В нынешнем 1703 году июля в 20 день в отписке ис Тоболска ближних боярина и воеводы князя Михайла Яковлевича, да стольника князя Алексея Михайловича Черкасских на Тюмень велено; тюменских детей боярских Елизарова, да Андреянова, да Савину жен и детей Колокольниковых на Тюмени сыскать и отдать посланному ис Тоболска пешему казаку Федору Яркову, и выслать их с Тюмени на Каменские заводы на ямских подводах. И потому вышеписанному указу великого государя тюменских Елизарова и Савину жен и детей Колокольниковых на Тюмени сысканы и отданы вышеписанному тобольскому пешему казаку Федору Яркову, и высланы они с Тюмени к тебе в Троицкой городок на Каменские заводы на ямских подводах июля в 30 день нынешнего ж 1703 года, а Андреянова жена Колокольникова з детьми и ныне невыслана за скорбью, а как оздоровеет и она выслана будет с Тюмени к тебе в Троицкой городок на Каменские заводы незамолчав.

ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3555а. Л. 7—7 об.

**Выписка из окладной книги об исключении из оброка
тюменских кузнецов, взятых
на Тобольский оружейный двор и Каменские заводы**

1704 г.

На Иване Елфимове сыне Пьянкове с кузнецы оброку по старому окладу полтина. А в нынешнем 1704 году по указу вели-

кого государя августа в 19 день по тобольской отписке ближнего боярина и воеводы князя Михайла Яковлевича да стольника князя Алексея Михайловича Черкасских с него Ивана тех оброчных денег полтины иметь невелено, а велено из окладу выложить и впредь неимать для того, что он Иван взят в Тоболеск к ружейному делу и делает ружье на великого государя.

На казачьем сыне Микифоре Иванове сыне Ляпина с кузниц оброку по старому окладу полтина с него Микифора тех оброчных денег полтины иметь не велено из окладу выложить и впредь неимать для того, что он Микифор взят в Тоболеск к ружейному делу и делает ружье на великого государя.

На посацком человеке Даниле Ильине сыне Пульевских кузниц оброку по старому окладу полтина с него Данила тех оброчных денег полтины иметь невелено, а велено из окладу выложить и впредь неимать для того, что он Данило взят в Тоболеск к бронному делу и делает ружье на великого государя.

Пеших казаков на атомане Иване Михайлове с кузницы оброку по старому окладу с прибавкою Ивана Качанова пять рублей с его Ивановой кузницы тех оброчных денег пяти рублей до указа великого государя иметь невелено пока дети ево Ивановы будут на Каменских заводах у пушечного литья.

На ямшике Михайле Матвееве сыне Плеханове с кузниц оброку по старому окладу и с прибавного Ивана Качанова полтина с него Михайла тех оброчных денег полтины иметь невелено, а велено из окладу выложить и впредь неимать для того, что он Михайло взят в Тоболеск к ружейному делу и делает ружье на великого государя.

ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 839. Л. 12—15 об.

Из окладной книги г. Тюмени 1712 года

1712 г.

Елизар Иванов сын Колокольников и на нынешней 1712 год декабре в день жалованье ему великого государя из московской присылки товаров: кумач цена рубль, чет косяка пестриды цена рубль, поларшина сукна цена десять алтынов, два пуда соли цена десять алтын, дано Елизару. Товар и соль взял и росписался. Того ж числа, ему ж деньгами ис тюменских доходов две гривны. Елизар деньги взял и росписался. Ему ж вершок сукна цена два алтына с полуденьгою, три чет китайки цена два алтына конторы деньги, ему ж в Тобольскую издержку деньгами и збору ямских и драгунских семь гривен. Росписался он Елизар своею рукою. Ему ж два алтына две деньги, ему ж вместо соли деньгами из соля-

ной продажи двадцать пять алтын. Росписался он Елизар своею рукою. Ему ж по росписке Ивана Котельникова в вздершку два алтына 2 деньги.

ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3393. Л. 40.

**Приказ губернатора Сибири князя М.П. Гагарина
тюменскому коменданту Эверлакову
об оказании помощи тобольскому коменданту Д.А. Траурнахту
в организации военного похода подполковника Бухольца**

1 января 1715 г.

1715 года генваря в 1 день по указу великого государя на Тюмень каменданту господину Эверлакову. По рассмотрению губернатора князя Матвея Петровича Гагарина; велено быть в Тобольску камендантом Дорофею Афанасьеву сыну Траурнихту и велено ему отправить подполковника господина Букалта, и ежели какие указы присланы будут от него Дорофея ко отправлению Букалта, и по тем указам все отправлять в скорости, таже естьли присланы будут указы с канцелярии правительствующего Сената или с двора его царского величества о отправлении его подполковника господина Букалта, или о отправлении, и ином каком и явит хто в тех указах, то все чинить каждому против тех указов, таже и о них губернских делах есть ли по таким указам хто писан будет, то по тем указам быть послушным, и отправлять все по тем указам без всякой противности. У сего приписано рукою губернатора князя Матвея Петровича Гагарина.

(подпись)

1715 февраля в 8 день подал Тобольской пешей казак Егор Овдокимов

Справил Денис Протопопов.

ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1889 а. Л. 20.

**Приказ губернатора Сибири князя М.П. Гагарина
тюменскому коменданту Эверлакову о литье пушек
в Тюмени мастерами Колокольниковыми**

1 января 1715 г.

По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя России самодержца и по приказу губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина на Тюмень коменданту господину Эверланову.

Велено на Тюмени пушечным мастерам Елизару Колокольникову с братьями вылить медных пудов два марта, двенадцати

тифунтовых две, осьмифунтовых две, стафунтовых две, трехфунтовых шесть пушек и для вышеозначенного литья послать из Тобольска на Тюмень артиллерии поручика Ивана Коландера. И по получении сего указа, как он Иван на Тюмень прибудет, о литье пушек и о присылке в Тобольск, учинить по вышеуказанному указу.

Дорофей Траурнихт

ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3165. Л. 88.

**Приказ губернатора Сибири князя М.П. Гагарина
тюменскому коменданту Эверлакову
об оказании помощи иноземцу Каландеру в заготовке припасов,
необходимых для военного похода**

1 января 1715 г.

1715 январь в 1 день по указу великого государя и по приказу губернатора князя Матвея Петровича Гагарина на Тюмень коменданту господину Эверланову.

Послан из Тобольска поручик иноземец Иван Каландер для управления полковых припасов, и ежели какие припасы ему понадобятся, и тебе б по получении сего указа, вышеуказанные припасы что ему понадобится отправлять беззадержания.

У сего приписано рукою губернатора князем Матвеем Петровичем Гагариным.

ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3165. Л. 89.

**Приказ губернатора Сибири М.П. Гагарина
тюменскому коменданту Б.В. Эверлакову
о поставке кирпича из Спасского монастыря**

Январь 1715 г.

По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя России самодержца и по приказу губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина на Тюмень коменданту Борису Васильевичу Эверлакову. Велено для литья пушек на дело печи принять Спасского монастыря у келаря кирпича три тысячи, а вместо того кирпича отдать в тот монастырь двадцать сажень дров. И по получении сего указа о приеме того кирпича и об отдаче дров учинить по указу великого государя.

Дорофей Траурнихт

1715 года января в день.

ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3556 а. Л. 1.

**Отписка тюменского коменданта Д.Б. Зубова
сибирскому губернатору М.П. Гагарину
о посылке в Тобольск мастеров,
необходимых к изготовлению припасов
для экспедиции Бухольца**

Март 1715 г.

Великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя России самодержца губернатору князю Матвею Петровичу Дмитрий Зубов челом бьет. В нынешнем 1715 году февраля в день в указе великого государя писано ис Тоболска ко мне на Тюмень, велено с Тюмени выслать в Тоболск дляковки всяких военных железных припасов кузнецов с кузнычными снастями по именам з детьми всего пятьдесят двух человек, а кого имяны выслать тому под тем великого государя указом роспись, да столарей двадцать, токарей пятнатцать, плотников тритцать, колесных мастеров дватцать человек искусных с товары и со всякими припасы немедленно. И против присланной ис Тоболска росписи по сравке на Тюмени в приказной избе написано в той росписи в вышеписанном числе два человека дважды, да из них же кузнецов восемь человек в Ратманов и Полозова, и в нынешнем наборах взяты в салдаты, семь человек бежало, три человека на осмотре явились малолетны по осми и по двенатцати лет, одного человека именем и прозванием на Тюмени такого нет, да по осмотру ж один человек болен, другой без ноги, третий стар и кузнечной работы робит неможет, да два по подписанием руки твоего сиятельства свободжены от кузнечной работы, для того что кузнечной снасти у них нет, да по указу великого государя за подписанием руки твоего сиятельства отдано преосвященному архиерею схимонаху Феодору семь человек, да по доношению пушечного литья мастера Елизара Колокольникова отдано к тому делу двенатцать человек, всего сорок пять человек, а затем в оставке тех кузнецов восемь человек. А плотников сыскано на Тюмени дватцать девять, да токарей одинатцать человек, и не того числа по вышеписанному ж великого государя указу за подписанием руки твоего сиятельства, отдано в монастырь архиерею схимонаху Феодору плотников семнатцать, к пушечному делу двенатцать, и того дватцать девять человек, да токарей шесть человек. А колесников сыскано восемь человек. А свыше того плотников и столарей и колесников на Тюмени нет, и о том у вышеписанных плотников и токарей и колесников взяты скаски под смертною казнию. И того за вышеписанною отдачею кузнецов и токарей и колесников к посылке в Тоболеск шестнатцать человек,

в том числе написаны в кузнецы и колесники ис тюменских ямских охотников четыре человека, и в нынешнем 1715 году марта в день великому государю били челом, а на Тюмени в приказной избе тюменских охотников староста з десятники, и все ямщики подали мне за рукою челобитную дабы из них ямщиков в кузнецы и в колесники в Тоболеск для их раззорения четырех человек не посылать потому, что де у них подводной гонбы против прежняго умножилось и они де оскудели и детей своих закладывают, да ныне присланному с Москвы ис канцелярии Сибирской губернии великого государя указу правят на них по два рубли з двора и в тех де деньгах стоят они на правеже, и великий государь пожаловал бы их, повелел ту их челобитную на Тюмени в приказной избе принять и под сею отпискою послал в Тоболеск. И ту челобитную у старосты ямского с товарищи я принял и послал под сею отпискою в Тоболеск к тебе губернатору князю Матвею Петровичу с выборным их челобитчиком с Иваном Пятковым марта 13 дня сего ж 1715 года. А кроме вышеписанных ямщиков которые остались от отдачи разных чинов, кузнецов и токарей и колесников четырнатцать человек послал я в Тоболеск, кузнецов с кузничною снастию, а плотников и колесников с товары и со всеми их припасы с тюменским пешим казаком Гаврилой Шелоховым, а кто имяны кузнецы и колесники, то при сей отписке роспись, а вышеписанных взятых из ямщиков кузнецов и колесников четырех человек с Тюмени в Тоболеск выслать ли о том губернатор князь Матвей Петрович, что укажешь.

ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3556 б. Л. 5—6.

**Приказ губернатора Сибири М.П. Гагарина
тюменскому коменданту Д.Б. Зубову
о поставке в Тобольск станков**

7 мая 1715 г.

По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя России самодержца и по приказу губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина на Тюмень каменданту Дмитрию Борисовичу Зубову. В прошлом 1701 году по указу великого государя велено тюменским крестьянам к ружейному делу поставить станков пятнатцать тысяч в то число поставили пять тысяч восьмсот пять, а затем донять девять тысяч девятсот тритцать станков, а те станки всеко-нечно надобно к военному походу. И по получении сего указа велеть доимочных станков тюменским крестьянам поставить треть доимки безовсякого отлагательства и остановки, а достачные ве-

леть изготовить неотложно, чтоб военному походу за станками остановки неучинилось.

Иван Бибиков. Дорофей Траурнихт.

1715 года майя в 7 день.
ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3556 а. Л. 3.

**Отписка тюменского коменданта Д.Б. Зубова
сибирскому губернатору М.П. Гагарину
о наличии в Тюмени мастеров,
необходимых для нужд экспедиции Бухольца**

1715 г.

Великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всяя великия и малыя и белыя России самодержца губернатору князю Матвею Петровичу Дмитрий Зубов челом бьет. В нынешнем 1715 году майя 12 дня в указе великого государя писано ис Тоболска ко мне на Тюмень, велено с Тюмени кузнецов которые живут без дела, кроме тех которые отданы преосвященному схимонаху Феодору к пушечному литью, по поданной росписи какову подали присланные с Тюмени кузнецы Осип Ляпин с товарищи выслать в Тоболск в скорых числах. По указыванью тюменского кузнеца Фадея Друганова а по справке на Тюмени в приказной избе с присланной из с Тоболска росписи написаны в высылку кузнецов дватцать семь человек, в том числе написаны десять человек которые с начала как почали на Тюмени лить пушки отданы к тому пушечному литью, да два человека Максим Зеленоской, Логин Карачелцов написаны по дважды, один человек Василей Санапальников в генваре месяце сего ж 1715 году бежал, и о тех вышеобъявленных кузнецах которые у пушечного литья, и которые бежали, наперед сего я писал дважды и имяные росписи посланы кто у пушечного литья и бежали имяни их, да в той же присланной росписи написано в кузнецы ж из ямщиков пять человек, и о тех ямщиках наперед сего я писал же, что стоят на правеже в государевых двурублевых денгах которые велено доправа с них ямщиков, послал к Москве в скорости и ныне вышеписанных ямщиков, которые написаны в кузнецы, те государевы деньги доправлены, да не все, а те ямщики люди одинокия и тех денег доправить будет некого и в посылке тех денег к Москве будет остановка, а кроме тех которые у пушечного дела и бежали в посылку на Тюмени и Тюменском уезде явилось кузнецов и с ямщиками и которые сверх росписи сысканы человек, да токарей человек и те кузнецы и токари посланы с Тюмени в Тоболск с провожатым тюменским сыном боярским с Андреем Никитиным июня дня сего ж 1715 году, а у преосвященного архиерея схи-

наха Феодора кузнецов никого нет, а посланы все в Тоболеск наперед сего, да до того присланного великого государя указа и росписи бежало кузнецов три человека, один человек Иван Куниловской написал он в присланной росписи в кузнецы а ныне по очереди послан к Ямышу озеру по соль потому, что переменить нечем, служилые люди вышли все в посылу, один человек пятидесятник Елисей Елкин приему государевой соли с тюменским дворянином Григорьем Лежанкиным, один человек Василей Денисов Раздетов послан к Ямышу озеру по очереди в барабанщиках, а кто имяны написаны в присланное ис Тоболска росписи, а которые у пушечного литья и бежали и которые ныне в Тоболеск посланы тому при сей отписке роспись.

Роспись кузнецов и токарей у пушечного дела. Максим Никитин сын Зеленовской, Иван Ананьин Волских, Иван Петров сын Кузнецов, Логин Семенов сын Караченцов, Иван Иванов сын Тверитинов, Дмитрий Иванов сын Тверитинов, Ерасим Елфимов сын Кузнецов, Семен Иванов сын Мельников, Иван Иванов сын Хорошев, Дмитрий Афанасьев Парфенов.

Токари

Федор Елисеев, Павел Соколов, Козма Букин, Артемий Казаков, Семен Пискулин, Карнило Тараканов.

Кузнецы бежали

Василей Семенов Санапольников, Василей Семенов Берестов, Якова Алексеева Тыркова зять.

В Тоболеск посланы*

ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3556 б. Л. 7—8 об.

**Приказ губернатора Сибири М.П. Гагарина
тюменскому коменданту Д.Б. Зубову
о поставке дров на обжиг к кирпичным сараям**

Октябрь 1715 г.

По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя России самодержца и по приказу губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина на Тюмень каменданту Дмитрию Борисовичу Зубову. В нынешнем 1715 году октября в 19 день в письме преосвященного архиеерея схимонаха Феодора написано за его рукою. По указу великого государя деланы на Тюмени пушки сего ж лета, а на печи брано кирпичу с монастыря церковного тысяч с пять и больше, и чтоб за тот кирпич в монастырь велеть тюменским крестьянам привить к сараям на обжиг кирпича тритцать сажен дров, а в отписке твоей

* Данные отсутствуют.

с Тюмени о взятии того кирпича в Тоболеск неписано. И по получении сего указа велел справиться такой кирпич из монастыря к пушечному литью взят ли, и справесь о том против вышеозначенного архиерейского письма обжигальных дров тридцать сажен тюменским крестьянам к кирпичным сараям велеть привести без замедления, и о том в Тоболеск губернатору Сибири князю Матвею Петровичу Гагарину писать.

Дорофей Траурникт

1715 октябрь
ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3556 и. Л. 4.

ПАМЯТНИКИ СИБИРСКОЙ ИСТОРИИ XVIII ВЕКА

**Из ведомости о количестве денег,
военных и продовольственных проносов,
принятых для похода Бухольца**

Фузей московской присылки 2000. Палатей 2000, по цене на 3300 рублей. За дело 1000 эфесов и крючков к палашам 120 рублей. Тобольских нового дела 495 фузей, по цене 742 рубли 16 алтын 4 деньги.

Пушек медных: старого литья 5, да вновь вылиты две шесть-футовых, шесть 3-футовых. Мартир пудовой 14, мартир 6-фунтовых, ценою кроме старых, 32,8 рублей 11 алтын 4 деньги.
Кн. 2. 1713–1724. СПб. 1885. С. 131.

**Из указа Сибирской губернской канцелярии
о предоставлении списков и сведений о купечестве**

1717 г.
Колокольного дела.
Атаман Федор Колокольников
Атаман сын Сава Колокольников.
ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3843. Л. 5.

**Приказ губернатора Сибири князя М.П. Гагарина
тюменскому коменданту Воронежскому
о сыне беглых мастеров**

Июль 1717 г.
По указу великого государя царя по приказу губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина на Тюмень коменданту полковнику господину Воронежскому да комиссару Семену Прасолову велено тобольских оружейных и станочных мастеров, которые съехали из Тобольска и живут на Тюмени: Дмитрия

Парфенова, Петра Козлова, казачья сына Василия Копытова в Тюменском уезде в деревне Дубровной Козьму да Прокофья Леонтьевых из деревни Гусельниковой, Алексея Щербакова выслать в Тобольск. И как вы сей указ получите и вы б о высылке вышеписанных ружейных мастеров Дмитрия Парфенова с товарищи в Тобольск учинили по сему указу, а которого числа высланы будут и о том в Тобольск князю Матвею Петровичу Гагарину писать. К сему для верности губернатор Сибири князь Матвей Петровича Гагарин приписался своей рукой.

1717 года июля в 9 день подал пушкарский голова Матвей Петров записав в книгу для сыску саночных мастеров послать нарочно служилого человека.

Господину Федоту Алексеевичу Иван Воронецкий Семен Прасолов челом бьют. В нынешнем 1717 году апреля в 9 день в указе великого государя из канцелярии правительствующего сената к губернатору Сибири князю Матвею Петровичу Гагарину писано: сначала де санктпетербургского гарнизона Чемесова от Белазерского полков Сибирского набору сбежало солдат двести восемьдесят четыре человека и бежав де живут ныне в Сибирской губернии, а для сыску оных беглых солдат прислан из Санкт-Петербурга офицер Петр Топорков с солдатами, а по ведомости из Тюмени из тех беглых солдат тюменский бывший житель Михайло Посников живет в Ялutorовской слободе, да в указе Великого государя за подписанием руки его сиятельства, велено тобольских оружейных станшных мастеров которые съехав из Тобольска живут на Тюмени и в Тюменском уезде пойманы шесть человек, в том числе Петр Козлов, а по ведомости Петр живет в Ялutorовской слободе и о сыску и о присылке на Тюмень с посланным с тюменским служилым человеком оных беглых солдата Михайла Постникова и оружейного мастера Петра Козлова учинить бы тебе господин по указу великого государя а в котором числе высланы будут о том на Тюмень к ним писать.
ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3556 а. Л. 5—6 об.

**Отписка губернатора Сибири М.П. Гагарина
тюменскому коменданту Воронецкому
и комиссару Прасолову
о доставлении в канцелярию И. Колокольникова**

10 сентября 1717 г.

1717 сентября в 10 день. По указу великого государя и по приказу губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина на Тюмень каменданту полковнику господину Воронецкому, да камисса-

ру Прасолову. Присланная от вас отписка и по ней тюменский житель Иван Колокольников у посланного тюменского конного казака Якова Калевкова в большую канцелярию принят, и оной Калевков из Тоболска отпущен, к сему для верности губернатор Сибири князь Матвей Петрович Гагарин приписал своею рукою.

Справил Федор Лапин.

ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3556 а. Л. 7.

**Доношение тюменского атамана Ф. Колокольникова
коменданту Тюмени С.И. Дурново
о доставке дополнительного олова, необходимого для отливки
колоколов в Омскую и Ямышевскую крепость**

1718 (?)

В прошлом 1717 году по указу великого государя за подписанием руки губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина, велено мне нижеименованному вылить на Тюмени в новопостроенные Омскую и Ямышевскую крепости шесть колоколов из государевой меди, да к тому ж колокольному литью олова полтора пуда. И того олова на вышеозначенное литье колоколов и затем в литье учинилась остановка, а еще к тому колокольному литью надобно олова полтора пуда.

И о вышеозначенном олове камендант Семен Иванович что укажешь.

Атаман Федор Колокольников рукою приложил.

ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3556 а. Л. 8.

**Отписка коменданта Тюмени С.И. Дурново сибирскому
губернатору А.П. Гагарину о посылке тюменского атамана
Ф. Колокольникова в Тобольск с отлитыми колоколами**

Май 1718 г.

Великого государя и великого князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя России самодержца губернатору Сибири князю Матвею Петровичу. Семен Дурново челом бьет. В нынешнем 1718 году февраля 19 дня, по присланному из Тоболска от вашего сиятельства указу, вылиты на Тюмени семь колоколов в новопостроенные Ямышевскую и Омскую крепости, и те колокола посланы с Тюмени в Тобольск мая 20 дня сего 1718 году с тюменским пеших казаков атаманом Федором Колокольниковым, и велел ему в Тобольску в большой канцелярии явиться и колокола объявить вашему сиятельству губернатору Сибири князю Матвею Петровичу.

И таково белая отписку Федор Колокольников принял сыне Иван расписался.

ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3556 а. Л. 9.

**Указ из губернской канцелярии тюменскому коменданту
Воронцову об отливке в г. Тюмени оружия**

17 июня 1719 г.

По указу великого государя на Тюмень каменданту господину Воронцову, сего 1719 года майя 22 дня в письме лейб-гвардии майора Ивана Михайловича Лихорева в Тобольскую канцелярию писано: в доношении московскому полку капитана Акишева который прислан из команды от подполковника Ступина написано: требует в полки он подполковник мортир пудовой против калиберу, и по указу великого государя велено оной мортир вылить на Тюмени, а к тому литью послано из Тобольска с присланным из полку канонером Михайлом Салтановым меди тритцать пуд, да олова пуд, и как сей указ получишь, а канонер Михайло Салтанов на Тюмень прибудет, и ты б оной мортир велел из посланной меди вылить тюменским жителям Федору да Елизару Колокольниковым немедленно, а что к тому литью понадобится рабочих людей и приналежащих припасов, и тебе б велеть оным мастерам отправлять беззадержания, а вылив оной мортир прислать в Тобольск.

1719 июнь в 17 день.

ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 439. Л. 75 об.

**Ведение тюменского литейного мастера Е. Колокольникова
коменданту Тюмени Л.Г. Воронцову
о доставке необходимых припасов
для отливки орудия**

Июль 1719 г.

1719 года июля в день на Тюмени в канцелярии каменданту Лариону Гавриловичу Воронцову тюменской сын боярской Елизар Колокольников подал зарукою ведение.

Сего 1719 году июля в день по присланному из Тобольска великого государя указу велено на Тюмени вылить мартир против чертежа каков прислан, а к тому мартирному делу надобно всяких припасов проволоки полпуда железной, полпуда укладу, два пуда железа на всякую мелкую издержку, двадцать колец железных, десять полоз железных длиною по аршину с четвертью, сверло укладное, пятнадцать пил укладных, две сажени дров соновых полененых, полпуда сала говяжьего, уголья короб, десять фунтов сажи, десять фунтов конопля, десять ведер сусла, плот-

ник один человек, рещик один человек, токарь один, трое человек кузнецов, трое человек работных людей.

Сын боярской Елизар Колокольников руку приложил.
ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3556 а. Л. 11.

**Доношение тюменских литейного дела мастеров
Ф. и Е. Колокольниковых коменданту Тюмени
Л.Г. Воронцову о согласии лить орудие
и о доставке необходимого добавочного олова и меди**

16 июля 1719 г.

Июля в 16 день сего 1719 года вышеописанный присланный из Тобольска великого государя указ на Тюмени в канцелярии перед камендантом Ларионом Гавриловичем Воронцовым о литье мартира калибером пудове тюменским жителям Федору да Елизару Колокольниковым сказан, чтоб лить тот мартир, вылить из присланной из Тобольска меди и олова, и они Федор и Елизар слыша тот великого государя указ сказали, что де мартир калибером пудовой выдет они на срок сего вышеописанного числа августа к 1 числу сего ж 1719 года, а ранее того вылить невозможно, а буде они сказали ложно, и за то указал великий государь учинить им чего они по указу достойны со взятием штрафа.

Елизар Колокольников руку приложил.

И сего ж июля в 16 дня 1719 году вышеописанный тюменский житель Елизар Колокольников пришед на Тюмень в канцелярию, и перед камендантом Ларионом Гавриловичем Воронцовым он Елизар сказал: по присланному из Тобольска чертежу, который объявил ему Елизару присланный канонер Михайло Салтанов из тридцати пуд меди да пуда олова калибером пудового мартир вылить ему невозможно потому, что де по тому чертежу он Елизар преж сего наливал и на угар и на дутие меди и олова ничего не-прислано, и надобно де по тому чертежу в допосылок к тридцати пудам меди на угар и на дутие с шесть пуд, да олова тридцать фунтов, а без той де прибавочной меди он Елизар того мартиру по вышеописанному чертежу лить опасен, а ежели де он Елизар сказал ложно, а после явится кроме угара и дутия остаток, и за то указал великий государь учинить ему смертную казнь.

Сын боярский Елизар Колокольников руку приложил.
ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3556 а. Л. 10—10 об.

**О даче тюменскому литейному мастеру Е. Колокольникову
дополнительной меди и олова**

Июль 1719 г.

1719 году июля против вышеописанного великого государя указу на Тюмени в канцелярии присланное из Тобольска олово

тридцать фунтов у тюменского ямщика Алексея Гаврилова принято, и по тому вышеописанному великого государя указу на Тюмени из казны великого государя отдано в литье мартира в прибавок присланной из Тобольска меди тюменскому жителю Елизару Колокольникову шесть пуд меди, да вышепомянутое присланное олово тридцать фунтов.

Елизар Колокольников шесть пуд меди, да тридцать фунтов олова принял и расписался.

ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3556 а. Л. 13.

**Ведение тюменского литейного мастера Е. Колокольникова
коменданту Л.Г. Воронцову о взятии у тюменского пашенного
крестьянина Я. Бадрызлова короба угля**

16 июля 1719 г.

1719 июля в 16 день на Тюмень в канцелярии каменданту Лариону Гавриловичу Воронцову тюменский сын боярский Елизар Колокольников подал за рукою ведение.

Сего 1719 году июля вышеписанного числа взято к литью мартира у тюменского пашенного крестьянина у Якова Бадрызлова короб угля цена шесть алтын, а за то уголье денег из казны великого государя оному крестьянину невыдано. К сему ведению сын боярский Елизар Колокольников руку приложил.

ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 212 а. Л. 13.

**Ведение бомбардирского капрала М. Салтанова
майору И.М. Лихареву о попытке отлить медную мортиру
тюменским мастером Е. Колокольниковым**

1719 г.

Благородному и почтенному господину лейб гвардии майору Ивану Михайловичу Лихареву с прочими офицерами ведение.

И по указу вашего благородия послан я с указами его великого государя на заводы на Каменские и на Тюмень к пушечным мастерам, для лития воинских припасов мартира и гаубиц и бонб, и те его великого государя указы дavez и на Каменские пушечные мастера мартирныя и гаубишныя болваны управляющему, и с Каменских на Тюмень привез две бонбы к пушечному мастеру Елизару Колокольникову, которой льет медной мартир ради пробы мартира, и тот мастер ля мартир и непознал силы. Неготова медь выпустил и мартир невзял. И угару у него пуд тридцать восемь фунтов, и в другой раз при мне болван делал и мартир лил, и тот мартир такождь невышел. И того угару незная потому

что в скорости поехали на Каменские заводы ради оных воинских припасов мартир и гаубиц и бонб, и повелел ему камендант Ларион Гаврилович Воронцов в третий раз болваны делать и мартир лить. О сем доносит Вашему благородию бомбардирский капрал Михайло Салтанов.

**Ведение тюменской канцелярии целовальников
Ф. Нищева и П. Портнягина коменданту Л.Г. Воронцову
о расходе меди и проволоки**

31 декабря 1719 г.

1719 года декабря в 31 день на Тюмени в канцелярии каменданту Лариону Гавриловичу Воронцову тюменской канцелярии целовальники Филип Нишев, Петр Портнягин подали заруками ведение. Сего 1715 года декабря вышеписанного числа в расходе у нас государевой меди в соборную церковь на водоосвященную чашу семь фунтов, да проволоки на литье мартира полпуда, дак строению государева двора на печи проволоки ж полпуда.
ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 212 а. Л. 24.

**Из ведомости о заводах и ремесленных заведениях
в г. Тюмени и в уезде**

1720 г.

Колоколенного дела в городе.
Атаман Федор Колокольников
Атаманский сын Сава Колокольников
ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1697 а. Л. 16.

**Поручная запись сотника Ф. Колокольникова
за брата Е. Колокольникова**

Январь 1722 г.

1722 год января в день По указу великого государя и по приказу воеводы Александра Дементьевича Юсупова отдан из тюменской канцелярии на расписку подчинно... мостовой камисар Елизар Колокольников тюменскому ж сотнику Федору Колокольникову ж в том, что ставится на Тюмени в приказной канцелярии повседневно, и без указу его императорского величества неехать и неизбежать, а буде он Елизар без отпуску куда съедет или сбегит и что было учинит ему Елизару, то учинено будет сотнику Колокольникову.

Сотник Федор Колокольников принял и расписался.
ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3556 а. Л. 17.

**Отписка тюменского коменданта Воронцова
сибирскому губернатору Черкасскому о заготовке
и отправке «артиллерных запасов» в г. Тобольск**

Апрель 1720 г.

Великого государя и великого князя Петра Алексеевича всея великия и малыя России самодержца ближнему стольнику и губернатору Сибири князю Алексею Михайловичу Ларион Воронцов челом бьет.

В нынешнем 1720 году января в 20 день в указе великого государя из Тоболька на Тюмень ко мне писано велено на Тюмени сделать кузнецами в Ямышевской поход артиллерных припасов: копей капральских и пик семьсот дватцать, долот средних и малых сто дватцать два, скобелей двести дватцать шесть, а на дело оных припасов велено взять на Каменских заводах железа сто шесть пуд, укладу четыре пуда дватцать фунтов. И по тому великого государя указу прислано по отписке с Каменских заводов на Тюмень железа сто шесть пуд, уклад четыре пуда дватцать фунтов с тобольским ружейным мастером с Дмитрием Парфеновым и из того железа и уклада оные припасы копей капральских и пик семьсот двадцать, долот средних и малых сто двадцать два, скобелей двести двадцать шесть на Тюмени кузнецы Иван Онаньин с товарищи сделали а от того дела осталось железа дватцать шесть пуд с четвертью и то остаточное железо у оною Дмитрия Парфенова на Тюмени в канцелярии принято, а на то вышеописанное дело изошло у кузнецов уголья на двенатцать рублей, а те уголья покупали оные кузнецы на свои деньги и за то уголье оным кузнецам деньги невыданы а отписка и артиллерные припасы послал я в Тобольск с вышеописанным оружейным мастером с Дмитрием Парфеновым.

Апреля в день сего ж 1720 году и велел ему отписку подать и оные припасы объявить в канцелярии ближнему стольнику и губернатору Сибири князю Алексею Михайловичу Черкасскому 1720 года апреля в 12 день такова ж отписка и артиллерные припасы посланы с Тюмени в Тобольск с тобольским оружейным мастером Дмитрием Парфеновым отписку и артиллерные припасы тобольский ружейный мастер Дмитрий Парфенов принял по его вельню Федор Протопопов расписался.

ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3556 а. Л. 15—16.

Сергей Николаевич Кубочкин родился 5 января 1956 г. Окончил факультет технической кибернетики Тюменского индустриального института. Печатался в «Ежегоднике Тюменского областного краеведческого музея», газетах «Тюменские известия», «Сибирский посад». Интересы — история г. Тюмени в фотографиях. Постоянный автор журнала «Лукич».

Старинные забавы

Потеха делу не помеха. Русская пословица

Тюмень — город промышленно-торговой. Издавна здесь получили развитие промыслы и ремесла, некоторые из них позже стали основой фабрично-заводской промышленности. Тюмень называли сибирским Лионом. Город славился своими кожевниками, резчиками по дереву, умельцами пивоварами, колокольщиками, судостроителями, мастерами чугунного литья. Тюменские печатные издания всегда отличались изысканностью оформления и шрифтов. Славу нашему городу принесли тюменские ковры. Тюменцы умели работать и с произведениями своего труда участвовали на региональных, всероссийских и всемирных выставках. И не просто участвовали, но и получали награды.

Заботой и капиталами тюменского купеческого сословия

в городе были построены больницы и родильный дом, училища и сиропитательное заведение, театр и библиотеки.

Тюменцы славно работали и отдыхали с весельем, удалством и размахом. Развлечений и зрелищ у наших предков в Тюмени было ничуть не меньше, чем сегодня. Театр и кинематограф, цирк и музыкальные вечера, маскарады в приказчищем клубе и катание на коньках, гулянья в Загородном саду и праздник «Ключ», праздник «Незабудки», кулачные бои и бега на ипподроме — это не считая общенародных и христианских праздников.

Некоторые из развлечений старой Тюмени уже описывались в краеведческих изданиях

и периодической печати, другие почему-то не попадали в поле зрения краеведов. Данная статья — попытка хоть частично восполнить этот пробел. Материал составлен на основе газетных заметок того времени и воспоминаний современников.

В Тюмени вплоть до 20-х годов XX столетия устраивались кулачные бои, которые обычно проходили зимой на льду Туры. В боях, проходивших между районами города, сходились Большое Городище и Малое, Затюменка и Зарека, Тычковка и Потаскуй.

Традиции кулачного боя существовали на Руси испокон веку, когда устраивались общенародные игрища, проходившие в дни славянских празднеств.

Кулачный бой существовал в трех видах: один на один («сам на сам»), стенка на стенку и «сцеплялка-свалка». Самыми любимыми и широко распространенными были кулачные бои стенка на стенку. Участвовали в боях с детских лет. Подростки выросли, но ходить в кулачной стенке продолжали, не забывали этого дела и тогда, когда в волосах уже начинала поблескивать седина. Рядом в «стеношном» строю плечом к плечу со взрослыми теперь становились их выросшие сыновья.

В кулачных боях азартно дрались многие известные в России люди: Владимир Гиляровский и великий Шаляпин,

Леонид Леонов и Сергей Есенин...

В книге «3000 верст по рекам Западной Сибири» А. А. Павлов в своем описании сибирских городов лишь в нашем городе отметил эту поразившую его склонность тюменцев к кулачной забаве.

«...При массе ремесленников и рабочих, город до сих пор сохранил особенность почти исчезнувшую в больших фабричных местностях Европейской России, — кулачный бой.

С осени до Рождества, по воскресеньям, кулачные бои происходят в двух частях города одновременно, причем бойцы разделяются по местностям города, или улицам. Обычай боя такие же, как и везде, где он остался или существовал. Бой начинается с ребятишек — зажигальщиков и кончается взрослыми.

Большую часть в боях участвуют мещане — ремесленники, но рабочих с заводов немного. Прежде, даже очень недавно, пробовали в боях свою силушку купеческие дети. Ныне ни купцы, ни приказчики не принимают участия в боях, их тянет к развлечениям более легким, хотя чуть ли не также убыточным для здоровья — буфетным.

Замечательно, что не слышно ни об одном несчастном случае во время боя, хотя без увечий дело не обходится. На это никто из бойцов никогда не

претендует. Летом кулачных боев не бывает. Они заменяются борьбою»¹.

Однако в газете «Вестник Западной Сибири» отношение к кулачным боям совершенно другое.

Тюменская «вольница»

Старожилы хорошо помнят ее.

Особенно кулачные бои

на Туре-реке.

Когда «Гора» ходила

на «Заречье».

Или «Заречье» на «Затюменку».

И самым страшным образом

избивало

Друг друга в кулачных боях.

До полусмерти или

серьезного увечья.

Избитые ходили всю жизнь

со следами

Кулачных боев на голове

Или в ребрах до самой смерти...»²

При кулачном бое, в зависимости от своей силы, бойцы становились в определенном порядке, в одну или две шеренги, при этом учитывалось расположение сил противника. Продвигаться следовало всем «единым фронтом» или «широким плечом», не допуская разрыва своей линии, так как прорыв неприятеля разъединял бойцов, ставил их в невыгодное положение.

Иногда выделялись резервы, скрытые от противника и вступающие в бой лишь в реша-

ющий момент, по типу засадного полка. Начинался кулачный бой также как настоящие сражения: лишь постепенно вводились в дело все более сильные отряды. Первыми выходили ребятишки, затем подростки, парни, а уж затем — взрослые мужчины. Одно из правил кулачного боя стало даже пословицей, символизирующей русское благородство в бою: «Лежачего не бьют».

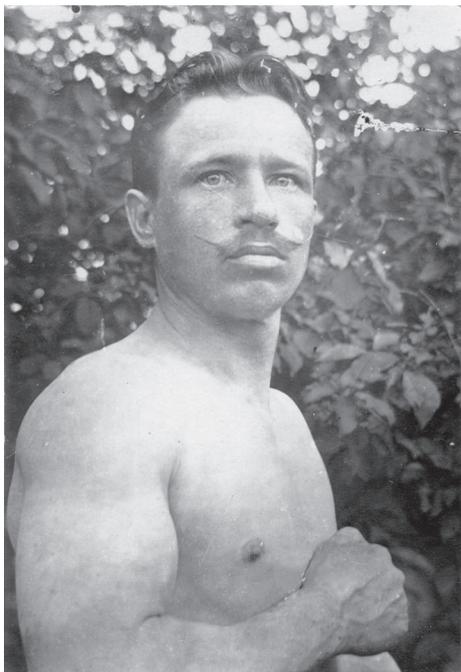
Если в Европейской России в некоторых местностях до начала XX века кулачные бои были распространенным развлечением, то в сибирских городах такие забавы были нечасты. В 1884 году газета «Восточное обозрение», издававшаяся с 1882 года в Иркутске, писала: «...интересная корреспонденция из Тюмени... До сих пор существуют старинные кулачные бои, повторяющиеся каждое воскресенье. В них иногда участвуют местные купцы; бой происходит зимой на реке Туре. Тяжело раненых тотчас же увозят в больницу»³.

Городские власти пытались бороться с кулачными бойцами, но безуспешно. «Несмотря на все старания местной полиции искоренить традиционные бои по воскресеньям, кулачная расправа продолжает процветать. Полиция преследует бойцов в одном месте, они нахо-

¹ А. Павлов. 3000 верст по рекам Западной Сибири. Тюмень, 1878 г., с.15

² Вестник Западной Сибири. 1915. № 57, 14 марта.

³ Восточное обозрение. 1884. № 4.

Кулачный боец П.П. Митинский.
Фото начала XX века

дят другое и т. д. В настоящее время каждое воскресенье и праздник устраиваются кулачные бои в трех местах. В последнее воскресенье нам удалось присутствовать в первый раз на бое близ кирпичных сараев. Горячего боя мы не видали, а видели только его начало, когда дрались ребяташки лет 9—12, за ними уже выступают и большие. Когда в бой вступают 50—60 человек, то образуются две стенки; задача бойца — пробить

стенку противника и выйти на свободу, сделать в стенке улицу; каждая стенка старается гнать как можно далее своих противников»⁴.

Известный тюменский спортсмен Николай Васильевич Калугин, ставший в 1921 году первым чемпионом Тюменской губернии по лыжным гонкам, так написал в своих воспоминаниях о кулачных боях в Тюмени в начале XX века. «Нельзя не сказать об удалой старинной забаве, о кулачных боях, затевавшихся обычно в зимние праздничные дни. В полюбовной драке сходились бойцы район на район: Затюменка с Заречьем, Тычковка с Сараями. С обеих сторон сходились до сотни бойцов.

Как-то мой сосед, парень лет двадцати, сманил меня посмотреть на бой. Бой был на льду реки Туры, за монастырем. Мы пришли вовремя, к началу схватки.

Драку начинали ребяташки лет двенадцати-четырнадцати, потом входили в «операцию» ребята постарше, потом парни и мужики-бородачи. Дрались ожесточенно, по существующим неписаным правилам: голой рукой и лежачего не бить.

⁴ Сибирская торговая газета. 1897. № 64, 25 сентября.

Не вытерпев накала обстановки, мой сосед, наказав мне смотреть за его курткой, бросился в драку. Вскоре Заречная сторона отсилила наших, и началось отступление с боем. Помню, я настолько перепугался (мне было лет семь-восемь), что оставил куртку и без оглядки убежал домой. Говорили, что разнимать дерущихся приезжали пожарные, поливая из брандспойтов холодной водой. Наверное, это было для них потехой, а не мероприятием по наведению порядка»⁵.

В «Сибирской торговой газете», выходявшей в Тюмени в начале XX века, часто можно было встретить в разделе «Хроника» краткие заметки о кулачных боях.

«Любители сильных ощущений для начала устроили на реке Туре, около казенной пристани, свои развлечения — кулачные бои. 21 ноября кулачный бой был разогнан полицией»⁶.

Или: «Любители сильных ощущений не унывают и бой 7 декабря был вновь на реке Туре против Троицкого монастыря»⁷.

Бывали случаи, когда кулачных бойцов собиралось несколько сотен человек, как случилось 25 сентября 1904 года, и городская газета в разделе «Хроника» это отметила.

«В последнее воскресенье, за городом, — вблизи ипподрома, был грандиозный бой, с обеих сторон принимало участие не менее 600 человек — много было окровавленных физиономий; бой был прекращен мерами полиции»⁸.

Одним из известных тюменских кулачных бойцов, выступавшим за Городище, был Павел Петрович Митинский⁹. Приехав в Тюмень в конце XIX века, Павел Петрович работал печатником в типографиях Глускина и Высоцкого. Был мастером высокого класса, даже получал приглашения на работу из других городов Тобольской губернии. Работа в типографиях была тяжелой, но в выходной день не лежали на печи, старались отдохнуть активно. Павел Петрович любил поиграть на гармонии, пел в церковном хоре Знаменской церкви, а иногда по

⁵ Н.В. Калугин. Мои воспоминания. Рукопись, 1973.

⁶ Сибирская торговая газета. 1903. 23 ноября.

⁷ Сибирская торговая газета. 1903. 13 декабря.

⁸ Сибирская торговая газета. 1904. 1 октября.

⁹ В семье Павла Петровича Митинского (1873-1936) и его жены Анны Михайловны родилось тринадцать детей, двое из которых принесли известность своей фамилии не только в Тюмени — это известный тюменский художник Александр Павлович Митинский и его брат Алексей Павлович Митинский, ставший впоследствии военным атташе СССР в Канаде. Дочь Павла Петровича — Мария Павловна Митинская, рассказавшая о своем отце, о кулачных боях и предоставившая для статьи фотографии из семейного архива, трагически погибла 5 апреля 2000 года.

воскресеньям надевал свои кожаные рукавицы и отправлялся на туринский лед. Ходили поболеть за своих мужей и жены с детьми. Зрителей собиралось очень много: родственники, знакомые, соседи, да и просто зеваки — зрелище было впечатляющим и захватывало публику, которая криками подбадривала бойцов своего района.

В 30-е годы XX века кулачные бои практически отошли,

ни в прессе того времени, ни в воспоминаниях современников найти свидетельств этого развлечения не удалось.

Ещё одно забытое развлечение — праздник «Ключ», история возникновения которого доподлинно неизвестна. «Сибирская торговая газета» в 1903 г. писала, что это очень старый праздник.

«В прошедшее воскресенье был традиционный «Ключ» с его весельем и безобразиями. «Ключ» ведет свое начало чуть ли не с основания Тюмени, и из года в год, по крайней мере, простонародьем празднуется торжественно.

Уже с утра было заметно усиление движения публики за город, ближе к ипподрому, где истые предприниматели успели понастроить примитивные балаганы с очагами, для изготовления «по дешевым ценам» блинов и оладий, которые тут же на грязнущих тарелках предлагали желающим полакомиться, — «весельчак-петрушка» и его всегдашние спутники: дети с каучуковыми костюми, клоуны и т. п. — тоже не приминули воспользоваться «зашибить» маленько деньжонок, явился и «ворожейный

Во время гастролей цирка в Тюмени посетители всегда могли видеть на арене этих двух девушек.

Фото начала XX века

аппарат» и «аниральная панорама» и т. д. и т. п. — всего и не перечесать. Народ веселился вдоволь. Пьянство можно сказать повальное, хотя как говорят, безобразий, драк и т. п. в этом году было гораздо меньше.

К восьми часам вечера площадь за городом опустела; на месте балаганов остались одни только кольца и уныло развивающийся флаг, да пяток-другой успокоившихся на лоне природы пьяных, свидетельствовали о том, что здесь что-то было, чему-то вдоволь возливалось»¹⁰.

С. И. Карнацевич в своих воспоминаниях о жизни старой Тюмени писал: «запомнился праздник, называемый в народе «Ключ». Этот праздник был на 9-ю пятницу после Пасхи. Место празднования было за двумя логами Городища, где будто бы открыт был целебный ключ. В этот день там был устроен целый ряд барачков¹¹ для торговли съестными товарами и детскими игрушками (пушки из дерева с шомполами, стреляющие горохом, картошкой). Торговали очень бойко так называемыми «пражениками». Это тушеными брюквой, калегой, ирюком, грушами, яблоками. Тут же в одном барачке жарили олады, лепешки по 2 копейки пара».

Сообщение «Сибирской торговой газеты» 1906 года: «Зав-

тра будет народный праздник под названием «Ключ», празднуемый на Большом Городище уже много лет на площади за домом трудолюбия. На площадь выезжают торговцы с разным бакалейным товаром, фруктовыми водами, квасом и т. д., а также с горячими пирожками, блинами, презенцами. Бывает «петрушка». Продаются разные простые детские игрушки. Народу бывает много и главным образом простонародье»¹².

На площади, где проходил праздник, накануне устанавливали «гигантские шаги» для детей, тут же строили летний цирк.

«30 мая на Большом Городище на площади, носящей название «Ключ» было народное гулянье. Был устроен г. Костусовым балаган-цирк, в котором были акробатические представления и пелись «фривольные» песни, которые были с гоготаньем приняты пьяной публикой.

Публики на «Ключе» было много, были балаганы со съестными припасами, конфетами, пряниками и фруктовой водой. Скандалов ныне не было, что крайне удивительно»¹³.

Большой популярностью у тюменцев пользовался цирк, который вначале был составляющей праздника «Ключ», но позже устраивался самостоятельно.

¹⁰ Сибирская торговая газета. 1903. 10 июня.

¹¹ Станислав Иосифович, видимо, имел в виду балаганы.

¹² Сибирская торговая газета. 1906. 3 июня.

¹³ Сибирская торговая газета. 1904. 1 июня.

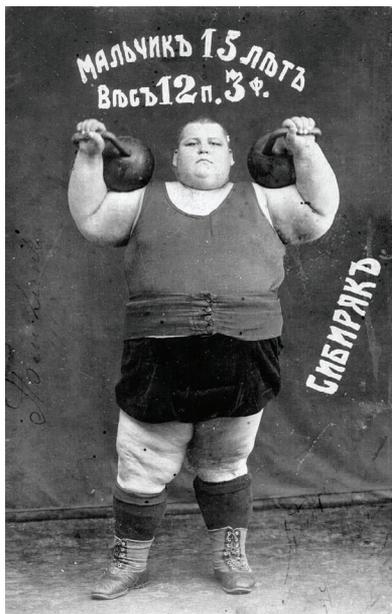
В 1900 году в Тюмени с гастролями выступал известный цирковой артист Дуров с дрессированными животными.

В июне 1903 года «Сибирская торговая газета» писала: «Постройка цирка г. Стракай уже началась на Ярмарочной площади; цирк будет летнего типа; стены деревянные под брезентовым куполом»¹⁴.

Первое представление в цирке товарищества Э. Стракай состоялось 23 июня 1903 года и «собрало массу публики, пустовало только до десятка мест в первом ряду, программа была составлена очень разнообразно и интересно.

Публика много аплодировала всем исполнителям без различия. Лошади очень хорошо дрессированы, прекрасно дрессированы и собаки у китайца г. Чен-Мен-Чу, хороши и клоуны «рыжий» и Легалов, смело ездит гротеск г. Говорин, ревнительно работает турник г. Зубрицкий»¹⁵. «Дебютировал геркулес г. Бейнарович, очень недурно исполнили 6 артистов мраморные группы по оригиналам наших известных скульпторов Прекрасно ездили жокейскую Анна Стракай и гротеск – Виктор Стракай, кор-де балет очень недурно протанцевал матросский танец.

24 июня впервые дебютировал на свободе верблюд, заме-

чательно хорошо дрессированный; хороши были в этот вечер клоуны Егоров – «рыжий» и Легалов, они вдоволь насмешили публику»¹⁶.

В 1906 году та же «СТГ» писала: «11 июня было первое представление в цирке В. Т. Соболевского. Первое представление в цирке, несмотря на плохую дождливую погоду привлекло многочисленную публику, масса публики, не получив билетов, разошлась по домам. Вообще в первом представлении в цирке все номера были исполнены недурно.

¹⁴ Сибирская торговая газета. 1903. 24 июня.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Сибирская торговая газета. 1903. 26 июня.

Не мешало бы дирекции цирка обратить внимание на крыши цирка, чтобы в следующий ненастный день не было «протекции», а также и на мебель в буфетах, которая окрашена клеевой краской и поэтому пачкает платье лиц, дерзающих сесть на эти стулья»¹⁷.

Устроители цирка, стремясь привлечь как можно больше публики, устраивали в цирке розыгрыши подарков. Тюменцы, азартные по натуре, настолько увлеклись приманкой циркачей, что городские власти были озадачены тем, что в ломбарде участвовал заклад вещей. Срочно были приняты меры, запрещающие устроителям цирка разыгрывать лотереи.

«Заведующий городским ломбардом доложил городскому Голове, что в течение последнего времени замечен очень большой наплыв в ломбард мелких закладов, что для Тюмени в летнее время — явление ненормальное; из разговоров с клиентами выяснилось, что одной из причин этого явления служит цирк с его подарками, которые очень приманивают публику.

Городской Голова обратился поэтому с запросом к ис-

правнику, прося его не разрешать более розыгрыша подарков в цирке. Более подарков в цирке не будет»¹⁸.

В конце XIX — начале XX вв. по российским городам часто в составе цирковых трупп гастролировали дети с феноменальными физическими данными. Не миновали они и Тюмень. Объявление 1903 года в городской газете: «Со вчерашнего дня в доме Ядрышникова по Царской улице демонстрировались два феномена, самые полные и самые сильные дети в мире: Адольф 12 лет, весит 8 пудов и Фредерик 10 лет — 6 пудов 26 фунтов»¹⁹. Там же можно было купить фотографию демонстрируемого чуда. Но были и местные чудо-богатыри, свидетельством тому является фотографическая открытка с гордой подписью «Сибиряк», запечатлевшая юного силача.

Прошло время. Такие многолюдные развлечения тюменцев, как кулачные бои и праздник «Ключ», отошли в прошлое и забыты большинством сегодняшних жителей нашего города. Для нас эти забавы остались лишь в воспоминаниях очевидцев и коротких заметках старых газет. Как и сто лет назад, постоянного цирка в Тюмени нет.

¹⁷ Сибирская торговая газета. 1906. 13 июня.

¹⁸ Сибирская торговая газета. 1906. 19 июля.

¹⁹ Сибирская торговая газета. 1903. 27 июня.

Кулачный бой в Тюмени

Трудно вообразить городскую жизнь старой России без праздников. Одним из таких праздников была масленица. Оставляя в стороне другие масленичные увеселения народа, остановимся лишь на кулачных боях.

Кулачный бой можно подразделить на несколько видов:

- 1) один на один;
- 2) стенка на стенку;
- 3) каждый за себя (сцеплялка);
- 4) палочный бой.

В старину противные стороны договаривались биться по жестким правилам. Так, если выходили биться один на один, то разрешались удары и ногами. Если же бой был стенка на стенку, то такие удары запрещались.

Кулачный бой обычно начинался с «затравки», когда малолетки затевали «сцеплялку», позднее в бой вступали уже взрослые мужики. Побеждала та стенка, которая выгоняла противника (всех, кроме упавших) с поля боя.

Интересен отрывок о кулачном бое из книги «Сказания русского народа»: «Кулачный бой в русской семейной жизни считался удальством, приводившим некогда в гордость и раздоры це-

лые селения и города. Подвергать себя по доброй воле побоям, бить других без пощады было роскошным весельем для наших отцов и дедов. Кулачные бои начинались с зимнего Никола и продолжались до Скорбного Воскресения, но самый веселый разгул бывал на масленице. Летом редко бывали бои, и то по приглашению бояр. Городские бойцы всегда брали преимущество перед сельскими, кулачные бои совершались разными видами. Более всех почитался бой один на один, за ним — «стенка на стенку», а менее всех «сцеплялка-свалка».

А. Лебедев в «Русской старине» (1913 г. №6, 7) как бы

Семик и масленица.
Лубок XVII–XVIII вв.

*Семик и масленица.
Лубок (1878г.)*

дополняет это описание: «Это совсем не была драка, ссора, вражда или что-то подобное, а нечто вроде игрища В том виде, какой они (кулачные бои) имеют в России этого нигде и никогда не было».

Примерно так же проходили кулачные бои и в Сибири. Трудно сказать, когда бои появились в Сибирском регионе. Одно из самых ранних упоминаний, которое удалось обнаружить, относится к 1720 году, когда тюменский житель Григорий Томский подал словесное челобитье на архиерейского золотаря Ивана Горохова, обвинив последнего в ручном бою. Правда, из текста документа не совсем ясно, был ли

этот «ручной бой» добровольным.

Вопрос изучения истории кулачных боев в Тюмени ждет своих исследователей, пока же отметим, что в XIX столетии сообщения о них периодически попадают в печать. Так, «Тобольские губернские ведомости» отмечают, что в 1849 году кулачные бои в Тюмени пытались запретить и даже по приказу окружного начальника участников поливали из пожарной трубы. Современники отмечали, что в городе «борьба и бой кулачной есть удовольствие первое», что бой стенка на стенку начинали малолетки, затем вступали взрослые и даже старики. По сведениям Чукмалдина, в 1860-х годах в боях участвовало более 500 человек разных возрастов и состояний.

Кулачные бои в Тюмени проходили и во время первой мировой войны. Так, автору приходилось слышать в 1960-х годах воспоминания квартирной хозяйки, которая рассказывала о происходивших в 1915 году кулачных боях на Туре в районе теперешнего пешеходного моста.

Судьбы православия в Сибири за минувшее 300-летие

Та необъятная страна, которая называется *Сибирью* и в которой мы теперь обитаем, по справедливости может быть названа еще юною страной в исторической жизни.

Что значат каких-нибудь 300 лет в исторической жизни в сравнении с протекшим временем, положим, с Рождества Христова? Поэтому, мы думаем, никто пока не в праве требовать от этой юной страны тех совершенств, какие присущи странам, живущим историческою жизнью тысячелетия. В 300 лет Сибирь успела только кое-как подняться на ноги. Все лучшие люди, наблюдающие за течением сибирской жизни, согласны в том, что Сибирь еще ожидает будущность.

Тем не менее мы праздновали трехсотлетие протекшей нашей жизни по обычаю, усвоенному людьми, живущими исторической жизнью. 6 декабря 1882 года в наших летописях

должно стоять как поверстный столб, указывающий на пройденный нами и предстоящий еще впереди путь. Празднество наше настолько было скромно, насколько была скромна наша протекшая жизнь. И с нашей стороны было бы не похвально, если бы мы вздумали ликовать по этому поводу, не сознавая в протекшей жизни никаких особенных успехов и не зная своей будущности. Признано достаточным в 6-е число истекшего декабря возблагодарить Господа Бога и за те незначительные успехи, которые Он помог нам иметь в нашем историческом усовершенствовании, помолиться Царю Небесному о помощи в будущем и молитвенно воспомянуть наших предков-героев. Исполнив этот священный долг, пойдем вперед в надежде на новую милость Божию.

В прошедшей нашей жизни, по свидетельству сибирских историков и наблюдателей, не-

Текст воспроизводится по публикации в «Тобольских епархиальных ведомостях» (1883. №№1–2). Комментарии к словам, имеющим цифровой надиндекс, приводятся по вышеуказанному источнику.

Публикация осталась незавершенной. Автор ее неизвестен.

Помещая статью под рубрикой «Текст-раритет», редакция анонсирует издание «Избранного» А. Сулоцкого, которое будет посвящено двухтысячелетию Рождества Христова. Все три тома появятся в свет до конца текущего года. — *Прим. издателя.*

сравненно больше ошибок и преткновений, чем прямых и твердых шагов вперед. Нельзя не сознаться в этом и нам самим. Понятна, думаем, для непредубежденного человека самая причина наших преткновений и падений на пройденном пути. Она главным образом состоит в том, что мы не всегда освещали себя, или, если и освещали, то слишком мало, тем светом, который «просвещает всякого человека, грядущего в мир». Между тем мы не можем в свое оправдание сказать, что церковь православная оставляла нас без своего попечения и не указывала нам, странникам и пришельцам в новой стране, на помянутый свет Христа. Напротив, церковь, несмотря на наше, может быть, нежелание, всегда следовала за нами, так сказать, по пятам, прилагала и теперь прилагает все усилия к тому, чтобы мы нравственно не блуждали в неизвестной стране. Эти усилия церкви не оставить нас без своего руководства и, по возможности, разлить свет евангельского учения на самых сибирских дикарей составляют едва ли не единственную, лучшую страницу в 300-летней истории Сибири. По меньшей мере это принадлежит к лучшему и назидательнейшим воспоминаниям из нашего прошлого, которым и посвящается настоящий небольшой труд.

В истории водворения и развития в Сибири православ-

ного христианства замечаются следующие переходные моменты: 1) на первых порах (с 1581 до 1621 г.) христианство, занесенное сюда русскими пришельцами, развивается, можно сказать, само собою и сибирская церковь пока не имеет надлежащего устройства; 2) с 1621 года церковь получает иерархический строй и до конца 17 столетия прилагает свои заботы только к водворению порядка в религиозной жизни самих пришельцев, не имея пока возможности простирать своих забот к просвещению инородцев; 3) с начала 17 столетия она предпринимает усиленные миссионерские труды к обращению туземных дикарей, продолжающиеся до настоящего времени; а между тем 4) «Тобольская и Сибирская» епархия, вначале единственная на всю Сибирь, раздробляется на несколько независимых друг от друга епархий, для лучшего действования в целях религиозно-просветительных.

1) В нашу задачу не входит рассуждение о том, какими побуждениями руководился атаман вольных приволжских удальцов Ермак (в крещении Василий) Тимофеевич сын Повольский при завоевании Сибири. Но мы не можем не сказать, что, по неисповедимым судьбам Божиим, этот атаман вольных людей, не чуждый сам православной религии, был главным виновником просвещения ди-

кой страны светом евангельским. Может быть, он много не думал об этом, но он растворил в темное царство дверь, через которую евангельский свет сам собою пустил свои лучи.

На первых порах лучи эти были слишком слабы, едва только освещали самих пришельцев и пройденный ими путь. Правда, первые пришельцы, как православные христиане, имели большую охоту по пути и в местах своего поселения ставить кресты, часовни, храмы и монастыри. Сам Ермак имел при себе подвижную часовню во имя спасителя Николая. Пришедшие по следам его московские воеводы, торговые люди и простые поселенцы до 1621 года успели построить в новых городах и селениях несколько храмов и монастырей. Таковы храмы, построенные: в 1586 г. в городе Тюмени — во имя Рождества Богородицы и Святого Николая; в 1587 году в г. Тобольске — во имя Св. Троицы; в 1595 г. в Пелыме — во имя Рождества Христова; в 1602 г. в г. Туринске — во имя святых мучеников Бориса и Глеба; в 1605 г. в г. Березове — во имя Воскресения Господня и т. д. Из монастырей, построенных в это же время, известны: в г. Тобольске, с

1602 г., во имя преподобных Зосимы и Савватия соловецких (ныне Знаменский)¹; в городе Туринске, с 1604 г., Покровский; в г. Верхотурье, с 1606 г., Николаевский (мужской) и Покровский (женский); в г. Березове, с 1605 г., Воскресенский; в г. Тюмени, с 1616 г., Преображенский и др. Не говорим о крестах и часовнях, которых, вероятно, было несравненно больше, чем храмов и монастырей. Но часовни, храмы и монастыри сами по себе не могли еще иметь особенного просветительного влияния не только на дикарей, даже на самих пришельцев. Нужно было, чтобы при них были пастыри и руководители, которые бы совершали богослужение и наставляли в веру народ. Но приобрести пастыря в то время было несравненно труднее, чем построить сам храм.

В Сибири пока не было епископа; следовательно, священников можно было приобрести только в России. Может быть, при некоторых храмах были священники из русского «перехожаго» духовенства, прибывшие в Сибирь добровольно — или сами собой, или по приглашению своих земляков. Но история ни слова не говорит об этом. Сохранилось только предание, что самого Ермака сопро-

¹ Монастырь Знаменский первоначально (1602 г.) находился при устье реки Тобола, на противоположном нынешнему его местоположению берегу реки Иртыша. На настоящее свое место монастырь этот перенесен в 1610 г., как это и значится в «Хронолог. обз. церк. ист. соб.». (См.: Тоб. епарх. вед. 1882. № 22. С. 453).

вождали каких-то два священника и один монах, которые, вероятно, и остались в Сибири, пристроившись к какому-либо храму или монастырю. Иногда московское правительство делало распоряжение о снабжении новой страны необходимым духовенством. Но и оно едва ли могло удовлетворить с этой стороны всем нуждам постепенно возрастающего русского населения Сибири. Притом до нас сохранилось одно только распоряжение со стороны московского правительства о снабжении Сибири духовенством. Именно: царь и великий князь всея великия, малыя и белыя Руси Иоанн Васильевич Грозный раз отдал повеление архиепископу Вологодскому о посылке в Сибирь десяти священников с семьями². Таким образом, с уверенностью можно сказать, что немалая часть построенных на скорую руку храмов оставалась без священников и богослужения. Монастыри тоже большей частью строились в надежде со временем заселить их монахами и оставались или с ничтожным числом братства, или совсем без монахов.

Самое духовенство, белое и монашествующее, какое было, мало соответствовало своему высокому призванию быть просветителями новой языческой страны. При общем отсутствии в России школьного образования священники большею час-

тью были людьми полуграмотными, умевшими только с грехом пополам отправлять церковную службу и ничем не вышавшимися над своими пасомыми в самой жизни. Монахи по монастырям жили без всяких правил; притом вместе мужчины с женщинами. Исправить эти недостатки в сибирском духовенстве и указать ему на его призвание без своего епископа было пока некому.

При таких условиях занесенный в Сибирь свет Христов не всегда освещал самих пришельцев. Действительно, в жизни первых поселенцев Сибири мы видим такую грубость нравов, какой не всегда можно встретить в сибирских дикарях, которых предстояло пришельцам просветить новым светом. По современным письменным памятникам, нравственный уровень первых русских пришельцев в Сибири представляется в таком печальном виде: «народ в пьянстве бьется и режется безнаказанно; при собирании ясака с инородцев сборщики лихоимствуют и распутствуют; посты не соблюдаются; в брак вступают без благословения церкви. Казаки обманом вывозят из России женок и девок или насильно отнимают их у некрещенных инородцев, живут с ними блудно, ни их, ни детей не крестят; обращаются с женами как с рабынями: продают их или отдают на известных условиях для блуда другим, на вре-

² Карамзин. История. Т. 9. С. 235.

мя». Попраны были самые священные человеческие права: «неистовые и ослепленные страстями женились иногда на своих матерях, дочерях и сестрах, чего нет и у инородцев, не знающих Бога истинного» «Воистину, — восклицает патриарх Филарет в своем послании к первому Сибирскому архиепископу Киприану, — не точию христианы, но и человеки чуже им нарицатися: душа убо их яко во гробе затворена, и увы, страшно слышание таковая дающих. Горе воистину слышащим таковая, паче же зрящим и неистязующим таковых сквернения»³. Может быть, в этом есть некоторая доля преувеличения; но, сообразуясь с условиями тогдашней сибирской жизни и с характером самих пришельцев, во многом нельзя не согласиться с отзывом патриарха Филарета. Первыми поселенцами были по преимуществу народ вольный, бродячий, привыкший еще на родине относиться к религии и нравственности свободно. С переселением в Сибирь, при бесконтрольности со стороны правительства и церкви, у этих людей страсти, естественно, должны были развиться до последних пределов.

В таком зачаточном состоянии занесенное в Сибирь христианство оставалось до учреждения в 1621г. особой Сибирской епархии.

2) Поднять религиозно-нравственный уровень как в сибирском духовенстве, так и в русских поселенцах можно было только через водворение в Сибири церковно-иерархического порядка, которого, как мы видели, не было в ней в течение целых сорока лет. В царствование Михаила Феодоровича и в патриаршество Филарета Никитича московское правительство обратило свое внимание на этот недостаток в сибирской жизни, и в 1620 году решилось открыть в Сибири особую епархию. Новая епархия названа была «Сибирскою и Тобольскою» и сразу поставлена была в разряд первостепенных русских епархий. Первые сибирские преосвященные при назначении, обыкновенно, возводились в сан архиепископа. В 1668 году Московским собором, на котором председательствовали два восточных патриарха Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский, сибирский преосвященный Корнилий поставлен в митрополита и Сибирская епархия названа митрополией, заняв в списке русских митрополий четвертое место⁴. Местом пребывания сибирских и тобольских преосвященных был с самого начала и остается до настоящего времени г. Тобольск, в былое время иногда официально именовавшийся «столицею сибирского царства».

³ Собр. госуд. грам. Ч. 3. № 60.

⁴ Первое место занимала митрополия новгородская, второе — казанская, третья — астраханская. Соб. лет. древ. Вивлиоф. 1788. Ч. 3. С. 204.

Пределы Сибирской епархии, при открытии оной, не были определены с точностью и постоянно расширялись по мере того, как постоянно пребывающие русские выходцы подвигались во внутрь Сибири все дальше и дальше. В 20-х годах 17 ст., т.е. в то время, когда была открыта Сибирская епархия, владычество русских в Сибири простиралось лишь от Урала до р. Енисея. Следовательно, это и были первоначальные пределы только что открытой епархии. Но через 40 лет, именно около 1660 г., русские пришельцы уже господствовали на низовьях Лены и Коломы и в верховьях Амура, где имели, между прочим, свои города Иркутск, Якутск и Албазин. Спустя еще 40 лет, т.е. в конце 17 ст., они уже утвердились в Камчатке. Таким образом Сибирская и Тобольская епархия, в 80 лет со времени своего учреждения, раскинулась по Сибири слишком на 300, 000 квадр. географических миль. Крайними пределами ее были теперь: на севере — Ледовитый океан, на востоке — Восточный океан, на юге — Китайская империя, а на западе — Урал. На этом пространстве в настоящее время существует несколько самостоятельных епархий (Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская, Якутская и Камчатская, частью

— Пермская и Оренбургская) с несколькими викариатствами. Так обширна была Сибирская епархия в 17 веке!⁵

Столь обширная епархия, для успешного управления ею, требовала самого точного административного порядка. Еще в 17 в. Сибирская епархия была разделена на разряды: Тобольский, Верхотурский и Енисейский. Разряды подразделялись на десятины, или заказы, из коих каждый в нынешнее время мог бы по своей территории составить особую епархию. Таковы, например, были десятины: Илимская, Якутская и Давурская в Восточной Сибири. В каждой десятине были особые *десятильники* из боярских детей, или слуг архиерейских, на обязанности которых лежали: сбор окладных и неокладных кафедральных сумм, судебное делопроизводство, а иногда и наблюдение над жизнью духовенства и народа. Впрочем, в конце 17 в. эти обязанности были возложены на заказчиков из духовенства, и светские десятильники совсем отменены. Полный круг обязанностей заказчиков после этого состоял из наблюдений за сохранением в прочем духовенстве и народе христианских догматов, за правильным течением духовных дел и из занятий по сбору денег со своей десятины. В то же

⁵ Ст. о. Сулоцкого «Преображение в Иркутске викариатства». Омск, 1868; Архим. Мелетий. Древняя церк. грамоты восточно-сибирского края. Казань, 1868. С. 4–5.

время, вследствие усложнения их обязанностей, являются у них помощники в звании *поповских старост*⁶.

Во главе епархиального управления стояли постоянно пребывающие в «сибирской столице» преосвященные — сначала в сане архиепископов, а потом в сане митрополитов. Преосвященные для Сибири обыкновенно избирались и поставлялись в Москве из великорусских игуменов, архимандритов и епископов. Причем с 1668 г. с саном митрополита получали право носить белый клобук и при богослужении саккос и митру с крестом⁷. Со вступлением на кафедру они были в зависимости только от московских царя и патриарха, от которых непосредственно получали указы и наставления. Для личных совещаний о церковных делах Сибири с царем и патриархом иногда вызывались, а иногда и сами собой, без приглашения, ездили в Москву, где, бывало, присутствовали на соборах. Так, были в Москве архиепископ Симеон три раза в 1654, 1660 и 1663 гг., архиепископ (послемитрополит) Корнилий в 1668 г. В Сибири от преосвященных сибирских было в зависимости не только духовен-

ство белое и монашеское, даже до некоторой степени гражданская власть. В случаях бездействия, а тем более противодействия в делах церковных со стороны гражданской власти, сибирские преосвященные имели право доводить об этом до сведения царя, и от царя посылались гражданской власти строгие подтверждения о содействии во всех случаях преосвященным. Так, жаловались на гражданскую власть преосвященные: Киприан царю Михаилу Феодоровичу и Павел (I) царю Феодору Алексеевичу. По жалобе пр-ного Киприана на имя воеводы Матвея Годунова в 1623 и 1624 гг. были посланы два царских указа со строжайшим повелением содействовать преосвященному в пресечении беспорядков⁸, а по жалобе архиепископа Павла сибирский воевода, стольник Михаил Преклонский поставлен был пред Павла «головою»⁹. В 1668 г. тобольским воеводам вменено было в обязанность при совершении «в неделю ваий» обряда «шествие на осляти», «водить осля» под преосвященным, и они исправно водили каждый год, пока не был в 1676 г. отменен в Сибири этот церковный обряд¹⁰.

⁶ Древ. церк. грам. восточно-сибирского края С. 5 и 6.

⁷ Право ношения митры с крестом осталось за тоб. преосвященными до настоящего времени.

⁸ Пр. об. 1866. Т. 12. С. 403.

⁹ Древ. Вавлиоф. 1788. Ч. 3 С. 238.

¹⁰ Там же. С. 205. Чит.: Тоб. епарх. вед. 1882. № 5.

Преосвященные на сибирскую кафедру, столь отдаленную от Москвы и обширнейшую, избирались всегда самые опытные, лично известные по своим способностям и добродетелям царю и патриарху. Вот имена сибирских преосвященных 17 столетия: Киприан (с 1620 по 1624 г.), Макарий (1624–1635 г.), Нектарий (1636–1640 г.), Герасим (1640–1650 г.), Симеон (1651–1663 г.), Корнилий (1664–1677 г.), Павел I (1678–1691 г.) и Игнатий (1692–1699 г.). Все они раньше были настоятелями знаменитых русских монастырей, в сане игуменов и архимандритов. Некоторые из них имели за собой даже гражданские заслуги. Таков, например, первый Сибирский архиепископ Киприан. В смутное время междуцарствия он, будучи архимандритом Новгород-Хутынского монастыря, был новгородцами послан во главе депутации к шведскому королевичу, с предложением воссесть на новгородский княжеский престол. В числе условий, предложенных королевичу, было требование, чтобы православная вера новгородцев была оставлена неприкосновенною. Шведы не хотели принять этого условия и всеми силами старались склонить Киприана на уступки, подвергали даже пыткам. Но Киприан остался верен право-

славной вере и своему отечеству и, возвратившись в Россию, поведал новгородскому и московскому правительству о всех тайных замыслах шведов, стремившихся захватить не только новгородский, но и всероссийский царский престол. С нынешней нашей точки зрения, сибирским преосвященным 17 в. можно бы приписать только тот недостаток, что все они не имели высшего школьного образования. Но в 17 веке это не считалось недостатком. Притом у сибирских преосвященных школьное образование достаточно восполнялось административной опытностью и глубокою начитанностью. Некоторые из упомянутых преосвященных оставили после себя сохранившиеся до нас литературные памятники, которые дают им право стать между лучшими, по богословскому образованию, иерархами последующего времени. Таковы пасторские послания: архиепископа Симеона «на Лену в якутский острог» от 11 апреля 1653 г.¹¹ и митрополита Игнатия (три) к пастве вообще по поводу распространения в Сибири раскола¹². Не недостаток мудрости и богословских познаний, а трудность управления обширною и неутвердившеюся в христианских правилах жизни паствою вынуждала иногда некоторых преосвя-

¹¹ Архимандрит Мелетий. Древ. церк. грамоты восточно-сиб. края. Иркутск, 1875. С. 1 и след.

¹² Прав. соб. 1865 г.

щенных удаляться из Сибири и посвящать остаток жизни на служение Богу в монастырском уединении. Так поступили преосвященные Нектарий, Симеон и Игнатий.

Действительно, сибирским преосвященным, при управлении одною из обширнейших епархий, приходилось переносить много трудов и испытывать немало неприятностей. Мы видели уже, какими нравственными недостатками отличались первые сибирские поселенцы из русских. Не лучше были и новые пришельцы к концу 17 столетия по всей Западной и Восточной Сибири.

Из этих последних можно выделить разве только добровольных переселенцев из простого земледельческого класса, которые переселялись без всякой задней мысли, отыскивая только себе такую землю, которую было бы небесполезно обрабатывать. Судя по нынешним добровольным деревенским переселенцам из России, они приходят и живут в Сибири, не изменяя тем добродетелям, какими отличается вообще простой оседлый русский народ. Но далеко нельзя того же сказать о всех людях, вынужденно водворенных в Сибири по распоряжению правительства. Пошатнувшаяся на родине нравственность таковых в Сибири иногда в значительной части падает вследствие многих причин, из которых можно указать на бед-

ность, от разорения или конфискации имущества, на раздолжную жизнь и бесконтрольность. Так бывает в настоящее время, так было и в 17 веке. Поэтому главные пороки первых сибирских поселенцев: пренебрежение к церковным установлениям и животное отношение к женскому полу, сопровождавшееся рабством, частыми переменами и перепродажею женщин — были отличительной чертой и новых переселенцев до конца 17 в. В 1653 г. архиепископ Симеон писал об этом на Лену в Якутский острог, между прочим, следующее: «слух до нас доходит, православные христиане, что живут у вас на Лене, забыв страх Божий и час смертный, не помня страшного, и трепетного и грозного суда Христова, живут не по закону Божию, когда бывают на промыслах своею охотою, и не хранят они тогда ни среды, ни пятка, ни постов, и разрешают на всякую ядь скоромную и мясную, а иные де у вас, забыв страх Божий, и на дому живучи и не в отъезде, также разрешают постные дни, едят скоромную ядь в среды и в пятки и в постные дни. Да еще слухи до нас доходят о том, православные христиане, слышится в вас пагубное и беззаконное, скверное и нечистое блуждение и таково блуждение, яковож ниже в неверных языцех именуется. И неверные по своей вере закон свой крепко хранят. Яко неции от вас безчин-

ники понимают (т.е. берут) ясырки и живут с ними, с некрещенными и беззаконством приживают детей и как у них рождаются дети, и они тех ребенок *уморяют, и мечут прочь от себе*. Да еще слух до нас доходит: ясырок женок или девок емлют в полону (т.е. в плену), или буде купят, и крестят де их по христианскому закону святым крещением. И живут де у них те крещеные ясырки года два или три, и как они изыкнут русскому языку те ясырки, и те де ясырок крещеных, прельщаются на скаредныя прибитки, запродают их иноземцам»¹³. В 1683 году митрополит Павел писал на Селенгу игумену Феодосию: «даурские де многие люди живут не по христиански, с некрещенными иноземками, блудно беззаконством ребят приживают, и прижив с ними, тех иноземок продают, а себе для блудного беззаконного дела иных некрещеных иноземок покупают»¹⁴. Об этом же свидетельствуют многочисленные дела о незаконном сожитии сибирских поселенцев, производившиеся в архиерейском приказе. Но, кроме этого, в 17 в. сибирское население подверглось еще одной нравственной болезни, которой не избежали и простые благочестивые земледельцы. В половине 17 в. в Си-

бирь был сослан один из самых ярых расколоучителей протопоп Аввакум, который около десяти лет странствовал по Сибири, был даже в самой Даурии, и по всем городам и селениям, где ему приходилось останавливаться, по собственному его выражению, «с дерзновением кричал, уча народ и обличая ересь никонианскую»¹⁵. Непосредственные ученики и последователи Аввакума — расстриженный казанский монах Иосиф Истомин, тюменский поп Домиан и др. раздули занесенный сюда Аввакумом раскол до того, что обольщенный ими народ, воображая наступившее царствование антихриста, начал массами предаваться самоожожению¹⁶. Вот с каким злом приходилось сибирским иерархам 17 в. бороться, и на искоренение этого зла у них уходило все время и все силы.

При этом мы должны принять во внимание те неблагоприятные условия, при которых действовали иерархи в 17 столетии. Необыкновенная растянутость епархии, при первобытных путях сообщения, кратковременность управления ею некоторыми из иерархов, частые и иногда довольно продолжительные поездки в Москву других и т. п. обстоятельства не давали иерархам возможности лично обзреть свою паству, и до начала

¹³ Древ. церк. грам. восточ.-сиб. края. С. 3.

¹⁴ Там же. С. 12.

¹⁵ Мат. для ист. раск. Т. 5. С. 57.

¹⁶ М. Игнатий. Пастырские послания. Казань, 1865.

18 ст. действительно ни один из них не бывал дальше г. Тобольска. Вследствие этого многие нужды, особенно отдаленных частей епархии, оставались для них неизвестными и не могли быть удовлетворены. Все, что могли знать преосвященные о положении своей епархии, знали из обширного делопроизводства, сосредоточивавшегося в «архиерейском разряде», разделявшемся на несколько «приказов» (казенный, судный и т. д.), которыми управляли архиерейские приказные и дьяки. Все, что могли сделать к удовлетворению церковных нужд отдаленных сибирских поселений, делали не непосредственно, а чрез своих доверенных лиц, носивших звания: «десятинников» и «закащиков», по временам вызывая их в Тобольск или давая им в руководство особые инструкции в виде «грамот» и «указов»¹⁷. Непосредственно удовлетворялись только такие нужды, которые никак нельзя уже было удовлетворить через доверенных, например, рукоположение в священник сан. Но как-то было явиться за рукоположением в Тобольск, положим, из Даурии?

В самых лицах, которые могли быть достойными органами епархиального управления, был крайний недостаток. Вследствие этого нередко приходилось пре-

освященным без того раскинувшиеся на тысячи верст десятины расширить еще больше, чтобы отдать известному лицу в управление. Так, в 1687 г. «закащику», игумену Троицкого Селенгинского монастыря Феодосию, предписано было «ведать церковные догматы и духовные дела в даурских острогах: иркутском, удинском, бургузинском, нерчинском, албазинском, аргунском, теленбинском, елимском, братском и в николаевской заимке»¹⁸. В 1695 г. в Якутске на десятину был назначен боярский сын Василий Аврамьев, и к его без того большей десятине были причислены еще остроги: Илимский, Киренга, Братский, Верхонский и село Бириульское с уездами¹⁹. Более надежными и соответствующими званию десятинника, на обязанности которого, между прочим, лежало наблюдение «за церковными догматами», были духовные лица из монашеского звания, настоятели монастырей, вроде селенгинского игумена Феодосия. Но их, по-видимому, в распоряжении преосвященных никогда не было достаточно, по крайней мере — способных к этому довольно сложному служению. Притом и между немногими встречались лица, далеко не оправдавшие доверие со стороны преосвященных. Так, в 1694 г. вкладчики Усть-Киренского ос-

¹⁷ См. Древн. церк. грам. вост.-сиб. края. От имени митр. Павла сохранилось 33 и Игнатия 55 грамот. С. 8–113.

¹⁸ Древн. церк. грам. вост.-сиб. края. С. 15.

¹⁹ Там же. С. 53.

трожку, Троицкой пустыни, Якутского города сын боярский Родион Кобелев с товарищами жаловались митрополиту Игнатию на нового игумена Варлаама, что он в Троицкой пустыни «живет неистово и неблагочинно, пьет и бражничает непрестанно, а вино курит, и пиво варит и столы повсегдачно делает для своих прибитков, и из монастырских хлебных припасов, и в том пьянстве бьет и мучит их монастырских вкладчиков безвинно и делает всякие монастырские дела без братского совета, по воле своей» и т. д.²⁰ Варлаам, узнав о поданной на него жалобе, самовольно бежал из пустыни в Тобольск и, в довершение всего, захватил из монастырской казны три сорока соболей, за которые и взыскано было после 510 р.²¹

Вследствие недостатка способных и надежных из монашествующих десятинниками ставились большею частью боярские дети, сменяя иногда монашествующих. Так, с 1682-го по 1688 г. даурскою десятиною заведовал боярский сын Алексей Беляев²², в 1695 г. та же десятина, после игуменов Феодосия (умершего) и Мисаила (оказавшегося неспособным), передана боярскому сыну Ивану Толстоухову²³. В том же 1659 году в Якутск на десяти-

ну был назначен боярский сын Василий Аврамьев²⁴ и т. д. Но светские десятинники оказывались иногда еще более ненадежны, чем из среды монашествующих. В подтверждение достаточно сказать, что смененный в 1688 г. даурский десятинник Алексей Беляев не представлял в тобольский архиерейский дом ни денег, ни отчетов, ни известий о себе в течение целых шести лет²⁵.

Тем не менее сибирские преосвященные, по необходимости, должны были отдавать в полноправное и почти бесконтрольное управление подобным лицам целые области из своей необъятной по пространству епархии, поручая им охранение чистоты христианских догматов, благочиние, церковный суд, сбор всяких доходов и т. д.

Вот вкратце содержание инструкции, которая давалась в руководство десятинникам в 17 в.: десятинник в своей десятиине: 1) «ведает церковные догматы и духовные дела, судит по всяким делам духовный чин: игуменов и строителей, иноков и инокинь, протопопов, попов, дьяконов, причетников и мирских всяких чинов людей, кто на кого в чем побьет челом, и по суду и по сыску, кроме *пра-*

²⁰ Там же. С. 54.

²¹ Там же. С. 72.

²² Там же. С. 18.

²³ Там же. С. 52.

²⁴ Там же. С. 53.

²⁵ Там же. С. 18.

вольных и неудообразсудительных²⁶ вин, — указ чинит безволокитно и по вине смиряет, кто чего достоин, а о правильных и церковных винах, чего ему десятинику разсудить не доведется, отписывает в Тобольск к преосвященному». 2) Десятник собирает и отсылает в архиерейский казенный приказ «по окладным книгам и по отписям с соборных и приходских церквей, с монастырей и часовень, по вся годы, *данная*²⁷, праздничная, придельная и иные всякие указные окладные деньги без недоборов». 3) Дает «венечные, новичные²⁸, похоронные и о духовных делах памяти за рукою, и берет за памяти, отсылая в софийскую (церковную) и архиерейскую (домовую) казну: с духовных дел пени по 2 р., по 8 алт. и по 2 деньги; почеревных потомуж, с новичных дьячков, пономарей, и просфирень, и с перехожих (тех же лиц) по 8 алт. и по 2 деньги; со свадеб — с отроков по 10 алт. по 4 деньги, с двоеженцев вдвое, с троюженцев втрое; с духовных изустных памятей, и с судных и всяких дел с рубля по гривне, да переусу и правого десятка по 7 алт. по 2 деньги; с похоронных памятей по 9 алт. по 2 деньги». 4) Вышепомянутая память дает «разыскивая: если кто умер ско-

ропостижной смертью, или утонул, или убит, или подобно тем скорым смертям, что ино содеется — и таких людей велит погребать при церкви Божией с отпеванием; а если кто сам зарезался, или обесился, или нарочно в воду бросился, — и таких людей при церкви Божией погребать не велит, а велит закапывать в пустых местах в лесу, или в поле, от жилых мест вдали». 5) В случае окажется, «что некоторые городские — соборные, приходския и сельския церкви и часовни еще давно не обложены, — облагает их, смотря по приходам и применяясь к окладам других церквей; вносит их в окладные книги и собирает с них оклады». 6) «Смотрит над попами по всей десятине и проведывает, чтоб у них в церквах Божиих было благочинно, в два голоса не пели бы и не говорили, выжидали б концов, и безчинства никакого не чинили, и в кабаки не ходили и вино не сидели и не торговали им, и пив безьявочно и безвременно не варили, а буде кому случится пива сварить к празднику, или к родинам, или к крестинам, или на свадьбу, и десятник дает о том память, чтоб варили не по большому месту и выпивали бы вскоре с тихостию, и церкви Божии снабдевали, а без пеняб в цер-

²⁶ Под «правильными» и «неудообразсудительными» делами следует понимать такие, которые подлежат решению архиерейской власти на основании апостольских и соборных правил.

²⁷ От слова «дань».

²⁸ Новым дьячкам, пономарям и просфорням.

квах Божиих не было, и детей бы духовных и прочих православных христиан от божественного писания поучали, чтоб они такожде в церковь Божию приходили безленостно». Виновных и непокорных смиряет сам или отсылает в Тобольск. 7) Церковных и часовенных старост во всякой церковной казне, в приходе и расходе, по все годы считает, правит с них по начету деньги, неисправных и пьяниц сменяет. 8) Во время своих разъездов по десятине берет с попов и причетников подводы, подъячего для письма, денщика для розысков, пользуется готовой квартирой с дровами, пищей и кормом для лошадей²⁹.

Инструкция эта по временам разъяснялась и дополнялась грамотами и указами. Так, в 1699 г. митрополит Игнатий, получив из Москвы от патриарха Иоакима особую уставную грамоту, установил по епархии сбор за вечные памяти в следующем размере: «с отрока, который женится на девице — 4 алт. (вм. преж. 10 алт. и 4 ден.); с отрока, женившегося на вдове второбрачной, по 6 алт.; с двоеженца, который женится на

девке, по 6 алт.; со вдовцев, которые женятся на вдовах, оба старым браком — по 8 алт. и 2 д., со вдовцев, которые женятся третьим браком на вдовах и на девках, и с отроков, женившихся на вдовах троебрачных, по 10 алт.³⁰ В 1691 году митрополит Павел установил и «указал в своей архиерейской епархии: в Тобольске, в тобольском, верхотурском и енисейском разрядах по городам, слободам, острогам, селам и деревням собирать в архиерейскую казну с «блудников» мужчин, женщин и девок пенных и черевных денег по 2 р. 8 алт. и 2 деньги с каждого лица»³¹. Митр. Игнатий в 1696 г. возвысил эти взыскания до 5 р. с каждого виновного³² и т. д.

Вверяя отдельные части епархии управлению десятинников и «закашиков», сибирские преосвященные, само собой разумеется, не оставались безучастными и безмолвными зрителями церковно-религиозной сибирской жизни. Им принадлежало верховное управление епархией во всех отношениях. Пребывая в Тобольске, они руководили в управлении отдельными частями десятинников и

²⁹ См. грамоты, данные в руководство новым десятникам или закашикам: в 1687 г. селенгинскому игумену Феодосию; в 1693 г. преемнику его игум. Мисаилу и в 1698 г. ишимскому иером. Григорию Тушину. Древ. церк. грам. Вост. Сиб. С. 15, 46, 76.

³⁰ Грам. на Киренгу закашику иером. Григорию Тушину. Др. гр. С.89. Подобная же грамота была послана даурскому закашику, селенг. архим. Мисаилу. См., там же. С. 107.

³¹ Память закашику селенг. игум. Феодосию. Там же. С. 11.

³² Там же. С. 61.

«закащиков», настоятелей монастырей и все духовенство, разрешали им всякие недоумения, судили их и отрешали от мест, заменяя другими, рукополагали духовенство в священный сан, разрешали постройку новых монастырей, храмов и т. д. Они же, как мы уже упоминали, иногда обращались с своими религиозно-назидательными посланиями к самому народу.

В видах утверждения церковного порядка и нравственности в сибирском духовенстве и народе, преосвященные особенное внимание обращали на построение новых монастырей и храмов в отдаленных местах, начиная в них испытанных настоятелей и священников и нередко поручая этим священнослужителям наблюдение за жизнью прочего духовенства и народа. Первый Сибирский архиепископ Киприан начал свою деятельность в этом роде еще на пути из Москвы в Тобольск. Остановившись в Верхотурье, он нашел верхотурские церкви, по большей части, без священников, монастыри без настоятелей и без всякого порядка. К церквям он в то же время рукоположил священников, монастырям дал игуменов из привезенных с собой монахов, отделил монахов от монахинь, доселе живших вместе, и приказал ввести в монастыр-

кой жизни монашеский устав. Со вступлением на кафедру Киприан в короткое время (до 1625 г.) успел основать новые монастыри, снабдив их настоятелями и уставом: в Енисейске — Рождественский (женский); в Туринске — во имя св. Николая (для монахов, раньше живших вместе с монахинями в Покровском монастыре); в Тобольске — во имя Знамения Божией Матери; в Невьянске — Богоявленский. Сверх того снабдил настоятелями старые монастыри: Тагильский — Рождественский, Тюменский — Преображенский, Верхотурский — Николаевский и др. Вообще преосвященный Киприан в построении храмов и монастырей и снабжении их всем потребным действовал неутомимо, и труды его не остались напрасными. Современный летописец замечает об этом так: «слабость многую в незаконных женитвах и в иных многих духовных делах исправил и утвердил, по правилам св. апостол и св. отец»³³. Преосвященный Симеон в 1664 году разрешил построение храма нерукотворенного образа Спасителя, с двумя приделами, в отдаленном Якутске и в 1665 г. два храма — 1) святых живоначальных Троицы и 2) казанской Божией Матери — в Киренской пустыни³⁴.

³³ Прибав. к 2 Новгор. летоп. 7135 г. // Журн. Мин. нар. пр. 1849. № 10. — Ст. «Митр. Киприан».

³⁴ Древ. церк-грам. Вост. Сиб. С. 5.

Преосвященный Корнилий в 1672 г. построил Вознесенский монастырь в Иркутске³⁵. Преосвященный Павел в 1681 г. построил монастырь во имя святых Живоначальных Троицы на Селенге, послав туда настоятелем игумена Феодосия, прибывшего из Москвы по назначению царя и патриарха с 12 монахами с миссионерскими целями³⁶. Перечислять построение новых храмов в течение всего 17 в. и снабжение их священниками было бы слишком утомительно. Скажем вообще, что в энергии по утверждению порядка и нравственности в сибиряках у всех сибирских преосвященных 17

века недостатка не было. Чтобы убедиться в этом, достаточно пересмотреть собранные архимандритом Мелетием (ныне селенгинский викарный епископ) в 1875 г. и напечатанные грамоты и указы сибирских преосвященных с Симеона (1651 г.) до Антония Стаховского (1723–1726 г.)³⁷.

Недоставало в деятельности этих преосвященных только мер к обращению инородцев. Но это не от них зависело: не настало к тому еще время и не благоприятствовали обстоятельства. Обращение инородцев начинается с преосвященного митрополита Филофея Лещинского (1702–1710; 1715–1719 гг.).

³⁵ Там же С. 6.

³⁶ Там же С. 10.

³⁷ Казань, 1875.

К истории поисков золота тюменского Урала

(новые имена первооткрывателей)

Нефть и газ тюменских равнин на многие годы задержали разведку и промышленное освоение горноуральских богатств, размещенных на территории Тюменской области. Во всяком случае внимание к ним не шло ни в какое сравнение с теми капиталовложениями, которыми многие десятилетия пользовались геологи Среднего и Южного Урала. И только в последние годы, после распада Союза и в связи с утратой многих уникальных месторождений полезных ископаемых, оказавшихся за пределами России, малоисследованный тюменский Северный, Приполярный и Полярный Урал стал объектом пристального внимания. Более чем когда-то стало очевидно: не одной нефтью и газом могут прирастать богатства Тюменщины.

Мое первое знакомство с разведкой одного из самых экзотических полезных ископаемых — золота — состоялось в начале 60-х годов. Работа в Уральском геологическом управлении сопровождалась постоянными командировочными разъездами по геологоразведочным партиям и экспедициям от

Оренбурга и Магнитогорска на Южном Урале до Краснотурьинска и Ивделя на Северном. Кроме центра золотопромышленной добычи на Южном Урале Кочкаря, яркие впечатления оставили поездки в Ивдель, издавна знаменитый своей добычей россыпного золота.

Следуя своей неистребимой привычке, перед любой, достаточно удаленной от дома поездкой стараюсь заранее узнать из справочного или краеведческого материала максимум сведений о месте командировки. У меня уже не раз случалось в жизни, когда некоторые полезные сведения или подробности о городе или стране я по лености своей добывал из энциклопедий после возвращения домой. По этой причине без четкого плана посещений многое увидеть или познать не удавалось, а повторная поездка не всегда оказывалась возможной. Вот и сейчас, перед отлетом на «кукурузнике» в Ивдель, поставился выудить максимум сведений об этом уголке Северного Урала. Выяснились любопытные подробности. Оказывается, в XIX столетии район реки Ивдель с притоками (поселка

еще не было) в административном отношении располагался в Березовском уезде Тобольской губернии с центром в селе Березово, знаменитом ссылкой туда князя Меншикова, а в наше время — первым газовым фонтаном в 1953 году. Большинство открытий россыпного золота в акватории реки Ивделя, а также в долинах более северных рек, вплоть до Приполярного Урала, было сделано тюменцами и тобольчанами. Это в наши дни Ивдель стал свердловским, но так было далеко не всегда. Об именах сибиряков, первооткрывателях тюменского золота, и пойдет наш рассказ.

Первые сообщения об открытии россыпного золота на Урале под Екатеринбургом относятся к 1814 году. Спустя все-

го лишь десятилетие о находках золотоносного песка стало известно и в других местах Уральского хребта, в основном в северной части его восточных склонов. Так, самые первые заявки на отвод участков для поиска золота были зарегистрированы в 1826 году от екатеринбургских купцов Я. Рязанова, С. Черепанова и В. Харитонова, а несколько позже — от березовского (на Сосьве) купца В. Гласкова (1830 год) и управляющих казенными Богословскими заводами (1832 год). Золотоискатели проникали на Северный и Приполярный Урал как со стороны устья реки Ивделя, притока Лозьвы, а затем на север по меридиональному течению Лозьвы до широтного течения Лепеньи, так и от уездного селения Березово

Золотоискатели на берегах реки Ивделя. Фото конца XIX века.

по Сосьве в сторону Уральских гор. В зимнее время использовался олений путь от Березова в Ивдель.

Золотоискатели непрерывно привозили сведения о находках золотых россыпей. В результате только к 1854 году Алтайское горное правление (г. Томск), обладавшее в первой половине XIX века правом регистрации приисков в Сибири и на Урале, располагало 380 заявками с разных концов страны. Существенная часть заявок в разное время приходилась на долю купцов Тюмени, Тобольска, Тары, Долматово, Верхотурья и Томска. В архивных материалах Тюменского областного архива упоминаются фамилии И.П. Серебреникова (Томск, 1833); купца второй гильдии М.Я. Зайцева (Тюмень, 1836); тобольчан М.А. Вульфа (1836), доктора медицины, купцов второй гильдии И.В. Крылова (1837) и В.М. Плотникова (1840). Позже к ним присоединились верхотурский второй гильдии купец И.А. Мартмянов (1844), туринский первой гильдии купец М.Д. Воинов (1847), тюменские купцы первой гильдии Е.А. Котовщиков и И.Е. Решетников (1853).

Невероятно, но факт: в списке заявок упоминаются имена предпринимателей из Москвы, Тулы, Твери, Варшавы, Арзамаса, Саратова, Верхнего Волочка, Таганрога, Суздаля, Кургана, Шадринска, Минусинска, Енисейска, Ир-

кутска, Кяхты, Петропавловска и других российских городов. По уровню ажиотажа Северный Урал в те времена мало отличался от американского Клондайка. Кстати, среди заявок присутствовало также имя русско-американской золотодобывающей компании (1838 г.).

Многие обладатели заявленных участков в нарушение «Положения о частной золотопромышленности на казенных землях» (1838 г.), утвержденного самим императором Николаем Первым («Быть по сему»), не спешили с освоением приисков. Это встревожило правительство, и в 1854 году оно организовало Северную горную экспедицию для ревизии отводимых золотодобывающих площадей. Местом размещения экспедиции на базе казенных Богословских горных заводов стала Кушва под патронажем Гороблагодатских рудников. Обследованием приисков занимался межевой чиновник П.И. Эрикс с участием депутата Тобольской губернской Думы коллежского секретаря В.К. Панаева. Были установлены многочисленные нарушения «Положения»: отсутствовали полевые журналы и топографические планы привязки заявочных площадей, не устанавливались межевые столбы, не соблюдались правила разведки (минимальное количество шурфов на версту), обнаружались шурфы вне границ отведенных участков, а также следы горных работ, не имевших

официального разрешения, и многое другое. В целях усиления контроля за добычей россыпного золота решением правительства право на отвод участков было передано от Алтайского горного правления главному начальнику горных заводов Уральского хребта, генералу от артиллерии В.А. Глинке в Екатеринбург, а в отдельных случаях — непосредственно Департаменту горных и соляных дел при Министерстве финансов в столице. Заведование приисками на территории Березовского уезда возложили на пермского горного ревизора, подчиненного Уральскому горному правлению. Небезынтересно, что для выделения разведочной площади требовалось не только разрешение властей, но и согласие кочующих «инородцев».

О размерах добычи намытого золота можно судить по итогам работы за несколько лет екатеринбургского купца первой гильдии А. Красильникова на Аполлинарьевском прииске, считавшемся наиболее богатым. Так, в 1848 году добыча его артели достигала двух фунтов и 58 золотников, в 1851-м — около 15 фунтов. В следующем году удалось намыть два пуда и три фунта. В среднем добыча золота составляла от 7 до 60 долей на 100 пудов промытого песка (доля — это по весу приблизительно сотая часть золотника). Нередко старатели отмечали «убогость песков» (Семеновс-

кий прииск С.В. Сигова и др.) или присутствие проб неудовлетворительного качества («неблагодатные знаки», «неблагодатная россыпь»).

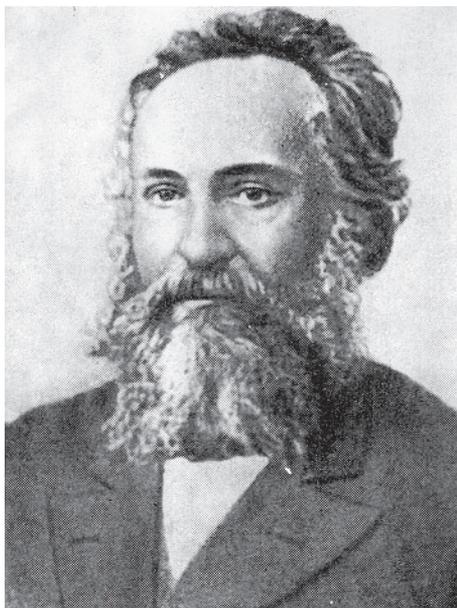
В Тюменском областном архиве хранится любопытное дело Первого департамента Уральского горного правления (Ф. И-132. Оп. 1. Д. 7) с материалами 1858 года о работах артели, нанятой тюменским купцом первой гильдии А.Г. Глазковым на поиски россыпей в северной части Березовского уезда в районе речек Крутая и Сухая. Интересен состав отряда: промывальщик — туринский мещанин Иван Панаев, инородец Муса Авгаев, тюменский мещанин Ефим Матвеев, крестьяне Тюменского округа Каменской, Созоновской и Ларихинской (Ишим) волостей Ефим Викулов, Семен Ершов, Лев Торопчин, Николай Рюпин.

Приложил руку к поискам россыпного золота и неизвестный в зауральских краях предприниматель Поклевский-Козелл. В 1863 году им была отправлена изыскательская партия из десяти человек и одного штейгера к речкам Манья и Народе. Он действовал по доверенности от имени варшавского потомственного почетного гражданина купца первой гильдии В.П. Кузнецова. Его инициалы и сохранились на межевых столбах, установленных штейгером: «В. П. К.».

Дело в том, что по правилам «Положения» на межевых

столбах должны были быть указаны инициалы заявителя. Некоторые из столбов удается находить и в наше время с такими знаками: «А. Г. Г.» («Алексей Григорьевич Глазков»), «О. С. П. К. С. С.» («отвод Семеновского прииска купца Семёна Сигова»), «И. В. О.» («Иван Васильевич Окошников», тюменский купец второй гильдии, 1857 год) и другие, им подобные. Кстати, поверенным И.В. Окошниковова и руководителем артели, отправленной на приток Лозьвы реку Ушму, был ялуторовский мещанин И.О. Бурлаков.

В последней трети XIX столетия ажиотаж вокруг североуральских золотых россыпей заметно снизился. Причиной тому стало невысокое содержание золота, приходящегося на единицу объема добытой из шурфов горной породы. Невелика была и мощность золотоносного слоя песка — от 0,5 до 1,5 аршина. Наибольшие сложности при выполнении горных работ доставляло старателям постоянное затопление глубоких, до восьми аршин, шурфов водою от подземных и паводковых притоков. Отмытое золото едва окупало вложенные средства. Разорились мелкие частные артели. На плаву остались только те, кто обладал крупными капиталами, либо отряды акционерных обществ

*Геолог Е.С. Федоров.
1900-е годы*

или концессий. Например, в 1898 году предприниматели И.И. Ланге и Г.В. Грязнов совместно с представителем английской «Новой компании изумрудов» в городе Екатеринбурге Н.А. Нечаевым организовали «Первое североуральское горнопромышленное общество» с капиталом три миллиона рублей. Компания получила право на разработку россыпей по рекам Манье, Сыгве и Ятрии. Рассказывают, что заявочные столбы компании с медными табличками, датами установки (1900—1914) и текстом на английском языке стояли в устье

Маньи еще совсем недавно. С началом первой мировой войны работы прекратились.

В историю поисков золотых россыпей в районах тюменского Урала навсегда вписано имя выдающегося русского геолога, основателя научной кристаллографии, директора горного института Евграфа Степановича Федорова (1853—1919). В 1885—1895 годах — десятилетие наивысших творческих достижений ученого — он работал на Северном Урале. В экспедиционных поездках Е.В. Федоров об-

следовал от истоков до устья реки Лозьву, Сосьбу, Нясы и многие другие. Добирался до широты 64 градуса, а это Саранпауль и Березово.

Разведки золота на тюменском Урале ведутся геологами и в наше время. Их усилия в основном сосредоточены на поисках коренных месторождений золота либо на рудах, в составе которых выявлены запасы благородного металла. Промышленная добыча золота в россыпях сохранилась только в районе Ивделя.

Первый директор музея Тобольского Севера

Михаил Петрович Тарунин, один из крупнейших представителей краеведения Сибири, родился в 1889 году в Тобольске.

Научно-исследовательскую работу Тарунин начал лаборантом по зоологии и ботанике Тобольского учительского института. Занимаясь изучением тобольской фауны, специализировался, главным образом, по орнитологии. В 1920 году Тарунин закончил специальные курсы «Сибиреведения» и курсы по подготовке исследователей природы в Томске. По возвращении в Тобольск он занялся исследованием местной фауны, отдавая предпочтение экологическим

вопросам. С того же времени он начал вести систематические фенологические наблюдения, за что в 1929 году получил премию на Всесоюзном конкурсе фенологов.

Уже за этот период (1918—1929 гг.) Таруниным была собрана значительная коллекция птиц. Почти все виды животных, представленные в экспозиции музея в двадцатые годы, были заготовлены Михаилом Петровичем лично. Им были собраны большие коллекции насекомых, земноводных, пресмыкающихся и млекопитающих.

Широкому познанию М.П. Таруниным Обского Се-

вера во многом способствовало то, что он одновременно с исследовательской деятельностью принимал самое активное участие в организации и работе Тобольского государственного музея как его директор (1920—1930 гг.) и затем как старший научный сотрудник (1934—1943 гг.)

Экспозиция отдела природы непрерывно пополнялась новыми сведениями. Большую роль в этом сыграли личные сборы и наблюдения во время экспедиций и экскурсий, которые Тарунин совершал как в одиночку, так и с группой музейных работников. В начале двадцатых годов его частыми спутниками были члены секции М.И. Соломатова, И.В. Мельников, И.В. Кучин, С.Д. Рачинский, А. Падерин, Тимофеев, Коренев. Постоянным спутником Тарунина в лесу была и его жена, коллега по работе Ольга Андреевна. В лес выходили и утром, и вечером. Даже самые плохие погодные условия не пугали смелых путешественников.

Из леса Тарунин и его коллеги никогда не возвращались с пустыми руками. Хотя приходилось испытывать и усталость, и холод, и даже голод, всегда несли из леса не только новые знания и свежие впечатления, но и богатую добычу в виде птиц, мелких животных или гербариев из трав и цветов. В основном экскурсии совершались в ближайшие окрестно-

сти Тобольска: в Сузгунские юрты, в верховье речки Надежки, на Дуанское, Овсянниковское и Субаевское озера, на Панин Бугор, в Жуково, на Дальний Ерек, в Татарскую дорожку, в Сузгун и в верховье Мостового Лога.

Свои ежедневные наблюдения Тарунин записывал в «Дневнике любителя орнитологии». Он очень точно подмечал, каких птиц меньше, каких больше, как себя ведет каждая особь. Такие наблюдения во многом способствовали выработке у Тарунина правильных научных взглядов. Свои отличные знания природы родного края, свои представления о ней Михаил Петрович вложил в экспозицию своего отдела.

В двадцатые годы Таруниным было собрано огромное количество книг и наглядных пособий. На ландшафтно-географической карте, помещенной в экспозиции, был показан весь Обь-Иртышский бассейн, частью которого являлся Тобольский район. Огромное количество экспонатов, тщательно размещенных в залах, завершало цельную картину природы края.

Тарунин очень умело сочетал в себе качества талантливого ученого-исследователя и педагога. С 1932-го по 1940 гг. Михаил Петрович вел курсы ихтиологии и гидробиологии в Тобольском рыбопромышленном техникуме. В течение мно-

гих лет был членом Общества изучения края при музее Тобольского Севера и председателем естественно-географической секции.

Большой заслугой Тарунина является организация и руководство им кружка юных натуралистов при городском музее. Ему удалось собрать вокруг себя значительное число любителей природы, будущих естествоиспытателей, работа с которыми стала для него равнозначной наряду с прямыми обязанностями. В основном это были учащиеся старших классов средних школ, учащиеся техникумов. Программа работы кружка в разные годы была различной, но в основном она разбивалась по четырем главным направлениям: 1) исследование местных водоемов: водных растений и животных, их хозяйственное значение; 2) изучение местной дикорастущей полезной растительности (грибы, ягоды, лекарственные растения и т.п.); 3) изучение местной наземной фауны; 4) изучение местного биоклимата, фенологические наблюдения¹.

Результаты своих наблюдений ребята обрабатывали сами и отправляли в Свердловскую фенологическую комиссию Географического общества Со-

юза ССР Академии наук. Под руководством Тарунина учащиеся занимались изготовлением набивных чучел птиц и зверей, а также фотоделом. Кроме того, изучение юннатами водоемов оказало существенную помощь научным экспедициям в Тобольске: экспедиции Всесоюзного института экспериментальной медицины, организованной доктором медицины Н.Н. Плотниковым в 1940—1941 гг., и экспедиции Омского медицинского института под руководством профессора М.Э. Винникова в 1945—1946 гг. Ребята регулярно выступали по радио, писали статьи в газету «Ленинские внучата» и журнал «Юный натуралист».

Количество учащихся в кружке непрерывно росло. Если в 1945 году в нем состояло 14 человек, то в 1946-м — 21. А в 1955 году существовало уже два таких кружка: в первый входили 19 учащихся из младших классов, во второй — 14 старшеклассников².

Помимо теоретических занятий в кружке проводились и практические лабораторные работы, совершались походы и экскурсии на природу. Ребята учились разжигать костер, определять части света, узнавать направления передвижения птиц и зверей.

¹ Значение юннатского движения и кружка юных натуралистов при Тобольском государственном музее. ТГИАМЗ. Научный архив. К/п 18883. Д. 123.

² Отчет о работе Тобольского краеведческого музея по отделу природы за 1955 г. ТГИАМЗ. Н/а, к/п 18883. Д. 52—58.

Многие из бывших юннатов впоследствии получили высшее образование. Так, И. Ермакова, И. Телешев, А. Сосунов, В. Барсуков стали известными научными работниками. В геологической экспедиции на Полярный Урал, организованной Географическим обществом Академии наук СССР в 1946 году, принял участие один из лучших учеников Тарунина П.А. Пантелеев, ныне доктор биологических наук.

С февраля 1931-го по июль 1932 г. Тарунин являлся заведующим Шухтункуртским биологическим пунктом Кондо-Сосьвинского боброво-соболиного заповедника. С этого момента началась его плодотворная деятельность в области изучения промысловой фауны. За время работы в заповеднике Тарунину удалось собрать коллекцию из 138 птиц. Результатом же наблюдений и сборов явились две его крупные работы: «Промысловые и другие птицы бассейна реки Малой Сосьвы», «Городковый промысел уток на сорах бассейна реки М. Сосьвы».

Работая в Кондо-Сосьвинском заповеднике и на реке Ендырь, Тарунин в основном занимался изучением биологии промысловых зверей и птиц, уделяя особое внимание изуче-

нию биологии соболя, белки и бобра.

Чтобы отловить и закольцевать необходимое количество птиц, Михаилу Петровичу приходилось длительное время их выслеживать. Затем, чтобы определить вес, период размножения, состав корма и степень зараженность различными паразитами, Тарунин производил вскрытие пойманных экземпляров и анализировал результаты. Он определил, что в разное время года процент зараженности птиц паразитами был различный. Анализируя состав корма, Михаил Петрович сделал вывод, представляющий научный интерес, — факт самолечения птиц хвоей. Тарунин определил границы распространения каждой особи, постоянные места обитания, время пролета, место гнездования и т.п. Им зафиксированы все годовые периодические явления некоторых промысловых птиц, таких, как тетерева, рябчики, куропатки, глухари и др.

Характеризуя промысел уток в обследованном им районе, Тарунин указал и на причины его падения. Далее он сделал подробное описание основного городкового промысла³, имеющего огромное экономическое значение для региона.

³ Лов уток петлями. Городковый промысел уток на сорах бассейна реки Малой Сосьвы. ТГИАМЗ. Н/а, к/п 18883. Д. 245.

Среди всех водоплавающих птиц, исследуемых Таруниным на Малой Сосьве, он детально описал те из них, которые имели наибольшее экономическое значение как для местного населения, так и для развивающихся на местах факторий. Это турпан, синьга, морянка, морская чернеть и др. Тарунин определил четыре наиболее обильных дичью района: Мол-тор, Лэптэн-тор, Села-тор и Ем-тор.

Проводя ежедневные наблюдения за перелетами птиц, Тарунин определил лучшие места их обитания: березовые леса с густыми еловыми и пихтовыми подлесками (устье рек Ортас и Ем-еган). Он выявил самые многочисленные и широко распространённые виды птиц в этих местах.

Из года в год Тарунин вел также наблюдения за весенним прилетом и осенним отлетом птиц.

За 34 года работы по изучению орнитофауны Тобольского района ему удалось также собрать значительную коллекцию редких и случайнозалетных птиц нашего края, среди которых чернобрюхий рябок, огарь, пеганка, белоглазый нырок, длиннохвостый снегирь, зеленушка, пестрый дрозд. Из редких, но гнездящихся птиц им добыты стерх, черный аист и осоед.

О результатах своих наблюдений Тарунин писал в журналах «Урагус», «Уральский охот-

ник», а также в «Бюллетене Общества изучения края при музее Тобольского Севера».

Кроме научной и педагогической деятельности, Тарунин занимался и санитарно-просветительской. Категория слушателей его лекций была самая разнообразная: учащиеся педагогического и технического училищ, Дома пионеров, школ города и района, работники библиотеки и промышленного комбината областного Рыбного союза, медицинские работники города и района, студенты Омского медицинского института и др.

За 40 лет работы Тарунина в музее отдел природы в значительной степени был обновлен и пополнен богатейшими коллекциями насекомых, гербариями, искуснейше сделанными чучелами животных. К 1955 году в экспозиции отдела появились новые разделы: геологическое строение и рельеф края, полезные ископаемые, климат и фенология края, воды края, лесная зона края. В практику было введено создание выставок. Выставки были как стационарные, так и передвижные.

После смерти краеведа (1967) его личные вещи и труды были помещены в экспозиции и научный архив Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. Научное наследие М.П. Тарунина требует дальнейшего, более глубокого исследования.

Легенды и духи Казыма

В традиционных культурах обских угров, как и в любом архаическом обществе, главенствующую роль играют религиозно-мифологические представления. Организация мирового пространства и вся жизнь людей в окружающей природе всецело находятся в руках верховных божеств и духов-покровителей. Пантеон обских угров в настоящее время, казалось бы, известен достаточно полно. В то же время мир местных духов-покровителей и их роль в жизни отдельных групп ханты и манси изучены еще недостаточно.

В 1994 году мне посчастливилось работать в составе этнографической экспедиции на реке Казым — правом притоке Оби (Белоярский район ХМАО). Экспедиция собирала сведения о культовых объектах казымских ханты. Помимо данных об архитектурной и ландшафтной специфике культовых объектов, мне удалось собрать и записать сведения о культовой обрядности и духах-покровителях реки Казым. Кроме того, в беседах с хранителями духовных традиций казымских ханты Семеном Михайловичем и Зоей Никифоровной Лозямовыми были записаны интереснейшие легенды о местных духах-покровителях. Конечно же, это лишь часть чудесного мира казым-

ских духов, но познавательная и научная ценность их, на мой взгляд, несомненна.

В число семи святилищ «пупы-сязи» — «священных бабушек», расположенных в среднем течении Казыма, входят:

1. Лаль-юхан-пупы-сязи — «священной бабушки военной реки», принадлежащее родам Харамзеевых, Григорьевых, Лозямовых;

2. Ай-хар-сангхум-пупы-сязи — «священной бабушки людей маленького песчаного яра», принадлежащее родам Волдиных, Артямовых;

3. Хар-сурт-пупы-сязи — «священной бабушки отрезка берега», принадлежащее роду Рандымовых («хар-сурт-ех» — самоназвание рода Рандымовых);

4. Осетн-пупы-сязи — «священной бабушки жителей (для загонной охоты) конца изгороди», принадлежащее родам Вагатовых, Тарлиных;

5. Ващ-ехум-пупы-сязи — «священной бабушки узкого бора», принадлежащее роду Лозямовых (самоназвание рода — «мушонг-ех», «му-анг-ех-ленх» — дух-хранитель рода).

Названия и местонахождение остальных двух святилищ из-за недостатка времени выяснить не удалось.

Основной персонаж святилищ — «пупы-сязи», дочери не-

видимых лесных духов «вэнтлонх». Их называют «семь сестер», но, очевидно, вследствие принадлежности к одной категории духов, они являются дочерьми лесных духов разных мест.

Они родились и жили до появления людей на земле (время до установления жизни человека на земле называется «тарнаиг-ар-йис»). В то время Ас-тэ-ики («верховьев Оби мужик» — «дух-хранитель Верхней Оби»), который ездит на рыжем (золотом) коне, вел войны с лесными духами за установление человеческой жизни на земле. Его священное место находится недалеко от поселка Троица, в устье Иртыша. Тогда воевали за установление человеческой жизни и другие почитаемые казымскими ханты священные духи: Войт-ики — «луговой стороны Оби дух-хранитель», ездящий на белом коне. Его святое место находится близ устья Казыма. Другой дух, Ем-вош-ики («священного города мужик»), ездит на черном коне. Его священное место находится у поселка Емвош, недалеко от Березово. На черных конях ездят Аот-ики и Хэнь-ики. Священное место Хэнь-ики — в Обской губе.

Лесные духи, с которыми велась война, — невидимы. Они не оставляют даже следов на земле, могут находиться вокруг людей, но их не будет видно. Выглядят они, как люди, но страшны настолько, что если человек их увидит, то умрет от страха. Сами бы

они не позволили людям жить на земле, и Ас-тэ-ики с друзьями воевал с ними за установление человеческой жизни. Он воевал, побеждал, брал их дочерей в жены и назначал покровительницами территорий, чтобы они оберегали людей от лесных духов и других врагов. Для того, чтобы «пупы-сязи» могли защищать, на святилище обязательно должны быть положены сабли. «Пупы-сязи», покровительницы рода, являются и хранительницами его территории. Территория рода — строго определенная, поэтому святилище «пупы-сязи» нельзя перенести в другое место даже в том случае, если все представители рода переедут куда-либо.

Святилища, как правило, располагаются в глубине террасы берега р. Казым, на небольших островках или гривах, примыкающих к ручьям или старицам. Их территория — строго зонированна. Центральный объект святилища — лабаз, представляющий собой дощатый сруб на двух ножках — кедровый пнях. Размеры срубов в осях — 2,05х2,05, высота от пола до конька — 1,4—1,7 метр. Сруб приподнят от земли на 1,5—2 метра. Во время свершения ритуальных обрядов ко входу в лабаз приставляется лесенка — бревно с вырубленными в нем ступеньками. В остальное время лесенка лежит под лабазом.

В лабазе хранится обрядовый инвентарь и приношения («приклады») духам: ведра,

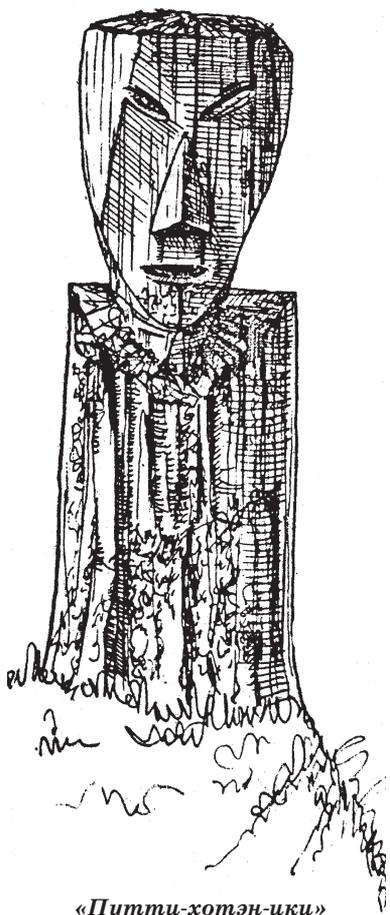
чайники, сундуки с халатами и платками, медвежьей шкуры, жертвенные покрывала, лапы и черепа медведей и т.д. На жердях под крышей лабазы обычно висят лоскутки цветных тканей — свидетельства о количестве принесенных в жертву оленей.

В нескольких метрах от лабазы, как правило, к югу, обычно находится священная береза, рядом с которой лежат оленьи черепа, пустые бутылки. Здесь совершается ритуал «угощения» верховных богов. Недалеко от березы стоят идолы «путти-хотэн-ини» — «домашнего котла женщины», то есть поварицы дома духов, и «путти-хотэн-ики» — «домашнего котла мужчины». Идолы вырублены из кедровых пней. Между ними обычно располагается ритуальное кострище.

Кроме того, на периферии святилищ встречаются сосны с затесами, на которых имеются зарубки. Последние можно разделить на два вида: изображения родовых знаков и количественные отметки. Возможно, здесь содержится информация о родах и количестве человек, посещавших святилище.

Культовые обряды

По словам ханты, когда священный лабаз становится старым, его заменяют и переносят на новое место. Нельзя дожидаться, когда священный лабаз упадет на землю. Одним из признаков того, что лабаз становится

*«Путти-хотэн-ики»
котла домашнего мужчины*

старым и дух не желает в нем жить, является то, что вещи и предметы погрызены мышами. Необходимо спросить духа, куда он хотел бы переехать на новое место. Получить ответ могли только шаманы. Хозяин святилища шел к шаману, просил его

узнать у духа, куда переносить святилище. Шаман выбирал новое место, на котором совершался специальный обряд: забивали не меньше трех оленей, делали поры (бескровные жертвы). Культурные обряды, совершаемые на святилище, могут быть кровавыми (ир), когда в жертву духам приносят оленей, и бескровными (поры). Как правило, оба вида обрядов совершаются одновременно, но иногда «угощение» духов не сопровождается жертвоприношениями. Посещают святилище и закалывают оленей, как правило, зимой. Никакой особой еды ханты специально не готовят, приносят с собой то, что едят в повседневной жизни сами.

Чтобы собраться на святилище, люди между собой договариваются заранее о месте сбора. На святилища «пупы-сязи» могли приезжать все желающие — казымские, назымские ханты. Кроме Волдиных и Вагатовых, приезжали Тарлины, Лозямовы, Молдановы, собиралось человек по 20—30.

Если договаривались делать жертвоприношение, привозили здоровых и жирных оленей. Есть специальные олени: их семь лет держат для жертвоприношения, не едят на них. Кроме этих, в жертву могут приносить оленей, достигших трех, пяти, семи, девяти лет (число всегда нечетное). Девять лет — последний срок предназначенному в жертву оленю. Если в девять лет не закололи, в одиннадцать лет он сам

умирает — его забирают духи. Олени могут быть любого цвета. Бывает, по семь голов за одно посещение режут разным богам.

Когда оленей приводят на святилище, их держат подальше от костра. К лабазу приставляют лестницу с семью ступеньками. Кто-то один (чаще старший по возрасту) поднимается, открывает дверь и дымом тлеющего древесного гриба, насаженного на палочку, окуривает внутренность лабаза. В это время человек обращается к «пупы-сязи», чтобы она сама пришла и других духов позвала. Женщины разводят костер, растапливают снег, готовят чай. Кто-то забивает и разделывает оленя.

Оленей забивают одного за другим. Один человек (кто сильнее) колет всех оленей. Вначале бьет обухом топора по голове, потом ножом в сердце. Покрывало (ткань, которую привезли) повязывают на рога. Участники действия знают, какому духу предназначается конкретный олень: на какого белую ткань накинуть, на какого — платок, которого ритуальным халатом покрыть. После того, как оленей забили, одеяния снимают и оставляют на священной березе.

Каждому духу предназначается олень определенного цвета и соответствующее одеяние:

1. Первого оленя (быка) приносят в жертву всевышнему (Торуму). Для него должна быть рубаха, к рогам оленя привязывают белую ткань. Мясо этого

олень едят только мужчины, шкуру не забирают и вместе с головой оставляют на святилище. Рубаху и ткань с рогов оленья по завершении ритуала вешают на священную березу.

2. Второго оленя (важенку) забивают для Торум-анки (матери божьей). Важенку накрывают платком. Женщинам мясо этой важенки тоже не дают, едят только мужчины.

3. Затем посвящают оленя Войт-ики («дух противоположной стороны Оби»). Накидывают на него рубашку, на рога — белую ткань. Женщины это мясо не едят. Шкуру по окончании ритуала вешают на березу.

4. После Войт-ики забивают оленя для Ас-тэ-ики («дух вершины Оби»).

5. Следующий олень приносится Ем-вош-ики («святого города мужик»).

6. Затем олень для Аот-ики.

7. Последний олень предназначен Хэнь-ики.

Когда забивают оленей, читают молитву — обращение к каждому из богов, кому посвящается олень. Духам, рангом ниже Войт-ики, начиная с Ас-тэ-ики, а также «пупы-сязи», шкуры забитых оленей не оставляют, а используют сами. Пока оленя разделяют, поспевают чай. Все принесенное из еды заносят в лабаз. Каждый, кто приходит впервые, перед тем, как подняться в лабаз, кладет на ступеньки лестницы монеты. По окончании обряда лестница убирается, мо-

неты падают и остаются на земле. В лабазе едят сырое мясо. Затем, когда сварится мясо в котлах, его тоже заносят в лабаз и продолжают пиршество.

Кроме вышеописанного ритуала с жертвоприношением оленей, существует особый обряд, связанный с почитанием Ас-тэ-ики. Происходит это в тех случаях, когда мужчина женится в первый раз и начинает вести самостоятельную жизнь. Это делают для того, чтобы ему сопутствовала удача, чтобы дети были здоровы, чтобы олени плодились и в семье был достаток. Молодожен приводит на святилище для Ас-тэ-ики оленя, покрытого покрывалом. Покрывало готовят заранее: приглашают женщину, которая может его вышить, приводят ее в дом, садят за занавеску, чтобы никто ее не видел и ей не мешал, потом дарят ей за работу оленя. Как и все ритуальные вещи, покрывало шьют до полнолуния и нечетное число дней. На нем изображается всадник на коне — Ас-тэ-ики. После того, как забили оленя, покрывало снимают и оставляют на святилище. Каждая семья делает свое покрывало. Мясо этого оленя разрешается есть и женщинам.

Молитва на святилище

Со слов С.М. Лозямова, обращение к духам (молитва) звучит так: «Я вам ставлю бутылку, ставлю рюмку. Вы, конечно, не

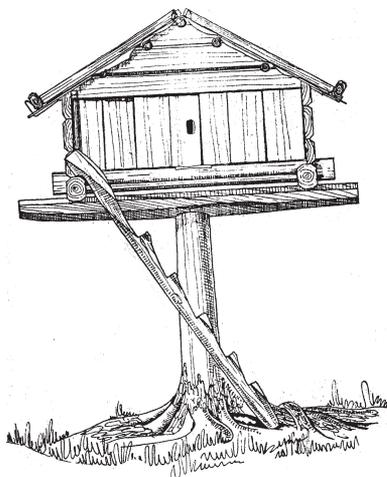
пъете, а только запах возьмете. Я из уважения вам поставил, чтобы вы подумали (поспособствовали), чтобы жизнь у нас была хорошая, угоды использовались хорошо (были богатыми), чтоб убивали все (зверя и птицу), что надо, и рыба чтоб была, чтоб повезло и все нормально было. Если нормально будет, мы еще в следующее время придем. Приду, оленей приведу, бутылку привезу. Чтобы мы не болели, а они (боги) поддерживали».

Все это говорится для «пупы-сязи». Потом, по поверью, эти слова она разложит сама: каким богам и что говорить. «Пупы-связи» может обращаться к следующим богам: Ас-тэ-ики, Войт-ики, Ем-вошки-ики, Аот-ики, Хэнь-ики.

Охотничий ритуал

Существует другой обряд, отправляемый не на святилище. Цель его совершения — обращение к лесным духам («вэнт-ленх-вэрум-мэнк» — «лесной-дух гривы-хозяин тайги», «лесной дух гривы»). Самый главный среди них — это «мэнк». Он дедушка «пупы-сязи», он выше всех их.

Для Вэрум-мэнк забивали оленя в лесу, далеко от святилища, обычно на какой-нибудь гриве, на возвышенности, возле березы в чистой тайге, куда человек поехал на охоту (такие места считаются домом лесных духов). Охотник обычно выбирает молоденькую красивую

Святилищный лабаз

березку, забивает оленя, шкуру и голову оставляет, вешает на эту березу. Приносят жертву лесным духам для того, чтобы удача была, чтобы жив-здоров вернулся, чтобы все в лесу было нормально.

Легенды, связанные с персонажами святилищ и религиозными представлениями

Во время исследований, со слов Семена Михайловича Лозямова, было записано несколько легенд. Одна из них посвящена происхождению «пупы-сязи». Какой именно из семи почитаемых «пупы-сязи», выяснить не удалось. Поскольку легенда была рассказана Семену Михайловичу его отцом, т.е. бытовала в их

роду, вероятнее всего, она повествует о «Ващ-эхум-пупы-сязи» — покровительнице рода Лозямовых. Во всяком случае во всех легендах про «пупы-сязи», по словам Лозямова, наблюдается единая канва событий: Ас-тэ-ики воюет с невидимыми лесными духами («вэнт-ут» или «вэнт-лонх»), побеждает их, забирает себе дочь главного духа и женится на ней. Через какой-то период, перед наступлением «человеческой жизни» («тарнанг-арийс») женщина становится «пупы-сязи» и берет под свое покровительство определенный род.

Легенда о «Ващ-эхум-пупы-сязи»

Ас-тэ-ики жил с женой и братьями своей жены. Его жена — самая младшая в семье. Он представлялся братьям жены никудышным охотником: позже всех на охоту уходит, раньше возвращается и меньше всех добывает.

Пошел Ас-тэ-ики в первый день на охоту, день и одну ночь ходил, добыл 30 соболей, но домой не принес, спрятал в лесу в снег, как будто он ничего не добыл. Братья жены пришли, по 20 штук добыли. Дома его спрашивают: «Что ты добыл?». Он говорит: «Одного добыл, в лесу ободрал, мясо съел. Мне это бог дал. Большое ему спасибо». Братья жены ему говорят: «Если так добывать будешь, как жену будешь кормить, как тещу будешь кормить?».

В следующий раз пошли на охоту. Ас-тэ-ики добыл 50 соболей. Спрятал их в лесу, домой не понес. Приехали братья жены, спрашивают: «Что добыл?». — «Пару штук добыл. Мне бог дал две штуки, я ободрал, мясо сварил, съел и мне хватило».

В третий раз собираются на охоту. Ас-тэ-ики задумал показать братьям жены свою силу и удачливость. Он спросил их, как они пойдут, чтобы обойти перед ними по кругу, а они его не заметили. Дал круг, 70 штук соболей добыл. Обоих братьев обошел вокруг: в одну сторону — в лес, в другую — домой. Полный мешок соболей добыл, три штуки оставил. Ободрал, сварил, мясо съел, шкурки оставил, остальных в мешок положил, мешок завязал веревкой, спрятал в снег. Домой пришел. Братья жены пришли: «Что добыл?». — «Бог мне хороший день дал, я три штуки убил». Братья хохочут: «Если так будешь убивать, по три штуки, как жену будешь кормить и тещу будешь кормить?». Он внимания на их слова не обращает. Покушали. Ас-тэ-ики начал разговор: «Давайте играть будем». Он конец веревки оставил на последнем месте, где соболей добывал и спрятал.

А старший брат другой разговор заводит: «Вот сегодня там, где я ходил, я следы видел. Муж сестры не найдет того человека. Вот бы поймать такого человека. След шага лыжи у него —

метра три. Быстро ходит. Вот это зять был бы для нашей сестры. А это (показывает на Ас-тэ-ики) — не зять». Это сам Ас-тэ-ики специально следы оставил и отвечает: «Может, это я ходил?». Тогда старший брат говорит: «Если бы ты ходил таким шагом, ты бы добывал побольше!».

Тем временем Ас-тэ-ики настаивает: «Давайте играть будем». Конец веревки показал и говорит: «Веревки конец возьмите и ищите, куда она идет». Старший брат жены вытягивал, вытягивал веревку — не мог поднять. Ас-тэ-ики говорит: «Ну что, не можешь поднять? Куда один конец зацепился?». «Давай», — говорит второму брату. Этот брат — самый младший, а всего их три брата. А самый младший — за Ас-тэ-ики стоит (на его стороне). Двое других Ас-тэ-ики ненавидели.

Ас-тэ-ики говорит опять: «Сейчас продолжать играть будем. Ты конец веревки ищи, куда он пойдет». Стал брат жены тянуть, а конец веревки под снег уходит. Ас-тэ-ики говорит: «Ну, вытягивай его, чего там есть?». Тот вытягивал, вытягивал — не мог вытащить. Он второму брату говорит: «Давай, вытащи». Тот никак не мог вытащить. Ас-тэ-ики сам пошел, одной рукой взял веревку, вытянул мешок с соболями и говорит: «Давайте считайте — или вы больше убили, или я». Видят братья жены — полный мешок соболей. Считали, считали — всех больше соболей у Ас-тэ-ики.

Братья жены давно задумали отправить Ас-тэ-ики воевать с ненавидимыми (невидимыми) лесными людьми, чтобы те убили его, потому что братья жены не любили Ас-тэ-ики. А теперь решили: «Завтра пошлем его на битву с невидимыми людьми. Они его убьют».

Утром начал командовать старший брат. «Ты, — говорит он Ас-тэ-ики, — туда иди, там соболей много бывает». Это он Ас-тэ-ики туда отправлял, где стоял город невидимых людей. Пошел туда Ас-тэ-ики. Видит: точно, лиственницы (лиственный лес) стоят. Он подошел, и соболю вылетел из лиственницы. Он из лука выстрелил, соболя завалил, и тут разговоры начались между невидимыми людьми: «Откуда такой появился? У нас последнюю кошку убил». Кто-то из них говорит: «Давайте догоняйте, убивайте. Смотрите, чтобы в левую часть груди не попал. Если туда попадет, это плохо для нас обернется». Ас-тэ-ики этот разговор понял, соболя поднял и рванулся. Обернулся и увидел, что один невидимый идет (одноголовый). Он лук взял, прицелился и под сердце ему выстрелил. Тот упал на лед. Попал Ас-тэ-ики прямо под сердце ему. Второй идет — двухголовый. Ас-тэ-ики из лука выстрелил и попал камнем под сердце — сантиметрах в десяти. Двоих убил. И спокойно домой пошел.

Пришел домой, братья жены недовольны. «Наверное,

— думают, — не ходил туда, если бы ходил, не вернулся бы живой». Ночевали. Встали. Ас-тэ-ики говорит им: «Там я двух лосей убил (где точно — не говорит), завтра сходите ободрать». Специально отправляет их, чтобы они там, в городе невидимых людей, срыв (разрыв) сердца получили (если невидимых увидишь — разрыв сердца будет). Младший брат говорит: «Я сам пойду». А Ас-тэ-ики ему знак подает, рукой махнул: мол, не ходи. Младший понял. «Ладно, — думают другие братья, — пойдем сходим, обдерем». Ас-тэ-ики говорит: «Я никуда не пойду». Он сам и младший брат не пошли. «Сейчас, — говорит Ас-тэ-ики, — рассчитаем время, когда они туда подойдут, разрыв сердца получат и их жизни конец. А я-то все равно доживу». Другие братья пошли. Они думали, что лось, а оказалось — лесные духи.

Минут 10—15 прошло, старшие братья умерли. Ас-тэ-ики показывает младшему брату, к которому хорошо относился: «Вот в этих трех местах я соболей спрятал: в одном месте 50, первый раз где заночевали — 30 соболей. Я там веревочки кончик оставил, найдешь, все собирай, неси домой, езжай к матери и сестре, поживи, а я пойду воевать». Собрался идти он к невидимым людям, так как знает, что если двоих он убил, то все равно остальные его искать будут. Ас-тэ-ики отцу сказал, что

поехал воевать к этим невидимым людям. Лук отцу отдал, стрелы отдал и говорит: «Лук поставь на улице, пускай дождь идет, под снегом зимует там. Я, может, лет пять буду ходить, может, семь буду ходить воевать. Если этот лук будет стрелять и стрелы не заржавеют, знайте, что я живой». Он пошел. А младший брат вернулся обратно, вещи собрал, домой поехал.

Идет Ас-тэ-ики, видит: ниже поворота стоит лиственный лес, где-то на реке за Березово (на Северной Сосьве?). Ветви все перемешаны вместе, переплетены, кусты густые. Ас-тэ-ики знал, что это невидимых людей город. Увидел: соболев сидит. Только из лука его убил, слышит, что дверь открывается. Трехголовый человек выходит и говорит: «Ты молодых тех убил, а меня ты не убьешь». Они саблями рубились, рубились, и Ас-тэ-ики не зарубил того, и тот не зарубил Ас-тэ-ики. Все разбили сабли, одни ручки остались, они сабли бросили. Взяли луки, начали стрелять. И тот, невидимый, стреляет. Стрелы ломаются. Ас-тэ-ики они не убивают, только кожу (кольчугу) пробивают. Вот они стреляли, стреляли — стрелы кончились. Они отошли, встали в разные стороны. Луки взяли и стали луками биться, били ими о головы друг друга. В кровь головы разбили и луки сломали. Одна тетива от луков осталась. Бросили луки. За волосы друг другу вцепились.

Боролись, боролись. Кто знает, сколько боролись? В одно время Ас-тэ-ики вырубился, лежит. Сам не знает, что было с ним.

Потом слышит голос молодой женщины, она его будит: «Дорогой мой человек! Докуда будешь ты его так за волосы держать? Очнись, хватит тебе лежать. Нам же холодно. Наш поселок весь перевернули. Мы на улице находимся. Все замерзло. Ты оживи хоть, очнись». Он очнулся. И точно — менкв на земле лежит, а Ас-тэ-ики вверху на нем. Победил Ас-тэ-ики. «Такая, — говорит женщина, — война была, смотри — все переломали, перерубили». На что Ас-тэ-ики подумал перед битвой, что это лиственный лес, это был город невидимых людей. Людям согреться негде. Голову Ас-тэ-ики поднял. Эта женщина руку его отпустила, поцеловала и говорит: «Ты теперь мой хозяин будешь». Эта женщина без имени, она дочь того невидимого человека, которого Ас-тэ-ики убил. Они с дочерью менква поцеловались. Ас-тэ-ики поднялся, согрелся. Думал-думал, на болото пошел, из снега сделал четырех быков (оленей) белых. Они ожили. Из снега нарты сделал, упряжь, из снега же и хорей. Сел, поехал в Березово. Живой воды несколько бочек взял, живой травы, выпить бочками взял, дорогое и дешевое вино и материалов (тканей) разных. Война же была. Он на прощение взял. «Извиняться, — говорит, — надо. И свадьбу

делать надо». Он все рассчитывал. Ас-тэ-ики хотел, чтобы, когда люди на белом свете будут жить, у лесных духов меньше было влияние на людей. Приходит туда, где воевал. Сначала трехголового водой, травой поливает, мажет везде. Тот ожил. Говорит: «Какой-то сопливый парень меня на тот свет отправил. Как я глаза на этом свете открыл?». Ас-тэ-ики отвечает: «Раз я тебя положил (убил), я тебя и поднял (оживил). Так что знай: теперь долго жить будешь». Домой пошли вместе. Выпили вина, посидели. Всех остальных лесных людей попоил живой водой, живой травой, всех поднял. Менкв сказал: «Самая младшая дочь твоя жена будет». Свадьбу сделали.

Договорился Ас-тэ-ики с главным лесным духом (менквом), что будут лесные люди жить и дом их будет стоять, а менкв должен рассказать своей родне об условии Ас-тэ-ики, чтобы на белом свете невидимые людей не пугали, ничего им не делали плохого. Ас-тэ-ики бы убил лесного хозяина, и совсем бы его не стало, но без лесного хозяина нельзя жить тоже. Родственникам и хорошим друзьям менква ценного материала подарил, тем лесным духам, которых оживил. Сколько нужно их было — тех оживил, а лишних не оживлял.

Три дня прошло. Ас-тэ-ики говорит: «У меня дома тетка, дедушка и жена. Наверное, я

поеду домой». Менкв, видимо, все это тоже знал. Ас-тэ-ики опять: «Так нельзя, чтобы ушел и больше не вернулся. Надо показаться дома. Узнать, примут ли меня там, если я здесь женился». Менкв говорит: «Ладно, проживите дня три. Через три дня я тебя отпущу вместе с дочерью своей». Дальше говорит: «Раздетую я ее не отправлю и без чума я ее не отправлю».

Помощники менква куда-то уехали. Через три дня стадо оленей пригнали в 300 голов, чтобы молодые богато жили. Чум загрузили в нарту, вещи загрузили. Для Ас-тэ-ики запрягли четырех нестельных важенок и для дочери менква также запрягли четырех нестельных важенок. Она должна была сопровождать Ас-тэ-ики. Зацепили нарты, груженые вещами, и поехали.

Ехали-ехали, остановились. Жена и говорит: «Все. Куда надо было — туда доехали. Дальше я не поеду». Нарты разгрузили, снег растоптали, чум туда поставили. «Ночевать будем здесь». Оленей не отпускают ни с ее, ни с его нарты. «Пока не съездишь, все дела не уладишь — оленей не спускай». Переночевали. Утром сказал Ас-тэ-ики: «У меня жена, тетка и дедушка. Проведать можно?». Новая жена говорит: «Ты думаешь, я за тебя в самом деле вышла замуж? Скоро век человеческий начнется, люди появятся. Я буду сидеть (жить на каком-то месте), пупы-сязи буду (бабушкой для этих людей). Они меня

видеть не будут, будут оленей мне приносить (в жертву), а я буду ими пользоваться. Потом увидишь, что к чему. Я по другой причине вышла за тебя замуж. Поезжай домой, привези свою хантыйскую человеческую жену, будем вместе жить».

Он уехал. Семь лет прошло с тех пор, как он воевал с трехголовым менквом. Под вечер приехал домой. Нарту привязал, под окно сел на улице и слушает: примут его дома или нет. Даже собачки не залаяли, когда он приехал. Сел, сидит. Дедушка начал разговор с дочерью (человеческой женой Ас-тэ-ики): «Дочка, с тех пор, как твой муж уехал, семь лет прошло, семь зим. Когда уезжал Ас-тэ-ики, лук со стрелой оставил. Стрела с тремя перьями. Говорил Ас-тэ-ики, что если лезвие стрелы не заржавеет и оперение не облетит, то вернется живой. Стрела не заржавела, перья не облетели, значит, идет. Если без рук, без ног, без глаз придет, пригонишь его или нет?». Она отвечает: «Зачем, отец, такое говоришь? Он поехал жизнь человеческую устанавливать. Пускай без ног, без глаз, я приму его как дорогого человека. Как женились, как жили, так и дальше будем жить». В этот момент Ас-тэ-ики заходит в избу. Становится, ремень расстегивает, снимает. У него в кольчуге застряли стрелы менква, они тело не пробивали, а древки Ас-тэ-ики обламывал. С тех пор стрелы остались. Сколько стрел в него выстрелил менкв, столько нако-

нечников высыпалось, когда он ремень растегнул. Получилась куча до колен. Тогда дедушка сказал: «Дорогой мой зять, спасибо». Поцеловались, выпили. Ас-тэ-ики спрашивает деда: «Дочку дашь с собой или не дашь?». Ас-тэ-ики в этом сомневается, так как много лет ездил. Дед: «Я все знаю. Пойдете вместе».

Жить начали. Одну ночь с этой женой ночует, другую с другой. Начал ездить Ас-тэ-ики к людям каждое лето и каждую зиму. А в сторону невидимых людей не ездит. К своим хантыйским тетке, деду, родне ездит, гуляет там, а к невидимым родственникам не ездит.

Однажды новая жена начинает вещи с нарт сбрасывать, резко посуду ставит, ложку кидает — просто злится. Ас-тэ-ики говорит ей: «Сама говорила, что выгонять ее не будешь (человеческую хозяйку), вместе будем жить дружно. Почему ты такой стала?». Он-то знает почему, но спрашивает, чтобы завести разговор о жизни человеческой. Она отвечает: «Почему к ее родне ездить, а к моей нет?». Вот все и подходит к разговору. Ас-тэ-ики говорит: «Ладно, все делаем». И туда стал ездить. Летом два раза ездит, зимой два раза ездит. Новая жена сказала: «Все хорошо. Скоро будет жизнь человеческая. Бог отпустит людей. Люди будут на этой земле жить. Им же надо куда-то молиться ходить. За то, что я замуж за тебя выходила, я буду

пупы-сязи. И ты пойдешь мне место выбирать. Сшей одежды, какие я ношу: платок, платье, халаты. И когда будет жизнь человеческая, на двух ножках лабаз мне сделай и туда одежду, обувь положи. Больше меня сейчас не увидишь. Чтобы люди меня знали, и что когда-то эти события были — все расскажу сейчас, и ты меня больше не увидишь. Ты только помни, в какую семью мы поступаем (какого рода станемся покровителями), всем будем родней, только не забывайте водить к нам оленей (резать) и молиться нам. Иди сделай двухножный лабаз и всю одежду туда клади, и я буду чувствовать, что вы меня уважаете. Дух от убитых оленей я возьму себе».

Разговор кончился. От пупы-сязи только пустое место осталось, исчезла. Вверх поднялась.

Ас-тэ-ики специально женился на пупы-сязи, чтобы жизнь человеческая была, и она стала покровительствовать людям. С тех пор, наверное, две тысячи лет прошло.

Легенда про Ем-вош-ики

Жили вместе один речной мужик Юхан-юм-ики и обской мужик (когда человеческая жизнь настанет, он будет Ем-вош-ики). Долго хорошо жили, как два брата. Дети играли вместе, ребятишки не обижали друг друга, и хозяйки (жены) были как сестры. Ем-вош-ики знал, что скоро жизнь человеческая

начнется и не хотел оставлять людям свои сверхъестественные способности. Ем-вош-ики и друг его — не совсем люди. Они как боги или еще кто. А человеческая жизнь еще не начинается. Чтобы свои способности, свою силу показать будущим людям, он решил в лес ехать с другом. Однажды Ем-вош-ики говорит другу: «Уже наша жизнь кончается. Скоро человеческая жизнь будет. Давай на охоту съездим — секреты тебе покажу». Друг не хотел ехать, но подумал: «Ладно, съездим на охоту». Решили и поехали.

Поехали на лодках. День ехали, два ехали. На третий день говорит Ем-вош-ики: «Все, хватит. Тут должно быть много соболей». Он ходил, ничего не убил, а Юхан-юм-ики убил одного соболя. Поехали дальше. Заночевали. Ночью этот мужик ищет чего-то, шарится, шарится, везде шарится. Ем-вош-ики спрашивает: «Чего ты шарисься?». Тот отвечает: «Ну вот, одного соболя убил, да куда-то сунул. Не могу найти». Ем-вош-ики говорит: «Ты, наверное, думаешь, что я своровал. Давай поспорим, что не я взял». Другой: «Нет, я спорить не буду. Может, пока быстро собирились, я уронил, а собака прихватила и съела. Я на тебя вообще не думаю, что ты своровал. Раз так хорошо жили, ты не будешь этого делать». Позднее уже время. Он опять шарится. А Ем-вош-ики смотрит, он же взял. И опять

настаивает: «Давай спорим. Наверное, ты думаешь, что я своровал твою соболиную шкуру». Хочет спорить, чтобы показать, сколько хитрости у него есть и чтоб про это на белом свете рассказывали, когда жизнь человеческая будет. Так и не поспорили. Потом говорит Ем-вош-ики другу: «Ладно, ты оставайся, я домой поеду». Он сел и поехал. Ехал-ехал, ночь настала. Ем-вош-ики чувствует, что виноват. Он знает, что если человек виновен, за ним придет медведь. И когда человек выдержит испытания, он невиновен, не выдержит — виновен. И вот думает Ем-вош-ики, как заночевать? Ведь медведь все равно придет. Впереди речка. Ем-вош-ики мостик сделал такой слабый, чтобы только его мог выдержать. А если он уснет и медведь влезать будет на мостик, тот развалится, и медведь нырнет. И лодку привязал, чтобы, когда медведь придет, перепрыгнуть в лодку и плыть дальше. Подготовил он все и уснул. Медведь из леса идет, простой лесной медведь, и ревет: «А-а-а! Виновный человек!». Медведь подошел, на мостик залез. Ем-вош-ики с мостика перепрыгнул в лодку и поехал. Медведь за ним поплыл, а Ем-вош-ики говорит: «Не гоняйся за мной. Когда жизнь человеческая будет, мы с тобой будем вместе (люди нас почитать станут), и людям будет все понятно». В этот день домой не доехал. Они же с другом три дня до места охоты добирались,

и он также три дня обратно едет. Вторую ночь пришлось заночевать. Чувствует, что придет медведь, раз он виноват. Посреди речки снова мостик сделал, чтобы сидеть покойно. На берег не выходит, потому что медведь придет, его сожрет, потому что он виноватый, шукура-то у него, а того человека он обманул. Видит: медведь идет. Ем-вош-ики кричит ему: «Иди, я все равно смоюсь». Спустился медведь к речке и переплыл, а Ем-вош-ики ловко перепрыгнул в лодку и поехал дальше. Медведь за ним гонится. «Гоняйся, гоняйся, — кричит Ем-вош-ики, — ты меня не догонишь. Все равно я сейчас справлюсь с тобой. Потом будем вместе жить (когда жизнь человеческая настанет)». Медведь гонялся, гонялся, светло стало, он не стал гоняться. На берег переплыл и пошел с ревом.

Приехал Ем-вош-ики домой. А второго товарища нет. Хозяйка (жена второго) сколько-то подождала (может, сутки), подходит, спрашивает: «А где твой товарищ? Как так вы разъехались?». Ем-вош-ики отвечает: «В лесу остался, а я не стал охотиться, приехал домой».

Ребятишки до этого вместе играли. С тех пор, как Ем-вош-ики вернулся, не разрешают им вместе играть. Как вместе пойдут играть, Ем-вош-ики с палками туда идет. Говорит: «Мы с вашим отцом скоро расходимся, дружбе конец. Нельзя вам вместе с моими играть». Свою хозяй-

ку Ем-вош-ики с той подружкой (женой второго) не пускает разговаривать. Разгоняет их: «Чего разговариваете? Еще дело не закончилось. Подождите, время будет». А та женщина недоумевает: «Моего мужа убил он, что ли? Что муж там, в лесу, делает? Не понимаю». В этот момент ее муж приехал. «Так и так, — рассказывает хозяйке, — соболей добывал. Все нормально, все хорошо». Хозяйке рассказывает, а Ем-вош-ики сам-то все знает.

Дальше живут. Жили-жили. Однажды Ем-вош-ики говорит: «Давай пойдем шишки собирать». Осень, сентябрь начался. Ребятишкам же надо орехов. Второй мужик говорит: «Нет, у меня желанья нет». Ем-вош-ики уговаривает: «Нет, нет, пойдем». Другой думает: «Что-то не так будет». Но все равно пошли. Тот говорит: «Вот кедр хорошая, собирай шишки». Ем-вош-ики отвечает: «Нет, это плохие. Там у меня один кедр есть. У него ветки до земли загибаются — такие шишки растут. Туда пойдем». Пошли. Точно, кедр такой — шишки большие, длинные, ветки гнут. Ем-вош-ики говорит другу: «Давай залезай, скидывай шишки». Тот не соглашается: «Нет, я не полезу. Ты сам полезай». А Ем-вош-ики опять: «Нет, ты иди, кидай, сколько надо». Полез тот, до половины дерева долез, Ем-вош-ики сзади ползет, подначивает: «Долезай до конца. Я за тобой полезу». Догнал. «Все, — говорит, — я тебя отсюда скину». Второй

мужик отвечает: «Я же сказал, что не полезу. Сейчас отсюда выкинешь — я человеком не буду». А Ем-вош-ики опять: «Нет, будешь человек. Все будет нормально. Я тебя скину. Вот сюда перепрыгни (с кедра на землю). Если не спрыгнешь, я тебя скину отсюда». Тот снова отвечает: «Если я спрыгну с такой высоты, я же умру». — «Нет, не умрешь. Ты спрыгни». Но тот боялся и отказался. Тогда Ем-вош-ики взял и скинул его с вершины кедра. А тот с такой высоты упал на землю, а костей не слышно было (бесшумно упал), на такую подушку пал. Теперь Ем-вош-ики говорит: «Ну-ка, посмотри на свои руки, кто ты такой будешь?». Тот стал смотреть — медведь. Ем-вош-ики говорит: «Ну, теперь стой там, я сейчас спрыгну к тебе сверху». Прыгнул. На землю упал. Сам себя перевернул (превратил) — старый седой медведь стал. «Ну, все, — говорит, — пойдём дальше. Нам шишки не надо. Я одно хочу показать тебе. Скоро человеческая жизнь будет. Я буду Ем-вош-ики. Показать хочу тебе мои способности, чтобы знал мои слова, дела, чтобы детям сказки рассказывал, что я такой был. Пойдем. Я мало показал, сейчас много покажу». Идут-идут, Ем-вош-ики встал и спрашивает: «Ну что, все примечаешь?». «Я, — тот отвечает, — в жизни ничего такого не видел, да и сейчас ничего особенного не увидел». Они говорят языком человеческим, хотя медведями стали.

Ем-вош-ики: «Вот недалеко, видно отсюда, три медведя лесных ко мне идут. Я один с этими тремя медведями биться буду за то, чтобы люди хорошо жили. Ты спрячься. Если увидишь, что не справляюсь, ты мне маленько помоги. Я за это твой медвежий вид с собой заберу (верну тебе прежний)». Пошел. Эти три медведя напали на него. Он один их всех переборол. Говорит другу: «Ладно, дорогой, пошли дальше. Этим не кончится». Пошли дальше.

«Ну что, — спрашивает Ем-вош-ики, — все запомнил?». Тот ответил: «Я в тот раз тебе сказал, что ничего удивительного не видел». А Ем-вош-ики опять говорит: «Вот сейчас что будет: из-за этих деревьев идут ко мне пять диких медведей. Мы будем бороться. Если меня переборят, ты мне маленько помоги, я за это тебе жизнь оставлю, когда будет человеческая жизнь. Только ты спрячься, чтобы тебя не видели. Я сперва один буду бороться». Точно, только друг спрятался — пять диких медведей идут на Ем-вош-ики. Он один. Начали бороться. Боролись, боролись. Он пятерых медведей всех переборол. Один всех убил. Зовёт друга: «Дорогой, иди ко мне». Опять дальше пошли.

Ем-вош-ики говорит: «За то, что ты спорил (не верил) — этим не кончится. Я тебе последнюю силу показываю. Чтобы потом рассказывали и знали, что мы

такие были в жизни. Недалеко отошли. Другой мужик говорит: «Ну что, это последнее место». Ем-вош-ики спрашивает: «Знаешь, с кем сейчас встретишься?» — «Я откуда знаю?». «А вот, — говорит Ем-вош-ики, — сейчас семь медведей будет: шесть обыкновенных, а седьмой будет хозяин медведей. Не знаю, справлюсь я с ними или не справлюсь. Если увидишь, что не справлюсь, помоги мне. Ты спрячься, чтобы тебя не видели». Друг спрятался, а он пошел. Смотрит: точно, семь медведей идут. У одного мех такой, как костер блестит. Это хозяин медведей. Он самый сильный. Начали бороться. Вот они боролись, боролись, никто не знает, сколько боролись. Боролись, не могут один другого побороть. Ем-вош-ики говорит: «Ладно, отдохнем». Но держат друг друга когтями. Не выпускают. Хозяин медведей говорит Ем-вош-ики: «Ладно, разойдемся, пусть будет век людской жизни. Ты в тайге хозяин будешь. Я со своей стороны твоих людей уважать буду. Я буду тоже небольшой хозяин местным людям». Отпустили друг друга. Хозяин медведей ушел обратно.

Ем-вош-ики говорит другу: «Ну все, сейчас пойдешь домой. От тех четырнадцати медведей, что я завалил, шкуру мне не надо и мясо не надо. Все твои. Где я три завалил, где пять завалил, где шесть зава-

лил, обдирай да носи ты сам себе и ешь сам. Скоро человеческая жизнь будет, я пойду к невидимым людям. Все оттуда начались. Я буду невидимым человеком».

Эти разговоры кончились, точно: вот тут разговаривали, и человек оглянулся — не видно Ем-вош-ики. Исчез.

Легенда о Вут-ими

Вут-ими — она откуда-то с севера. Она ненка (?). Муж стал ее обижать, и она решила оставить его. Но прежде чем уйти от него, она отрубила ему ноги и говорит: «Пусть у тебя на твоей нарте будут с двух сторон перья (управлять оленями?). Сюда захочешь поехать — с этой стороны олень (что-то делаешь), туда захочешь — с другой, значит». И сама уехала. И там, где городище (место, где они жили?), там она поставила хорей. Выросло дерево. Внизу — сосна, сверху — береза (бор этот сгорел четыре года назад, это дерево раньше все видели). Где Казым переехала — нарту свою оставила (там, на болоте, семь кочек больших — это ее нарты). Поэтому ее называют Казым-тэ-ими. Когда она на свое место на Казыме ехала, проезжала она мимо пупы-сызи и сказала, что будет над ними старшей.

Казым-тэ-ими хранит род Молдановых. Святилище ее стояло в вершине Вош-югана. Есть там речка Няр-вош-юган.

Письмо в редакцию

Милостивый государь г. редактор!

Прошу вас напечатать следующее.

Здесь разносится ложный рассказ образованными дамами, который будто бы выходит из круга некоторых гласных думы, что бывший городской голова Текутьев не затратил жалованье на общественные надобности, а перевел это жалованье в жертву ремесленной школы и за эту сумму обязал управу ежегодно давать школе в виде процентов 2000 рублей.

Такие ложные пересуды ужасно волнуют меня и, как видно, будут существовать без конца.

Почему против этого я должен напомнить, что по вступлении моем на должность было заявлено мною, что заслуженное мною жалованье употреблять на всякие городские надобности, что и делалось, на что имею от городской управы с бухгалтерских книг от 18 ноября 1909 года №4286-й засвидетельствованное удостоверение.

Что же касается заимствованных управой у меня личными деньгами так же выдано мне с бухгалтерских же книг 20 ноября 1909 года удостоверение следующего содержания:

1900 года 1 ноября получено от меня на нужды города вза-

имообразно 400 рублей, 15 ноября — 2950 руб., 27-го — 5000 руб., 28-го — за дрова, взятые у меня 546 руб., 20 декабря кассой 4000 руб., 1902 года за 20 сажени дров 567 руб. 24 коп., 1903 года за лесопилку уплочено мной 12605 руб., 1904 года за лес Новоселову и Корчемкину 3300 руб., за ремонт лесопилки 1208 руб. 95 коп., 1906 года 1 ноября под квитанцию управы выдано 5050 руб., 3 ноября — 2500 руб., 29 ноября — 2000 руб., 30-го — 2000 руб., 1908 года за каменный корпус на площади — 9908 руб., всего выдано управе 52035 руб. 19 коп.

В счет этого долга получено с управы: 1901 года 13 февраля 6800 руб., 28 марта — 3000 руб., 1902 г. 10 апреля за перевозку леса 11 руб. 70 коп., 1903 года 16 июля получено 1380 руб. 50 коп., 1905 года 16 июля оценочного сбора 658 руб. 61 коп., 13 октября казенного налога 890 руб. 67 коп., 1906 года 31 мая оценочного сбора 915 руб. 59 коп., береговых за два года 550 руб., 18 ноября казенного налога 973 руб. 49 коп., 1907 года за торговые документы 1124 руб. 65 коп., 28 марта за береговые участки 400 руб., 3 июля оценочного сбора 695 руб., за лес — 40 руб., 1908 года 22 марта за береговые участки 731 руб. 25 коп., 30 июля оценочного

сбора 693 руб. 80 коп., 1909 года 23 марта за береговые участки 802 руб. 50 коп., 8 июля оценочного сбора 687 руб. 84 коп., всего 20355 руб. 60 коп.

Из выданных сумм управе 52035 руб. 19 коп. получено в разное время 20355 руб. 60 коп., оставшаяся сумма — 31679 руб. 59 коп. — остается за управой, из которых мною 30000 рублей назначено в пользу ремесленной школы, вечно за эту сумму управа и должна условно платить школе 2000 рублей в виде процентов ежегодно, так как деньги эти остаются в управе денежного расчета, а не жалованье.

*Необразованный Текутьев
(1911. №221. 19 окт.)*

Письмо в редакцию

Милостивый государь господин редактор.

Прошу вас поместить следующее.

По случаю открытия движения по новой Тюмень—Омск железной дороге через двадцать лет пришлось мне видеть Ишимскую ярмарку. На вокзале встречает меня близко знакомый, приглашает в свой дом, который отдается под квартиру одной особе и которая от себя на время ярмарки сдает комнаты; с товарищем мы заняли комнату в два окна, хозяйка квартиры спрашивает, что нам готовить. Мы попросили приготовить нам один скромный обед. Пробыли мы в квартире 7 су-

ток, собрались ехать на вокзал и попросили хозяйку получить с нас за квартиру и содержание. Хозяйка заявила, что возьмет столько, сколько мы сами дадим. Мы настаивали назначить цену и, наконец, сошлись на 3 руб. в сутки с обоих. А за комнату с нас, кроме того, взяла 70 рублей (7 сут.) и на протесты против дорогой цены хозяйка ответила: «Кто вам не велел порядиться». И мы вынуждены были заплатить всего 90 рублей.

Такой произвол хозяйки квартиры считаю нужным огласить в печати потому, чтобы приезжие на ярмарки были осторожны в найме квартиры.

Текутьев.

Декабря 8 дня 1911 г.

Хроника

Еще крупное пожертвование А.И. Текутьева.

Почетный гражданин города Тюмени Андрей Иванович Текутьев 21 марта подал в городскую управу заявление о том, что он на свои средства желает построить новое здание хирургической больницы с полным оборудованием рентгеновского кабинета, ваннами и т.д. с тем, чтоб в этой больнице были две кровати, предоставленные исключительно для бесплатного лечения бедных крестьянских женщин, и чтоб эти кровати носили имя покойной его супруги Евдокии Яковлевны Текутьевой, а самая боль-

ница носила наименование жертвователя.

Больница будет устроена на одной усадьбе с городской больницей.

При своем заявлении А.И. приложил план проектируемой больницы, сооружение которой предполагается по последнему слову техники, с огромными зеркальными окнами для хирургического кабинета и пр.

Этот новый дар городу обойдется А.И. в весьма крупную сумму — до 40 тысяч рублей.

1914. №66. С.3

Село Созоновское

(Тюменского уезда)

В Созоновской волости и приходе деревни Борок с 1913 открыто двухклассное училище, построенное Андреем Ивановичем Текутьевым. 29 марта ученики, которых более 60 человек, после обычного богослужения исповедывались и причащались св. тайн. После службы в присутствии жителей всей деревни было освящение иконы св. Преподобного Серафима Саровского Чудотворца в память о здравии А.И. Текутьева. Икона будет находиться в часовне деревни Борок.

(1914. №78. С.3.)

Письмо в редакцию

Милостивый государь господин редактор!

В вашей газете в отчете о театральном сезоне в конце было сказано, что здание теат-

ра нужно капитально переделать, вероятно, все, кто посещал театр Текутьева, прочтя эту краткую, но правдивую заметку, скажут: «Давно бы пора!».

Театр в Тюмени давно требует полного переустройства, в таком виде, как сейчас он находится, оставлять его невозможно.

Наступает весна, м.г. Текутьеву переделать театр самое подходящее время.

Переделать театр нужно по указанию опытного архитектора, а не полагаться на советы доморожденных строителей и подрядчиков.

Теперь время требует, чтобы здания для общественного пользования были устроены по всем требованиям строительной техники, в театре г. Текутьева мы этого не видим.

Главное неудобство в театре представляет то, что лестницы устроены совершенно не на месте и не так, как требуется; к тому же лестницы очень узкие и крутые и с маленькими площадками.

Очень неудобно устроены входы, раздевальные не на месте и слишком малы. Нет вестибюля.

В каждом благоустроенном театре имеются коридоры вокруг ярусов, которые сообщаются с лестницами. Здесь коридоров нет.

Нет просторного фойе и курительных комнат.

В зрительном зале проходы между стульями малы.

На верхах очень неудобно, тесно и душно, выходов недо-

статочны и они слишком малы, нет клозета для женщин. Клозеты в театре вообще устроены очень примитивно, всегда запах носится всюду. Вентиляция плохая, всегда жарко и душно.

В пожарных отношениях театр представляет очень опасную постройку, масса деревянных частей, как-то: ярусы и арка, где сцена и круг, совершенно не защищены штукатуркой.

Полы деревянные со щелями, часто можно видеть, как туда попадают окурки с огнем. Курят в театре почти везде, тогда как в театрах курить допускается только в отведенных для этого комнатах.

Много деревянных лестниц и, кроме этого, одна устроена внутри зрительного зала, что недопустимо.

На сцене нет противопожарного занавеса. Во всем театре нет ни одного пожарного крана.

Ведь если себе представить какой-нибудь несчастный случай, то подумать страшно, что может произойти.

Перечислять все недостатки в театре, мне кажется, лишним — уж очень много их. Вопрос же о театре для тюменцев очень серьезный.

М. Дубровин.

(1915. №36. С.3.)

Два письма «Лукичу» в одном конверте

Уважаемый редактор.

Я начинающий писатель. Написала несколько остросюжетных произведений. Естественно хочу, чтобы их издали т.е. напечатали для широкой публики. И я хочу знать если их напечатают, что я буду иметь. Дело в том, что я нынче кончила школу и средств к существованию у меня почти нет. Семья 4 человека живем на материну пенсию. Так что рукописи у меня на тетрадных листах и от руки, и это для вас определенные затруднения. Я согласна на все, что предложите

С уважением Ольга М., Омутинский р-н

Уважаемый редактор, пишу я вот с какой целью. Я, как и моя подруга, сочиняю произведения. Пишу я с 6 класса. В настоящее время я написала только два небольших произведения. Я не рассчитываю стать писателем, но ужасно хочу, чтобы выпустили хоть одну мою книгу. Я учусь в 10 классе, мне 16 лет.

Даже если будет отказ, то так и напишите. Мы хоть будем знать, что наше письмо дошло до вашей редакции. Я живу вместе с подругой, так что пишите по адресу, указанном на конверте. Заранее благодарим.

Света Д.

* * *

Рахвалов живет в Тобольске. Автор многих художественных и публицистических книг, изданных даже в столице.

Мне довелось выступать в роли издателя нескольких его сборников рассказов о производственных коллективах. Поскольку безденежье заставляет Сашу таким образом зарабатывать на жизнь, свой талант он давно адаптировал к новому конвейеру. В каждую очередную книгу он обязательно включает массу приказов по предприятию, взятых из архивов. И считает: наличие еще одной фамилии, неважно в каком контексте, — это плюс еще один потенциальный покупатель книги.

Во всех его заказных производственных книгах обязательно выписывалась сцена: Саша входит в помещение бухгалтерии, его встречает женский коллектив. Саша приподнимает рубашку и начинает чесать волосатый живот. Женщины внимательно наблюдают за процессом.

В очередной раз при редактировании книги бродячий сюжет выбрасывается в издательстве, но «волосатое брюхо» Рахвалова как наваждение появляется в новой книге.

И еще один комплекс. В каждой заказной книге обязательно есть фраза о Сашиной школьной учительнице русского языка, которая не знала, что в ее классе учится великий русский писатель.

А в сущности, написав роман «И всюду лик коня», Саша пока так и остался автором единственного талантливое предисловия.

Ну а теперь, почти анекдот...

* * *

Юрий Басков — поэт из Салехарда, один из немногих поэтов с большой буквы, ныне живущих на территории области. Он дружит с А. Рахваловым.

Однажды Юра предложил мне съездить в гости к Рахвалову, объяснив, что в одиночку не рискует это делать.

Приехали, идем втроем по городу. Саша каждые пять—семь минут поворачивается к своему другу:

— Юра, купи этой девке шоколадку, я обещал.

— Дай денег на шампанское, должок за мной.

— Юр, отдай этому кенту триста рублей, а то я брал, а никак отдать не могу...

Басков покорно выполнял все просьбы. Но вечером, когда Рахвалов на ночь глядя собрался к девушкам и начал неназойливо требовать на букет рублей этак двести, Ю. Басков не выдержал. Он бросил кошелек с деньгами на пол: «Я за эти деньги на Севере сопли морозил. А ты подними кошелек и хоть так заработай».

Когда я уезжал из Тобольска, Ю. Басков просил меня не бросать его у друга: «А то и меня кому-то вместо долгов отдаст».